ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 44-й

№ 12 (4402)

21 марта 1973 г. СРЕДА

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Новолипецкий металлургический завод. Ударник коммунистического труда старший горновой Николай Петрович Тыртышный

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

> «...Чем теснее связь художника со всей многогранной жизнью советского народа, тем вернее путь к творческим достижениям и удачам».
>
> Л. И. БРЕЖНЕВ
> (Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза)

СЕГОДНЯШНИЙ НОМЕР «ЛГ» РАССКАЗЫВАЕТ ОБ УЧАСТИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ОБЩЕНАРОДНОЙ БОРЬБЕ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Многонациональная советская литература всегда вдохновлялась коммунистическими идеалами, служила великому делу ленинской партии. И ныне писатели — на переднем крае пятилетки.

ПУБЛИЦИСТИКА — БОЕВОЙ ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ

На вопросы анкеты «ЛГ» об актуальных проблемах публицистики отвечают **Леонид Иванов, Вадим Инфантьев, Константин Лордкипанидзе, Анатолий Медников, Мутеулло Наджмиддинов, Александр Смердов, Антон Хижняк, Самсон Шляху.**

Новые произведения публицистов обозревают **Феликс Кузнецов и Иосиф Осипов.**

Пьесам о современном рабочем посвящены выступления **Евгения Габриловича, Анатолия Софронова, Игнатия Дворецкого, Диаса Валеева.**

С публицистическими статьями о злободневных задачах третьего, решающего года пятилетки выступают **Вадим Кожевников, Георгий Радов, Игорь Бондаренко.**

Под рубрикой «Мир глазами писателя» публикуются зарубежные материалы **Генриха Боровика, Ануара Алимжанова, Юлиана Семенова, Георгия Гулиа.**

стр. 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 14, 15

Алим КЕШОКОВ

ВРЕМЯ ЗОВЕТ

Пятилетки — вехи нашего пути к коммунизму, высоты, с которых далеко видно. Молодой, чистый воздух вершин, гордая окрыленность сердца! Вот мироощущение народа, творящего Историю.

В памяти людей нашего поколения живы подвиги тружеников первых пятилеток, незабываемая героика того времени, когда закладывались основы социализма, когда вся страна стала одной огромной строительной площадкой, а на вагонах ветер рвал полотнища: «На Магнитку!», «Даешь Комсомольск!».

Мы без ложной скромности можем сказать: со времени первых пятилеток многонациональная советская литература и ее боевой жанр — публицистика всегда активно участвовали в экономическом и культурном строительстве нашего общества. Эстафету первых летописцев Советской страны, традиции которых закладывал великий Горький, сегодня с честью несут наши писатели.

Предстоящий пленум правления СП СССР, посвященный теме «Писатель и пятилетка», соберется, чтобы оценить участие писателей в общенародной борьбе за успешное выполнение девятой пятилетки и плана ее третьего, решающего года, чтобы определить дальнейшие задачи.

Мне не раз приходилось участвовать в писательских поездках в самые различные районы страны, и я на собственном опыте убедился, насколько это обогащает, расширяет кругозор, углубляет знания. Сколько бы книг, статей, очерков ни читать о людях труда, невозможно только на этом основании писать так, чтобы глубоко взволновать кого-то. Надо самому быть потрясенным, чтобы потрясти читателя.

...Мы ездили в Тюмень, к первооткрывателям недр Сибири, познакомились с удивительными людьми, которые работают под девизом: максимум техники, минимум мускульных сил. На их вооружении — автоматика и телемеханика. В их распоряжении — мощные вертолеты, способные в кратчайший срок перебазировать бригады буровиков из одной точки тайги в другую. Это еще более поразительно, если вспомнить, что не последним орудием труда на первых стройках первых пятилеток была... лопата.

Мне вспоминается рекордсмен — буровой мастер Геннадий Левин, бригада которого за один месяц пробурила 8000 метров. Это был рекорд! И сколько усилий пришлось приложить бригаде, чтобы удержать первенство, оторваться от «преследователей»! Как сильно и глубоко раскрываются человеческие характеры в этом прекрасном соперничестве! Такое надо видеть своими глазами!

Так на Востоке. А на Юге? В горах Кавказа, где в мае 1938 года с головокружительной высоты на грузовике спустили первую руду, теперь развернулся небывалый штурм рекордов по проходке вертикальных стволов. Всего несколько лет назад скорость проходки составляла полтораста метров в месяц. Сначала этот рекорд превзошли на 50 метров. Вскоре выработка достигла 426 метров. Спустя немного времени бригада Владимира Амшокова прошла 602 метра. Но социалистическое соревнование — как снежная лавина: чем дальше, тем стремительнее его движение. 766 метров! Такой скорости проходки добилась бригада Шарафуддина Мулаева.

Планы страны складываются из планов республик, краев и областей. А в каждом — планы городов, районов, предприятий, колхозов, совхозов, научных учреждений. В них учтен труд каждого рабочего, колхозника, строителя, ученого.

Да, наши планы грандиозны! Мы строим Коммунизм! Как, какими словами выразить чувства, мысли советского человека — творца будущего? Это увлекательная и непростая задача публицистики. Ее не решить без неукротимого стремления открыть прекрасный духовный мир нашего современника. Проникнуть в него, познать его интересы, вскрыть пласты человеческого характера, показать атмосферу творческого горения, поисков, стремлений, свершений — вот трудная, но благодарная задача, встающая перед советским писателем.

Писатель, отправляющийся в дорогу, куда бы он ни ехал: на крупную всенародную стройку или на объект «районного масштаба», — заранее уверен, что встретит там замечательных людей.

Отобразить героя нашего времени, человека труда, — это значит отобразить существенную, характерную черту народа-творца, народа-созидателя.

Пятилетка зовет! Она зовет в дорогу и нас, писателей. Жажда новых открытий нового человека — та могучая сила, которая ведет советскую литературу к новым творческим высотам!

УКАЗЫ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Забилы Н. Л. орденом Октябрьской Революции

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писательницу Забилу Наталью Львовну орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 15 марта 1973 г.

О награждении писателя Папаскири И. Г. орденом Октябрьской Революции

За заслуги в развитии советской литературы наградить писателя Папаскири Ивана Георгиевича орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 15 марта 1973 г.

На алтайской земле. Олесь Гончар, Леонид Иванов, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС А. В. Георгиев, Георгий Марков

Анатолий Софронов и Вадим Кожевников — гости Комбината тугоплавких и жаропрочных металлов в гор. Чирчике

На земле Кабардино-Балкарии. Украинский писатель Анатолий Хорунжий и азербайджанский писатель Нуреддин Бабаев беседуют с председателем колхоза «Красная нива» Героем Социалистического Труда Н. Н. Евтушенко

Фото В. КРОХИНА и Л. НИСНЕВИЧА

ПЛОДОТВОРНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ РАЗГОВОР...

С ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Обсуждение творческой и общественной деятельности Союза писателей Карелии было главной темой состоявшегося пленума правления СП РСФСР. Во вступительном слове председатель правления СП РСФСР С. Михалков подчеркнул, что это первая попытка проанализировать на пленуме литературу целой автономной республики. В Карельской АССР живет и работает большой отряд литераторов, пишущих на финском и русском языках.

Председатель правления СП Карельской АССР У. Викстрем сказал:

— Мы хотим быть летописцами нашей прекрасной эпохи, чтобы дела современников звучали в книгах широко и звонко. И не только летописцами, но активными участниками, творцами новой жизни, которая создается трудом народа.

За последние годы карельская литература обогатилась рядом интересных произведений. С 1970 по 1972 год только издательством «Карелия» было выпущено свыше 40 книг прозы и поэзии. В центральных издательствах за три года вышло около 20 книг карельских писателей. К этому следует прибавить и публикации в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Октябрь», «Нева», «Звезда».

Доклады У. Викстрема, Э. Карху, Д. Гусарова, О. Мишина, Н. Лайне выявили тенденции, сближающие финноязычную и русскую литературы Карелии с многонациональной литературой всей нашей страны. Карельская поэзия и проза обязаны своим рождением Великой Октябрьской революции. Исторические повести и романы, получившие признание широких читателей, свидетельствуют о стремлении авторов к объемному изображению нашей эпохи.

В республике за последнее время появились значительные книги на историко-революционную тему, такие, как трилогия А. Линевского «Беломорье», эпопея «Водораздел» Н. Яккола, романы А. Тимонена «Мы, карелы» и У. Викстрема «Суоми в огне», «Три повести из жизни Петра Анохина» Д. Гусарова. Роман Т. Хуусконена «Стальной шквал на перешейке» с интересом встречен не только в нашей стране, но и за рубежом. Написано немало произведений о войне. Это проза А. Тимонена, Д. Гусарова, П. Пертту, А. Степанова, поэзия Я. Ругоева, Н. Лайне, Б. Шмидта, А. Титова.

Создание высокоидейных и высокохудожественных произведений о нашем современнике является главной задачей карельских писателей. Назвав повести Ф. Трофимова «Красная земля», П. Пертту «Клад», В. Соловьева «Отшельники», выступившие отметили, что читатели ждут от своих писателей большего. Самоотверженный труд лесорубов, рыбаков, строителей, бумажников достоин яркого художественного воплощения. Современность — важнейшая тема и карельской поэзии. Всесоюзному читателю хорошо известны имена Я. Ругоева, Т. Сумманена, Б. Шмидта, М. Тарасова, Н. Лайне, В. Устинова. Активно работают С. Лунд, О. Мишин, И. Костин.

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» значительно оживило работу критического цеха. Журналы «Север» и «Пуналиппу» стали чаще публиковать проблемные аналитические статьи. Важно отметить появление серьезных литературоведческих работ. Но этого еще недостаточно. Нужно, чтобы связь литературы с жизнью, с актуальными проблемами нашего развития раскрывалась с большей полнотой.

Участники пленума рассказали о постоянно крепнущей дружбе с ленинградскими писателями, с литераторами Коми АССР, Архангельской, Вологодской и Мурманской областей.

В обсуждении творчества карельских писателей приняли участие К. Симонов, М. Дудин, Р. Рождественский, В. Цыбин, А. Овчаренко, Д. Гранин, Г. Горышкин, Г. Радов, И. Гринберг, А. Дымшиц, Д. Молдавский, В. Сидельников, В. Полторацкий.

Пленум принял решение, в котором говорится, что писательская организация республики улучшила свою творческую и общественную деятельность. Вместе с тем пленум отметил, что карельская литература все еще в долгу перед тружениками стремительно развивающегося края, жизнь которого дает замечательный материал для создания образа нашего современника. Пленум рекомендовал Карельской писательской организации активизировать и углубить работу по выполнению постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

* * *

Состоялись довыборы секретарей правления СП РСФСР. Секретарями правления избраны Сибгат Хакимов, Расул Гамзатов, Виктор Тельпугов.

В работе пленума приняли участие первый секретарь правления СП СССР Г. Марков и заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляев.

АНКЕТА «ЛГ»

БОЕВОЙ ЖАНР

Редакция «Литературной газеты» обратилась к некоторым писателям с просьбой ответить на два вопроса:

1. Как, по Вашему мнению, отражается в нашей публицистике самоотверженный труд героев пятилетки?

Леонид ИВАНОВ:

1. Должен сразу оговориться, что я писатель «деревенской» темы и более внимательно слежу за произведениями на свою тему, потому буду говорить только о ней.

Мне кажется, что писатели наши еще недостаточно активны в показе героев пятилетки. Запоминающихся образов создано пока что не так уж много.

В последние годы наша деревня заметно богатеет, теснее приобщается к современному быту и культуре, что, естественно, отражается и на формировании характера людей, ведет к возникновению новых проблем.

Хотелось напомнить об активизации писателей в пятидесятые годы, когда внимание многих привлекала фигура нового председателя колхоза, человека образованного, приехавшего из города. Сколько в те годы было написано публицистических очерков! И почти все о том, как новый председатель за год вывел отстающий колхоз в передовые. Подобные «открытия» явились результатом некоторого пренебрежения к сельскохозяйственному производству, свойственного, правда, не только писателям и журналистам.

А в реальной жизни все оказалось гораздо серьезнее. Выяснилось, что сельскохозяйственное производство не менее сложно, чем промышленное, и что за один год крутого переворота здесь не сделаешь. Это последнее обстоятельство, как мне кажется, словно испугало многих пишущих, оттолкнуло от проблем современной деревни: уж очень сложны они, требуют глубокого изучения, а у нас всегда недостает времени. А тут еще огромные перемены в жизни села, новые, не менее сложные проблемы. И многие из нас оказались в некоторой растерянности.

Надо искать пути для более серьезного изучения сегодняшней деревни. Но надо сказать прямо: при кратковременных командировках багаж знаний о деревне мы не очень-то пополним.

Теперь об очерках последнего времени. Мне запомнился очерк Юрия Черниченко в «Правде» о кубанском бригадире Михаиле Клепикове. Даже не принимая на вооружение модных новинок, вроде безнарядных звеньев, Михаил Клепиков создал великолепный коллектив, в котором родился лозунг: «Поле соседа — не чужое поле». И члены бригады, выращивая отменные урожаи на своих полях, активно помогают соседям.

Хотелось отметить удачные выступления моих земляков, сравнительно молодых литераторов: Виталия Зеленского, опубликовавшего в «Сибирских огнях» очерк о знаменитом алтайском бригадире Александре Беккере, и Тамару Саблину, написавшую очерк «Возвращение» (он опубликован в журнале «Сельская молодежь») — о делегате партийного съезда, герое труда комбайнере совхоза «Сибиряк» Омской области Петре Заречном и его товарищах.

2. Я только что завершил работу над документальной книгой о великом труженике земли — полеводе колхоза «Заветы Ленина» Курганской области Терентии Семеновиче Мальцеве, за творческой деятельностью которого наблюдаю более 30 лет.

Терентия Семеновича отличают страстная любовь к природе, к родной земле, неиссякаемая энергия в поисках путей к повышению урожайности полей, непримиримая борьба за передовые приемы земледелия. Все это принесло ему уважение и любовь множества людей, и его трудовой подвиг — пример для подражания всем тем, кто посвящает свою жизнь служению народу.

В прошлом году я четыре месяца жил в одной из деревень Калининской области. И нынче собираюсь туда на тот же срок. Накопленные уже наблюдения и то, что соберу, позволят написать о делах и людях калининской деревни. Но это будут не портретные очерки, а показ передовых людей, ведущих упорную борьбу за повышение продуктивности полей и ферм, за успешное решение важных и сложных проблем, возникших перед тружениками нечерноземной зоны.

ОМСК

Вадим ИНФАНТЬЕВ:

1. По моему глубокому убеждению, далеко не полно, главное, не глубоко. В самом деле, чаще всего мы изображаем человека труда как индивидуум — и только. Мы мало затрагиваем проблему взаимодействия, я бы даже сказал — единства, да, единства человека как неповторимой индивидуальности и как части общества — с техникой. Мало показать, что техника — это усиление всех качеств человека: его ума, мышечной энергии, работоспособности, органов чувств. Необходимо, вероятно, видеть и отображать жгучие проблемы, которые несет с собой научно-техническая революция. Ведь с развитием техники не только облегчается физический труд человека. Увеличивается его личная ответственность за свое дело, возрастают нервные и психические нагрузки. Каковы издержки НТР?

Приведу наиболее близкий моим писательским интересам пример — труд современных моряков. Мы пишем о их повседневном героизме, но почему-то обходим «треугольник»: человек — море — семья. А в наше время этот треугольник вопреки всем законам геометрии становится все более и более остроугольным.

Большой современный танкер разгружается за 15—20 часов. Введение контейнерных перевозок также значительно сокращает сроки стоянки судна в порту. Слов нет, этим самым повышается рентабельность перевозок, но одновременно сокращаются или вовсе исключаются свидания моряков со своими семьями. А ведь одно только прикосновение горячих детских ладошек порой способно повысить производительность труда не хуже иного умного механизма. Мелочь! Нет.

Это очень сложный вопрос, но осмыслить его мы обязаны.

2. Хочу, мечтаю, собираю материал и считаю себя обязанным написать о том, как самоотверженным трудом наших ученых, инженеров, рабочих создавалась современная военно-морская мощь первого в мире социалистического Отечества.

А еще я обязательно напишу о труде солдат строительных отрядов. Я считаю: даже когда отпадет надобность в почетной воинской обязанности, все равно молодых людей нужно будет направлять на самые трудные и ответственные участки нашего строительства, для того чтобы они окрепли, созрели в настоящем деле и превратились в крепких мужчин — полноценных граждан, рачительных хозяев нашего общества.

ЛЕНИНГРАД

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ:

1. В публицистике, на мой взгляд, наиболее ярко и концентрированно выражены лучшие черты нашей литературы: партийность, гражданственность, наступательность. В этом смысле публицистичность — понятие не столько жанровое, а скорее политическое. Разве не публицистичны в лучшем смысле этого слова стихи Маяковского и Галактиона Табидзе, произведения Шолохова, военные стихи Симонова и статьи Эренбурга? Сегодня наблюдается оживление публицистичности. Литература в полной мере старается выполнить свой долг перед партией, перед народом. Можно сказать, что в грузинской литературе возрождается традиция И. Чавчавадзе. Что способствовало этой активности? Участившиеся за последние год-два поездки писателей на крупнейшие стройки, предприятия, в колхозы, шефство отдельных журналов над рабочими коллективами и другие организационные мероприятия. Но главное — общий духовный климат жизни нашего народа. Правда, вспоминая художественную отдачу этих мероприятий, я в основном могу назвать очерки, статьи, публицистические или репортажные материалы, то есть произведения малых форм, «легкую кавалерию». Герои нынешней пятилетки еще ждут, чтобы о них написали такие произведения, как «Время, вперед!», «День второй», «Гидроцентраль», стихи и поэмы грузинских поэтов о ЗаГЭСе и Колхиде.

2. В своем творчестве я стараюсь не отделять собственно публицистику от художественных жанров. За последнее время опубликовал статьи о проблеме подлинного хозяина нашей земли, о молодых специалистах на селе, о рабочей чести и отражении образа рабочего в нашей литературе. И в этом же ряду я числю рассказ «Да здравствует Дон Кихот!». Хочу постараться, не ослабляя активности в оперативных жанрах, завершить давно начатую работу над романом о людях сегодняшнего села и их проблемах, не только экономических, хозяйственных, но и психологических, социальных.

ТБИЛИСИ

Анатолий МЕДНИКОВ:

1. Художественная публицистика накопила богатый опыт, давно уже требующий серьезного и глубокого осмысления. Чтобы правильно оценить успехи и удачи, а равно увидеть недостатки и слабости публицистических и очерковых произведений, надо отчетливо представлять себе синтетический характер и двуединую природу этого жанра. Проблемы, конфликты, исследование закономерностей жизни — с одной стороны; человек, судьба, образ современника — с другой.

Ведь художественная публицистика всегда являлась и является тем звеном, которое прямо и открыто связывает литературу с жизнью во всей ее документальной реальности. Год от года все требовательнее ощущается для очерковой литературы необходимость влиять на процессы, совершаемые в жизни, на ход событий не только нравственно, но и прямо, с деловыми, практическими последствиями. И вместе с тем очерк, по мысли Горького, — это всегда и человековедение, художественная публицистика в ее широкожанровом понимании, как и всякое искусство, идет к истине через человека, исследует жизнь и ее проблемы через проникновение в сложный духовный мир личности.

Уже давно повелось у нас, что на предприятия и важнейшие стройки литераторы выезжают не только для встреч с читателями, но и, главным образом, для изучения действительности, всех ее социальных, экономических, нравственно-этических проблем. Не художественная ли публицистика Ф. Гладкова, И. Эренбурга, К. Паустовского, Л. Леонова, М. Шагинян, В. Катаева и других писателей в свое время послужила для них началом углубленной работы над романами и повестями и вместе с тем определила новый поворот в исследовательском пафосе всей литературы!

Эти связи и закономерности характерны и для современного литературного процесса.

Мне, как писателю рабочей темы, особенно интересны работы тех моих товарищей, перед которыми сейчас, в годы новой пятилетки, крупным планом встали сложные проблемы научно-технического прогресса, интенсивных методов ведения хозяйства, серьезного повышения эффективности нашей экономики. И, естественно, задача изображения тех, кто практически решает все эти проблемы, создания образа человека творящего, нашего рабочего-современника.

Сейчас уже уверенно можно сказать, что из многочисленных разновидностей художественной публицистики в последнее время окреп и утвердился проблемный аналитический очерк. С ним мы связываем сейчас наши главные надежды. К сожалению, в последние годы в области рабочей темы не появилось произведений, которые можно было бы определить как крупные удачи, получившие широкое общественное признание.

2. Должно быть, как и всякого очеркиста, который в течение многих лет связан с полюбившимися ему заводами и год за годом накапливает жизненный материал, меня влечет к продолжению и углублению целого ряда давно начатых разработок. К примеру, я уже писал о трубопрокатчиках Челябинска в документальной повести «Тонкий профиль». Я хочу вернуться к этой теме.

Несколько лет назад я начал писать о литейщиках Москвы и Рязани. Хочу побывать на Липецком, Одесском и других центролитах. Вырисовывается тема, глубокая и емкая, связанная с идущим сейчас широко техническим перевооружением всей нашей литейной индустрии и, конечно же, с теми, кто представляет собой людей интереснейшей духовной формации, — рабочим классом семидесятых годов.

И последнее. Давно уже хочется вклиниться в малочисленную шеренгу критиков, следящих за развитием художественной публицистики, и написать книгу о проблемах жизни и проблемах документальной литературы с позиций своего уже почти тридцатилетнего практического опыта работы в этом жанре.

МОСКВА

Мутеулло НАДЖМИДДИНОВ:

1. Мне думается, сегодня у нас есть достойный повод и основания говорить о советской документальной прозе во всем многообразии ее возможностей и достижений. Наша документальная проза накопила такой опыт изображения человека труда, такую широту в постановке самых злободневных проблем в жизни нашей страны, что трудно представить себе литературу без ее документалистики — будь то литературная запись, путевой очерк, репортаж, проблемная статья. «Среди мифов и рифов» В. Конецкого, «Жизнь Бережкова» А. Бека, очерки Г. Радова — все это, на мой взгляд, документальная проза.

Несколько лет назад в таджикской советской литературе документальная проза была одним из наиболее боевых жанров. Достаточно вспомнить «Фаттоха и Музаффара» Ф. Мухаммадиева, «Из пункта А в пункт В» Джалола Икрами и Арнольда Одинцова, «Джуру-Саркора» А. Сидки, «В поисках Керима Деваны» Хабибулло Назарова. Книги читаются и по сей день, переиздаются, по ним снимаются фильмы.

А вот случай прошлогодний. Решено было создать коллективную книгу о строительстве Нурека. Участвовать в ней вызвалось немало писателей. И вот — книга в издательстве. А выпустить ее не можем. Составитель представил в издательство в лучшем случае литературные репортажи, повторяющие друг друга. Оно и понятно. Ведь за неделю-две мало что узнаешь о проблемах и людях такой гигантской стройки. Печальный результат: многие молодые таджикские писатели, когда дело доходит до этих самых конкретных отношений — на производстве ли, в колхозе ли, — не ориентируются в элементарных вещах.

1. Сейчас я продолжаю работу над книгой очерков о людях таджикского села, об их борьбе за рациональное использование каждого клочка орошаемой земли, за сох-

---

МИР ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ЗА НЕГО БОРОЛИСЬ

Три дня в Колонном зале Дома союзов проходила международная консультативная встреча по созыву Всемирного конгресса миролюбивых сил. Три дня на пленарных заседаниях и в рабочих группах 178 представителей 48 международных и 81 национальной организаций из 60 стран обсуждали пути и методы совместной подготовки этого необычайно важного в современных условиях форума.

Встреча завершилась принятием двух важных документов: Воззвания за созыв Всемирного конгресса миролюбивых сил и Коммюнике. В них подчеркивается настоятельная необходимость проведения в Москве в октябре 1973 года представительного международного форума, где можно будет широко обсудить вопросы безопасности и разоружения, национальной независимости, сотрудничества и мира.

Участники консультативной встречи выразили мнение, что при подготовке конгресса наибольшего интереса заслуживают такие жизненно важные для народов проблемы, как ликвидация очагов войны, в особенности на Ближнем Востоке, и выполнение мирных соглашений в Индокитае; международная безопасность, вопросы разоружения; пути достижения и обеспечения национальной независимости; ликвидация остатков и последствий колониализма, противодействие империалистическому вмешательству; развитие всестороннего, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества народов и государств; расширение взаимопонимания и контактов миролюбивых общественно-политических сил.

В обсуждении этих вопросов приняли участие деятели ООН, Всемирного Совета Мира, Лиги арабских стран, Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, профсоюзных, женских, молодежных и религиозных организаций, всемирной ассоциации «Школа, как институт мира» и многих других. Никогда за всю историю движения сторонников мира так много разных и отличающихся друг от друга организаций не собиралось под одной крышей, чтобы совместно подготовить Всемирный конгресс миролюбивых сил. И в этом — первая особенность прошедшей встречи.

Вторая заключается в том, что она состоялась в столице государства, первым декретом которого был Декрет о мире и миролюбие которого вытекает из самой природы его общественного строя, из природы социализма.

В своем выступлении на встрече председатель Советского комитета содействия конгрессу М. В. Зимянин напомнил собравшимся слова Л. И. Брежнева, сказанные им в связи с 50-летием СССР: «Выражая неизменное желание сотрудничать в деле сохранения мира со всеми правительствами, которые к этому готовы, Страна Советов одновременно поддерживает и неуклонно расширяет сотрудничество с миролюбивой общественностью, с народами всех стран».

Сегодня благодаря активным усилиям Советского Союза, претворяющего в жизнь Программу мира, разработанную XXIV съездом КПСС, благодаря усилиям других государств и всех миролюбивых общественных сил, в мире произошли серьезные положительные сдвиги: одержал победу в борьбе за национальную независимость героический вьетнамский народ, определенные успехи достигнуты в деле разрядки напряженности на европейском континенте, появились реальные возможности для того, чтобы добиться коренного поворота в сторону подлинной и гарантированной безопасности для всех народов.

Но такой поворот не произойдет автоматически, сам по себе. Его должны совершить все миролюбивые силы — народы, правительства, общественное мнение.

Эти мысли звучали в выступлениях почти всех, кто поднимался на трибуну Колонного зала Дома союзов. Их же мы услышали и в интервью, которые взяли у участников консультативной встречи.

ИЗАБЕЛЛА БЛЮМ,

член президиума Всемирного Совета Мира (Бельгия):

— Консультативное совещание открывает новый этап движения сторонников мира, поскольку проблемы, которыми будет заниматься конгресс, обсуждаются как организациями, уже решившими в нем участвовать, так и теми, кто еще не принял такого решения, хотя и проявляет заинтересованность в его созыве.

В дальнейшем нам предстоит огромная работа по пропаганде идей конгресса среди общественности отдельных стран и в международном масштабе. Мы будем объяснять народам, что созыв подобного форума стал реальной возможностью только в результате упрочения позиций миролюбивых сил и успехов, достигнутых ими в борьбе против империалистических агрессий и колониализма, в создании предпосылок для дальнейшей разрядки международной напряженности.

ЮСЕФ ЭЛЬ-СИБАИ,

генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки, писатель (АРЕ):

— Народы всего мира едины в своем стремлении предотвратить угрозу новой войны, упрочить безопасность и мирное сосуществование. В борьбе против империализма, расовой дискриминации и колониализма объединилось сейчас все демократическое и освободительное движение различных стран и народов. Огромная роль в этой борьбе принадлежит социалистическим странам, в частности Советскому Союзу, разработавшему и осуществляющему обширную программу, направленную на упрочение мира.

Организация солидарности народов Азии и Африки сделает все возможное, чтобы обеспечить успех конгресса, который, несомненно, внесет существенный вклад в обеспечение мира и безопасности на нашей планете.

На днях в Тунисе состоится конференция арабских писателей, на которой мы обсудим те же проблемы, которые обсуждали в Москве. Особенно большое внимание будет уделено роли деятелей культуры арабских стран в борьбе против израильской агрессии и за освобождение наших земель. Мы выражаем надежду, что прогрессивные силы всего мира поддержат справедливое дело арабских народов, а также борьбу африканских народов против колониализма и расовой дискриминации.

АЛЬФРЕДО ВАРБЛА,

писатель (Аргентина):

— Для меня основной интерес, естественно, представляют проблемы расширения культурных связей, причем в самом широком их понимании, то есть в области научных исследований, образования, искусства и литературы. Мне, как писателю, кажется, что углубленное внимание, уделяемое сейчас этим вопросам, и знаменует собой переход к новому этапу в отношениях между народами.

Нас не может удовлетворять существовавшая до сих пор ситуация, поскольку связи между народами в сфере культуры далеко не столь интенсивны, как того требует время. Международный обмен знаниями и опытом в области культуры мог бы, например, принести огромную пользу странам, недавно сбросившим колониальное иго. Мне кажется, что конгресс может добиться серьезных успехов в этом направлении.

Первостепенная роль, которую способны сыграть деятели культуры в ликвидации конфликтов, возникающих в горячих точках земного шара, не вызывает сомнений.

ЧОЙЖИЛЫН ЧИМИД,

писатель (МНР):

— Уверен, что Всемирный конгресс послужит чрезвычайно важной вехой в деле объединения всех миролюбивых сил нашей планеты. Он будет проходить в новых условиях, после великой победы вьетнамского народа, создавшей благоприятные предпосылки для дальнейшей разрядки международной напряженности. Главный смысл предстоящего конгресса мне видится в дальнейшем усилении действенности нашего движения в защиту мира, в тщательном обобщении опыта борьбы свободолюбивых народов против империализма.

Необычайно важная роль в решении международных проблем принадлежит общественности. И, на мой взгляд, писатели могут стать одной из ведущих групп среди активных борцов за мир. Прогрессивные авторы являются выразителями дум своего народа, его естественного стремления к миру. Они помогают воспитанию и формированию подлинно гуманистического мировоззрения. Не случайно так много писателей принимает самое активное участие в нашем движении.

АРВИД РУНДБЕРГ,

писатель (Швеция):

— На московской встрече прежде всего поражает присутствие такого большого числа людей разных убеждений, представителей самых различных организаций.

Для нас в Швеции самой большой надеждой, главным оплотом в деле борьбы за мир является СССР. Несмотря на проводившиеся на Западе клеветнические кампании, на потоки лжи, изливаемые на него буржуазной пропагандой, Советский Союз сумел завоевать авторитет и признание во всем мире, занять ведущее положение на международной арене.

Швеция официально поддерживает политику мирного сосуществования. Но на этом мы успокаиваться не можем. Мир требует, чтобы за него боролись.

...Выступая в первый день встречи, ее председатель, генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Г. А. Ромеш Чандра сказал: «Над Москвой сияет солнце. Мне кажется, что солнце сияет и над движением сторонников мира. Я уверен, что новая глава в нашем сотрудничестве откроется к концу этой встречи. Новая глава, которая будет означать очень многое для простого человека всех стран».

Н. ВЕТЛОВА,
М. МАКСИМОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

В КУЛУАРАХ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ВСТРЕЧИ

Ч. Нимиа (МНР), Б. Полевой (СССР), Г. А. Ромеш Чандра (генеральный секретарь Всемирного Совета Мира)

М. Отеро Сильва (ВЕНЕСУЭЛА), А. Ла Гума (ЮАР), Н. Тихонов (СССР).

ЛИТЕРАТУРЫ

2. Что Вы собираетесь в ближайшее время написать о людях труда?

НИЖЕ ПУБЛИКУЕМ ИХ ОТВЕТЫ

ранение и приумножение богатств нашего солнечного края.

Интенсификация сельского хозяйства в долинах, массовая механизация высвобождают в хлопководстве немало рабочих рук. И руки эти нужны для того, чтобы превратить всю республику с ее предгорьями и долинами в сплошной цветущий сад. Здесь немало проблем, связанных с последними достижениями науки и техники, событиями и нравами горцев. Судьбы подлинных хозяев земли, их характеры и мечты — в центре моих новых очерков.

ДУШАНБЕ

Александр СМЕРДОВ:

1. Мне кажется весьма закономерным и глубоко значительным, что, говоря сегодня об отражении в литературе трудовой героики наших дней, создании образа современного рабочего человека, мы обращаемся при этом мыслью и памятью к первым пятилеткам, а затем к послевоенным годам.

Вопреки некоторым имевшим место в нашей практике и литературоведении субъективным сомнениям и толкам о литературе 30-х и 50-х годов, можно со всей убедительностью утверждать, что именно в ряде произведений, посвященных созидательному труду народа, герою-труженику тех дней, наша литература достигла той глубины проникновения в народную жизнь и подлинной партийности, гражданственности и публицистической страстности, то есть тех качеств, которые, как никогда, требуют от писателей время и жизнь сегодня. Стоит, скажем, вспомнить горьковскую публицистику 30-х годов, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. Катаева, «Не переводя дыхания» И. Эренбурга, «Мать» Н. Дементьева, «Темп» Н. Погодина, книги М. Ильина, В. Ставского, а затем «Битву в пути» Г. Николаевой, «За далью — даль» А. Твардовского и многие другие произведения, запечатлевшие и раскрывшие природу и главную суть социалистического жизнетворчества. Поэтому думается, что сейчас, когда мы говорим о сосредоточении усилий на творческом решении генеральной проблемы нашей литературы — углублении ее связей с общенародной жизнью и современностью,— не следует это расценивать как перелом в литературном процессе, требующий от каждого литератора перемен в его творческих поисках. Речь идет о продолжении и развитии уже накопленных богатств, достижений и традиций, ведущих к новому подъему и расцвету всей нашей литературы. Сегодня нельзя написать о Сибири, глубоко не изучив поистине героической жизни строителей и разведчиков «континента будущего».

2. В книге, которую с большим увлечением, с многими трудностями я дорабатывал и готовлю сейчас к сдаче в издательство, мне хочется попытаться в конкретных образах и судьбах, на примерах трудовых подвигов некоторых моих славных земляков-сибиряков, передовых людей индустрии, строительства, сельского хозяйства, науки и культуры, на документальном жизненном материале попытаться проследить и раскрыть живую взаимосвязь между вчерашним и сегодняшним днями нашей жизни.

А в очерках, посвященных ряду писателей и поэтов, органично связанных литературной родословной с Сибирью, попробовать все это осмыслить и выразить в плане чисто литературном. Эпиграфом же к книге я взял знаменитые строки из «За далью — даль»:

Да, я причастен гордой силе
И я этом мире —
богатырь —
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!

НОВОСИБИРСК

Антон ХИЖНЯК:

1. Нам, представителям старшего поколения советской литературы, хорошо знакомы призывные слова «третий, решающий год пятилетки». Мы хорошо помним тот решающий год, который обеспечил успех первой советской пятилетки. Именно в те годы задумывались и создавались взволнованные книги Н. Тихонова, К. Паустовского, В. Катаева, страстная книга стихов о первенце социалистической индустрии «Дніпрельстан» Владимира Сосюры, тонкого лирика, которому всегда были близки гражданские мотивы.

Снова по всей стране боевым лозунгом звучат знакомые слова «третий, решающий год пятилетки». Труженики всех отраслей народного хозяйства включились в соревнование за досрочное выполнение плана 1973 года.

Почетная задача писателей —создать галерею художественных портретов людей труда 70-х годов, неутомимых солдат научно-технической революции. Мы должны интенсивнее использовать наиболее оперативный литературный жанр, всегда идущий впереди других, — жанр очерка. Как-то поэт Андрей Малышко в разговоре об очеркистах сказал, что они— «сурмачі ударної праці», то есть горнисты ударного труда. Замечательно точные слова!

На днях киевские прозаики вели разговор о месте писателя в девятой пятилетке — вопрос этот стоит сейчас первым на повестке дня, недаром ему будет посвящен всесоюзный писательский пленум. Многие участники нашего совещания выразили желание в ближайшее время выехать на важнейшие объекты пятилетки. Мы думаем, что был бы смысл лучшие из очерков издать отдельной книгой, как «Ежегодник трудовых свершений».

2. Мой собственный творческий опыт складывался так, что созданию многих художественных произведений предшествовала чисто очерковая работа. Так у меня было с повестью «Неугомонная». Перед тем как серьезно взяться за нее, я неоднократно бывал на «Азовстали», на заводе имени Дзержинского, напечатал серию очерков о людях огненной профессии. Такая же ситуация повторилась и тогда, когда я писал повесть «Внуки спросят». Она не просто посвящена молодым строителям Киевской ГЭС — в течение двух лет я чуть ли не ежедневно бывал на стройке, в Вышгороде, «пристроился» там к бригаде бетонщиков и даже считался не последним специалистом, часто выступал в периодике, издал книгу очерков «Киевская уникальная». Все это и послужило фундаментом для повести «Внуки спросят». И не только для нее. Главный ее герой машинист земснаряда Корней Грицак «перекочевал» затем и в последнюю мою повесть — «Нильская легенда», вышедшую в прошлом году в издательстве «Дніпро» и отмеченную недавно премией имени Гамаля Абдаль Насера. Очевидно, и в дальнейшей своей работе я буду следовать этому принципу. Продолжаю поддерживать связь с Героем Социалистического Труда Николаем Глушко (он строит теперь со своей бригадой мост через Днепр в районе нового жилого массива, где будут жить более 700 тысяч киевлян), с инженером запорожского автозавода «Коммунар» Леонидом Наконечным — очень энергичным комсомольским вожаком. Хочу написать об этих людях.

КИЕВ

Самсон ШЛЯХУ:

1. Мастерство публицистики. Эта проблема мне представляется особенно насущной, коль скоро речь идет об освоении такого материала действительности, который в молдавской, скажем, литературе не имеет прочных художественных традиций. В этом случае особую роль и значение приобретает критика. И ее-то нельзя обойти молчанием. (Разумеется, это проблема не только молдавской критики.)

Зачастую, обсуждая книги молдавских писателей, посвященные теме рабочего класса, критики избегают их идейно-эстетического анализа. Иной раз случается, что, обрушиваясь на техническую терминологию, критика забывает, что и технический термин может звучать, как поэзия. Но вот что для этого нужно? В чьих устах он зазвучит так?

Промышленный пейзаж труднее поддается описанию. Не сразу привыкаешь к нему, если ты вырос на земле садов и виноградников.

Но более чем наивно не замечать его, не пытаться отразить художественно достоверно, впечатляюще, человечно. Достаточно сказать, что за один день республика потребляет столько киловатт-часов, сколько в 1940 году потреблялось за целый год. За такой бурной индустриализацией не всегда поспевают бывшие крестьяне, бывшие кустари, да и сами писатели. А явление это настойчиво требует своего воплощения в литературе.

А если подумать о рабочем станке не как о мертвом железе, а о чудесном творении ума. Какой здесь источник вдохновения и поэзии!

2. Теме рабочего класса я посвятил роман «Нижняя окраина», сборник очерков «Рабочий день». Да и вообще в моих произведениях действуют в основном рабочие. Воссоздать художественно биографию рабочего класса Молдавии — увлекательная цель, благородная задача молдавской литературы.

В моем новом романе, который еще в рукописи, главный герой — тоже рабочий. Работаю я и над сценарием о рабочем классе Молдавии.

Мне кажется, невозможно создать обобщенный образ сегодняшнего молдавского рабочего, не вникая в пятидесятые годы — годы его боевого крещения и стремительного роста, годы индустриализации республики — так же, как нельзя не коснуться жизни рабочего до освобождения Бессарабии. Иначе не будет понятно его нынешнее величие.

Тема рабочего класса, тема труда и пятилетки раскрывает перед искусством, перед каждым художником необозримое поле для показа сложностей человеческой психологии, разнообразия общественных явлений. Рабочий класс способен выковать и выковывает в своей собственной среде творческую интеллигенцию. Он лучшим образом отбирает цельные характеры, выдающиеся личности. Таким он и должен предстать в наших произведениях, создаваемых сегодня, в дни решающего штурма рубежей девятой пятилетки.

КИШИНЕВ

АДРЕСОВАНО ЮНОМУ СОВРЕМЕННИКУ

РЕПОРТАЖ С ЧЕТЫРЬМЯ ИНТЕРВЬЮ

ТРИ ДНЯ длилось Всероссийское совещание по вопросам детской литературы. Писатели, художники, книгоиздатели, педагоги обсуждали важнейшие проблемы развития литературы для детей. Организаторами этого совещания были Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Министерство просвещения РСФСР, Союзы писателей и художников Российской Федерации.

Совещание открыл заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов, который говорил о высоком долге детской литературы, призванной формировать гражданина коммунистического общества, о том, что детские книги стали мудрыми наставниками юных читателей, воспитывающими высокие нравственные качества человека — мужество, благородство, уважение к труду...

Затем с докладом выступил председатель Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Н. В. Свиридов.

— Детская литература — широкий литературный плацдарм, — сказал он. — Подрастающее поколение — это будущее нашей Родины, и с этим будущим должны быть связаны задачи литературы.

Масштабы книгопечатания постоянно возрастают. За одну лишь восьмую пятилетку российские издательства выпустили около 1 миллиарда детских книжек. В 1972 году было выпущено 253 миллиона экземпляров книжек — это больше, чем было намечено издать в нынешнем 1973 году. А в 1975 году общий тираж детских книг составит уже 310 миллионов экземпляров. Всего за пятилетку будет выпущено почти полтора миллиарда детских книг.

Затем выступил председатель правления Союза писателей РСФСР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Сергей Михалков.

— В нынешних условиях особенно рельефно выступает роль советской литературы, — сказал докладчик, — которая всегда была и остается могучим средством воспитания нашего современника, и в первую очередь современника молодого.

Важнейшей задачей писателей, создающих произведения для детей и юношества, является художественное отображение разнообразных сторон нашей действительности, нашего сегодняшнего дня. Не ошибусь, вероятно, если скажу, что художественная публицистика и документалистика зачастую обгоняют в этом направлении прозу, поэзию и драматургию.

— ...Хочу с гордостью подчеркнуть, — сказал он далее, — что в советской детской литературе, воспевающей будущих строителей и граждан коммунистического общества, определяющее, ведущее место занимает художественная Лениниана. Это и понятно. Жизнь Ленина являет собой непревзойденный в своей ясности и последовательности образец для всех поколений...

В каждом жанре детской и юношеской литературы есть свои мастера. Пусть же они служат великому делу коммунистического воспитания нашего молодого современника по-гайдаровски, по-маршаковски, по-кассилевски!..

Всем нам известно, какую высокую оценку нашей детской и юношеской литературе дал на Всесоюзном съезде учителей Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Он назвал эту литературу «превосходной», отметил, что она «развивается как неотъемлемая часть большой советской литературы».

Мы должны не только гордиться этой оценкой, но и оправдать ее новыми произведениями, которые будут верно служить делу коммунистического воспитания нашего молодого современника.

На трибуне — председатель правления Союза художников РСФСР, народный художник РСФСР Гелий Коржев, который подробно рассказал о вопросах художественного оформления произведений детской литературы, задачах, стоящих перед «книжными графиками». Он говорил о том, что иногда недостаточная принципиальность способствует появлению скучных, серых по своему оформлению книг, не отвечающих требованиям. Необходимо стремиться к тому, чтобы каждая детская книжка — будь то небольшая брошюра или толстый том — стала подлинным воспитателем юного гражданина, его настоящим другом...

Второй день совещания был посвящен работе шести секций, которыми руководили Мария Прилежаева, Анатолий Алексин, Алексей Мусатов, Юрий Яковлев, редактор журнала «Мурзилка» писатель Анатолий Митяев, художник Орест Верейский и директор фабрики «Детская книга» № 1 Н. Д. Назарова.

На третий день участники совещания вновь собрались в зале Московского Дворца пионеров, чтобы подвести итоги работы. В перерыве между заседаниями мы взяли интервью у некоторых участников Всероссийского совещания.

Вот что рассказали

Анатолий АЛЕКСИН,
секретарь правления
СП РСФСР:

— Мне уже доводилось говорить о том, что если наша детская литература — «великая держава», как назвал ее Горький, то в этой державе много областей и республик, иначе говоря, разных жанров и разных тематических направлений. Как они развиваются?

Вот об этом-то и шел разговор между писателями, художниками, издателями, полиграфистами, педагогами, комсомольскими и пионерскими работниками во время работы творческих секций. Нельзя было без волнения слушать выступления наших друзей-библиотекарей, которые рассказали о судьбе многих книг, о том, что думают наши юные читатели о произведениях детской и юношеской литературы. Одновременно шел большой разговор о жизни. К примеру, секретарь Краснодарского крайкома комсомола Галина Укиятова рассказала об ученических бригадах, о воспитании юных земледельцев, заведующая отделом Тюменского обкома ВЛКСМ Надежда Усольцева — о семи комсомольско-молодежных стройках. И они, и учительница Юлия Дубова из Саратова, и секретарь Якутского обкома ВЛКСМ Валентина Боровикова, и библиотекарь Козлова из Новосибирска — имени ее я, к сожалению, не запомнил, — да и многие другие друзья писателей подарили нам немало новых сюжетов, новых увлекательных историй.

К. Ф. ПИСКУНОВ,
директор издательства
«Детская литература»:

— Я очень благодарен тому, что по воле судьбы мне довелось работать в великом государстве, именуемом Детской Литературой. Мир, царящий в этом государстве, удивителен... Не случайно один из корреспондентов А. М. Горького написал, что их, детей, интересует все. Действительно, детей интересует все, и рассказывать им об этом языком высокохудожественным, прививать добро и любовь к людям, к Родине — главная задача советского литератора.

Мне довелось присутствовать на Первом съезде писателей, где после выступления Горького не случайно, по-моему, на трибуну поднялся детский поэт Самуил Маршак. Это было красноречивым свидетельством той важной роли, которую придавали детской литературе еще в тридцатые годы...

Теперь о нашем издательстве. Оно — одно из самых крупных в мире: в прошлом году выпуск книг, например, достиг рекордной цифры — 185 миллионов экземпляров. Мы стремимся к тому, чтобы книжка, адресованная самому маленькому читателю, была с интересом встречена и взрослым. Это есть признак того самого высокого мастерства, о котором говорили Горький, Фадеев, Маршак, Чуковский.

Орест ВЕРЕЙСКИЙ,
народный художник РСФСР,
член-корреспондент Академии
художеств СССР:

— По-моему, бесспорно, что художник, оформляющий детскую книгу, является соавтором писателя, а в «дошкольной» книжке иногда играет и ведущую роль. Ведь художник, так же как и писатель, ответствен за воспитание юного гражданина, ответствен за воспитание его вкуса. Вкус ребенка можно развить, научив пониманию многих «отраслей» искусства, а можно и испортить. И очень легко... Поэтому детские писатели, детские художники не имеют права на халтурную поделку, на серую, обезличенную работу.

Об этом мы говорили во время дебатов на нашей секции художников. Достаточно горячим был также спор между художниками и полиграфистами — ведь нередко в том, что к ребенку попадает недоброкачественная книга, виноваты наши печатники. Но иногда и художники делают то, что полиграфисты бывают не в состоянии воспроизвести. Совещание во многом помогло нам найти общий язык...

В. О. ОСИПОВ,
главный редактор
издательства
«Молодая гвардия»:

— К сожалению, так же остро, как и во «взрослой» литературе, в литературе юношеской ощущается нехватка произведений на рабочую тему. Мало мы, к сожалению, рассказываем подросткам о романтике труда. А ведь еще Горький ратовал за создание книг бывалых людей... Я далек от мысли умалять значение той или иной профессии, однако должен заметить, что в последние годы появилось довольно много мемуарных книг полководцев и дипломатов, артистов, моряков, летчиков, спортсменов и непростительно мало книг рабочих и крестьян. А ведь их живое слово-напутствие, отчет о жизни мог бы стать исключительно важным делом в воспитании подростков.

Итоги работы Всероссийского совещания по вопросам детской литературы подвел заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов.

Участники совещания направили письмо Центральному Комитету КПСС.

В. ПОВОЛЯЕВ

ВЕРНЫЙ ДРУГ РЕБЯТ

«Я служил, служу и буду служить Советскому Союзу!» — так закончил свое выступление на торжественном юбилейном вечере в Концертном зале имени П. И. Чайковского Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Сергей Владимирович Михалков.

Почти четверть века назад в одном из стихотворений С. В. Михалков, размышляя о призвании советского поэта, писал:

Солдатом Мира я зовусь,
Я — гражданин, поэт.
И этим званьем
я горжусь —
Почетней званья нет.

Детский писатель, драматург, кинодраматург, юморист, сатирик, публицист, критик, переводчик — к какому жанру ни обращается С. Михалков, его творчество одухотворено любовью к Советской стране, к ее людям — благородным, мужественным, сильным.

Открывая юбилейный вечер, первый секретарь правления СП СССР Георгий Марков сказал:

— Сергей Владимирович Михалков — коммунист, активный строитель нового мира, видный общественный деятель. И это нераздельно связано с его писательским трудом.

Юбиляра тепло поздравили председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Б. И. Стукалин, вице-президент Академии педагогических наук СССР А. И. Маркушевич, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанов, первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников, вице-президент Академии художеств СССР В. С. Кеменов, заместитель министра культуры СССР Н. И. Мохов, маршал авиации, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин, генерал-майор Е. И. Востоков, секретарь ВЦСПС Л. А. Землянникова, секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев, Агния Барто, Михаил Дудин, Виталий Закруткин.

Сотни писем и телеграмм из многих уголков нашей страны и из-за рубежа получил в эти дни Сергей Михалков. Часть из них огласил на вечере Алим Кешоков.

— Героя ваших стихов, ваш дядя Степа «прописаны» в каждой советской семье, — сказал заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов.

— Есть одна должность, на которую Михалкова никто не выбирал и не назначал, она, быть может, самая почетная, — начал свое выступление первый секретарь правления Московской писательской организации Сергей Наровчатов,— это глава лучшей в мире школы детской литературы...

Наша книга детская —
Детская, советская,
Смелая и честная —
Верный друг ребят!

И потому второе отделение — концерт мастеров искусств — по праву открыли дети.

ДЕТСКАЯ, СОВЕТСКАЯ...

Мартовский номер журнала «Советская литература» на иностранных языках посвящен нашей детской литературе.

Поэтический раздел номера составлен из произведений А. Барто, Ю. Марцинкявичюса, К. Кулиева, М. Вайнилайтиса, С. Данилова, В. Берестова, В. Слуцкого и других.

Проза специального номера представлена повестью-сказкой С. Михалкова «Праздник Непослушания», главами из книги В. Катаева «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона». Опубликованы также рассказы Н. Евдокимова «Рассказ о красном галстуке», В. Астафьева «Конь с розовой гривой», С. Баруздина «Пугачи», «Почему я боюсь ящериц» и «Зачем белке хвост», О. Шестинского «Сухарь», Э. Шима «Подорожник», «Ландыш», «Брусничный кустик», М. Гринина «Пароход идет в Ростов», Н. Сладкова «Жадная сойка», В. Путилиной «Приключения Дук-ду», В. Драгунского «Арбузный переулок».

Особый раздел составляет детская литературная классика. Среди авторов этого раздела — А. Гайдар, Л. Кассиль, С. Маршак, К. Чуковский, К. Паустовский, Л. Соболев. В номере широко представлено фольклорное творчество наших народов. В этом разделе — русская, казахская, чувашская, таджикская, грузинская, ненецкая, карельская сказки. В публицистическом разделе большие статьи А. Алексина, В. Огнева, посвященные проблемам детской литературы, а также три статьи о театре для детей: С. Манышева «Дом сказки» — о кукольном театре С. Образцова, В. Комиссаржевского «Под парусами романтики» — о Театре юного зрителя, Г. Шантыря «Богатства музыки детям» — о детском оперном театре, возглавляемом Натальей Сац. Статья «Художник в детской книге» наверняка будет соотнесена читателем с многочисленными красочными и черно-белыми рисунками, которыми иллюстрирован номер журнала.

Журнал публикует богатый информационный материал, посвященный изданию детской книги в СССР.

Мартовская книжка журнала «Советская литература» вышла на английском, французском, немецком, испанском и польском языках.

ДОКШИЦКИЙ КАРАВАЙ

Прошлым летом ЦК КП Белоруссии организовал поездку писателей и других членов творческих союзов в один из передовых районов Белоруссии — Докшицкий и другие районы республики. Эта поездка пробудила живейший интерес к жизни и делам докшицких земледельцев у известного белорусского поэта Михася Калачинского. Он стал вскоре здесь своим человеком. Его часто можно увидеть на полях, животноводческих фермах, за беседой с хлеборобами, механизаторами. Так, в поэтической тетради появился цикл стихов «Докшицкий каравай». Это не просто дань трудовому подвигу докшицких хлеборобов. Это и раздумья поэта о нашем времени, о нашем современнике, о его великих делах и помыслах.

Партийное бюро и президиум правления Союза писателей БССР провели совместное заседание, посвященное обсуждению новых стихов поэта. По единодушному признанию, цикл стихов «Докшицкий каравай» — несомненная удача в творчестве Михася Калачинского.

— Это лишний раз напоминает всем нам о том, как важно писателю знать жизнь, быть в ее гуще, — сказал в своем выступлении лауреат Ленинской премии народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка.

(Наш корр.)

МИНСК

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении поэта Годжаева Ш. К. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить поэта Годжаева Шамшира Курбан оглы орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 14 марта 1973 г.

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской культуры секретарю правления Московской писательской организации Ильину Виктору Николаевичу присвоено почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

В Москву для подписания плана сотрудничества литераторов двух братских стран прибыла делегация руководителей Союза болгарских писателей во главе с председателем Союза болгарских писателей академиком П. Заревым.

Продолжая давние традиции тесного духовного общения двух братских народов, Союз писателей СССР и Союз болгарских писателей расширяют и углубляют свои связи. 16 марта в Москве состоялось подписание плана сотрудничества между двумя творческими союзами на 1973 год.

Руководствуясь стремлением к дальнейшему развитию сотрудничества и неизменным желанием глубже познать жизнь, литературу и культуру советского и болгарского народов, Союз писателей СССР и Союз болгарских писателей договариваются в 1973 году принять совместное участие в проведении международных и двусторонних встреч, посвященных темам: «Актуальные проблемы развития социалистического реализма», «Писатели мира и воспитание подрастающего поколения», «Отражение основных проблем социалистического общества в литературах СССР и Болгарии».

В план включены взаимные творческие поездки писателей. Советские писатели примут участие в праздновании 75-летия со дня рождения Христо Смирненского и творческой встрече на тему «Поэзия и революция», в праздновании 50-летия Сентябрьского антифашистского восстания 1923 года, в Неделе болгарской детской книги и искусства для детей, в Неделе сатиры и юмора, в Декаде советской литературы.

Со своей стороны, Союз болгарских писателей направит болгарских литераторов на Международную творческую встречу детских писателей в Москве, на творческую встречу представителей социалистических стран на тему «Актуальные проблемы развития социалистического реализма»; болгарские писатели примут участие в Днях советской литературы, в V конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате, в Международной встрече в Москве: «круглый стол» на тему «Развитие литературы и литературная критика».

В план включены также взаимные творческие поездки представителей литературных журналов и газет, обмен опытом переводчиков, консультации по важным литературно-политическим проблемам, обмен информацией, справочными материалами, литературными журналами и газетами.

План подписали первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков и председатель Союза болгарских писателей академик П. Зарев.

На подписании плана сотрудничества присутствовал посол Народной Республики Болгарии в Советском Союзе Димитр Жулев.

* * *

Находящаяся в Москве делегация болгарских писателей во главе с председателем Союза болгарских писателей академиком П. Заревым имела встречу с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС П. Н. Демичевым.

Во встрече участвовали заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, первый секретарь Союза писателей СССР Г. М. Марков, заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

Беседа прошла в теплой, дружеской обстановке.

Подписание плана сотрудничества на 1973 год между Союзом болгарских писателей и Союзом писателей СССР.
Фото В. КРОХИНА

ВСТРЕЧА В «ЛГ»

Редакцию «Литературной газеты» посетила делегация во главе с председателем Союза болгарских писателей академиком П. Заревым. В ходе теплой, дружеской беседы состоялся обмен мнениями по проблемам современной болгарской литературы, сотрудничества писателей двух стран, планах на будущее.

Пантелей Зарев, говоря о задачах, стоящих перед болгарскими писателями в свете решений II съезда Союза болгарских писателей, подчеркнул, что все усилия в настоящий момент направлены на создание подлинно художественных произведений, отражающих сегодняшний день народа, его трудовые подвиги, произведений, которые можно было бы по праву назвать классикой социалистической литературы. Знание жизни, умение увидеть и поставить проблемы, волнующие людей труда, — необходимые условия и залог плодотворной работы писателя.

— У нас в стране ежегодно распространяется свыше 3 миллионов экземпляров произведений русских и советских писателей на языке оригинала, — подчеркнул секретарь Союза болгарских писателей Коля Георгиев. — а в переводе на болгарский язык — много больше. Я знаю, что и в вашей стране издаются крупными тиражами книги наших писателей. Мне хочется пожелать советским критикам и литературоведам, чтобы они уделяли больше внимания нашей литературе. Мнение друзей всегда оказывает неоценимую помощь в работе.

Главный секретарь Союза болгарских писателей, поэт Слав Христов Караславов говорил о том, как важно в век научного прогресса и технической революции сохранять поэтический, романтический взгляд на жизнь; иначе писатель, как и его герой, окажется жертвой техники. [illegible] рассказав [illegible] о произведениях, посвященных труженикам болгарской деревни.

Писатель Иван Аржентинский отметил, что болгарские сатирики также помогают общему делу: искоренению пережитков прошлого и борьбе с недостатками.

В заключение Пантелей Зарев выразил свое глубокое удовлетворение тем фактом, что в дни пребывания в Москве члены болгарской делегации имели возможность ближе познакомиться с советскими писателями, журналистами и работниками издательств.

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

«ДОБИРАТЬСЯ ДО ПЕРВОПРИЧИН!»

Феликс КУЗНЕЦОВ

Анализируя книги серии «Письма из деревни», выпускаемой издательством «Советская Россия», критик размышляет о роли писателей-публицистов в осмыслении жизни современного колхозного села.

Их вышло уже более тридцати, карманного формата книжек с круглым «почтовым» штемпелем «Письма из деревни». На последних из них появилась новая рубрика: «Писатель и время», рубрика библиотечки, которая состоит из двух серий — «Писем из деревни» и «Писем с заводов и строек». В том же издательстве «Советская Россия» затевается еще одна серия — «Человек среди людей» — писательская публицистика, обращенная к нравственно-философской проблематике. Готовятся к печати книжки Н. Атарова, Г. Медынского и других писателей.

Столь разнообразная библиотека публицистики, продолжающая горьковские традиции, показывает нам, как велик и осязателен вклад писателей в пятилетку, как глубока и органична связь литературы с жизнью народной.

Начавшись книгой Михаила Шолохова, «Письма из деревни» сплотили воедино целый массив писателей, болеющих за судьбы нашей деревни. Это — М. Алексеев, С. Залыгин, В. Закруткин, А. Ткаченко, А. Бахарев, С. Крутилин, Л. Иванов, Г. Радов, В. Пальман и многие другие.

Широкие по географии, разнообразные по проблематике и жанрам, «Письма из деревни» привлекают внимание прежде всего нравственным своим зарядом, высокопатриотическим чувством. Это — чистое и высокое патриотическое чувство, лишенное и тени ненужных примесей. Своеобразную оду хлебу, земле, России написал М. Алексеев. Достоинство его книжки «Земля. Хлеб. Люди» в том, что писатель органически сопрягает тему патриотизма, любви к земле и Родине с революцией и социализмом, он видит Россию и деревню в динамике ее социального развития и современного становления.

«Письма из деревни» рассказывают и о героической битве за хлеб, развернувшейся минувшим летом и осенью. Об этом — книжка «Алтайские миллионы», открывающаяся статьей первого секретаря Алтайского крайкома КПСС Героя Социалистического Труда А. В. Георгиева. Подвигу молодого рязанского механизатора Анатолия Мерзлова, погибшего в огне ради спасения народного добра, посвящен очерк Константина Симонова «В свои восемнадцать лет», опубликованный поначалу в «Комсомольской правде». Писатель приводит письма, которые получают родители Толи Мерзлова: «...Я даже слов не найду таких, как вас благодарить за то, что вы вырастили такого сына, верного Родине и себе». «Верен Родине и себе», — пишет К. Симонов. — Да, пожалуй, именно эти слова выражают нравственную суть того, что сделал Анатолий Мерзлов».

Родина, земля и труд земледельца — главная тема многих книг серии. Она звучит прежде всего в тех письмах, которые, как, например, «В родном краю» В. Закруткина, написаны и отправлены читателю из родных писателям сел и деревень. Таких писем немало: «Не для себя» А. Калинина посвящены в основном его родному Придонью; «Слышит земля» В. Потанина — о родном его селе Утятском на Курганщине («...Ведь я тоже — житель села Утятского, здесь моя Родина и моя колыбель», — сообщает писатель); «У дяди Тимохи» В. Рослякова — очерки, появившиеся после поездки писателя в родные ставропольские места.

Обостренное чувство историзма пронизывает многие книги серии, и это, как правило, историзм не ложный, но подлинный. Чувство историзма обостряется динамикой развития нашей жизни, очевидной общественной потребностью «оглядеться вокруг, назад оглянуться, осмыслить пройденное», как пишет в своей книжке В. Росляков. И если внимательно вчитаться в большинство документальных «Писем из деревни», в них явственно ощутим отблеск тех глубочайших социальных перемен, которые коренным образом меняют лик современной деревни. Авторы многих из них устремлены не только к социально-экономической, но и к «лирической» и философской публицистике, которая помогала бы читателю осмыслить и понять сложнейшие изменения в жизни деревни, в социальной и классовой структуре общества в целом. Этим «деревенская» публицистика торит путь нашей художественной прозе, ведет спор с антиисторизмом в отношении прошлого, настоящего и будущего деревни, помогает открытию социальных типов и характеров, выражающих сегодняшнюю народную жизнь.

Обратимся к скромной книжке молодого курганского прозаика Виктора Потанина «Слышит земля», близкой мне по авторской позиции. Учительский сын, чье детство и отрочество прошли в среде народных интеллигентов, каковыми всегда были на Руси сельские учителя-«наставники», он посвящает эту книжку прежде всего своей матери, заслуженной учительнице республики Анне Тимофеевне Потаниной и ее ближайшей подруге, своей, пишет он, «второй матери», у которой учился, Варваре Степановне Ивановой, — ее трудами и заботой создан в селе Утятском свой сельский музей.

В очерке «Колхозные летописцы», где В. Потанин рассказывает об этом музее, перед нами проходит живая история далекого села Утятского. История эта, увиденная глазами комсомолки двадцатых годов, сельской учительницы Вареньки, а потом Варвары Степановны Ивановой, начинается с тех времен, когда местный мужик «Сашка Миронов, привязав к столбу жену, драл ее трехметровым кнутом, а в промежутках, устав от порки, пил квас и крестился», когда «богатые злые люди» караулили учительницу-комсомолку в глухих переулках, а жители говорили жалостливо: «Отжила девка... Отправит кулачье в Могилевское...». В программе Утятского музея, замечает В. Потанин, записано: «Будем знать прошлое, чтоб беречь настоящее и ценить будущее!». Настоящему села Утятского, сегодняшнему дню колхозной деревни посвящены и книжка В. Потанина, и большинство других «Писем из деревни». История в них живет как дань уважения и любви к трудному и героическому прошлому народа, его славного пути к настоящему и будущему.

Писатель вообще, публицист в особенности, как известно, — помощник партии в решении самых насущных вопросов и проблем современности. А это значит: нам недостаточно просто информировать читателя об изменениях в деревне, в жизни вообще, а необходимо занимать в литературе, и особенно в публицистике, активную социальную позицию, позицию исследователя и борца.

Сегодня, как никогда, современно звучат ленинские слова о существе публицистики, сказанные им в 1905 году, но имеющие поистине универсальное значение:

«Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты».

Время требует от работников «большевистской непримиримости к недостаткам, к любому равнодушию в работе», говорил в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Л. И. Брежнев, глубокой партийной ответственности за то, чтобы получать «наибольший народнохозяйственный эффект, затрачивая наименьшие ресурсы». Для этого необходимо гражданское, нравственное отношение к делу, включающее в себя умение вести его с максимумом результативности и компетентности, обостренно видеть и осмыслять борьбу прогрессивного и консервативного в жизни, занимать в этой борьбе активную, целеустремленную, принципиальную позицию.

Знаменательно, что авторы многих «Писем из деревни» — скажем, Л. Иванов, Г. Радов, Ю. Черниченко — настойчиво возвращаются в своих очерках к имени Валентина Овечкина, к его гражданской личности, к его творческому наследию.

«Овечкинская традиция», если брать опять-таки ее общие, а не исторически преходящие стороны, заключается прежде всего в партийном, государственном подходе писателя-публициста и очеркиста к своему делу, в таком социально-экономическом анализе явлений и тенденций действительности, который отвечает самым передовым требованиям времени и поэтому опережает повседневное движение жизни. «Овечкинская традиция» далее — в граждански честной и социально активной личностной позиции писателя, в его стремлении — и умении — последовательно и целенаправленно вести борьбу за торжество государственных и общенародных интересов в сфере, являющейся объектом его публицистического исследования. Эта традиция, наконец, — в художественности, а потому — долговременности публицистики, в ее способности своими, специфическими средствами создавать подлинно типические социальные характеры и через них выявлять коренные конфликты и противоречия действительности.

Не случайно в серии «Письма из деревни», составленной во многом из произведений лирической публицистики, нужных, важных, полезных, воспитывающих любовь к труду земледельца и родной земле, с особым интересом читаются именно те еще нечастые, к сожалению, книжки, которые продолжают традиции русского социально-аналитического очерка, традиции Глеба Успенского и В. Короленко, традиции развитые, обогащенные партийными публицистами, и, наконец, плеядой деревенских публицистов 50-х — начала 60-х годов.

Обратимся, к примеру, к двум таким книжкам — «Зимнему Николе» Ю. Черниченко и «После Белгорода» Г. Радова, посвященным так называемому «белгородскому эксперименту». Суть этого эксперимента заключается, как известно, в создании животноводческих промышленных комплексов в селах, индустриальных фабрик мяса, птицы и молока. Ю. Черниченко стоял у истоков этого эксперимента, о начале которого и рассказал еще в 1970 году. Г. Радов же в книге «После Белгорода» пишет уже о результатах и новых проблемах, которые встают перед тружениками деревень вслед за индустриализацией земледельческого и, в частности, животноводческого труда. Проблемах не только экономических, но и социальных, духовных.

Хотя бы об этой старой, но по-новому поворачивающейся проблеме — миграции сельской молодежи в города. «После Белгорода, — пишет Г. Радов, — я совершеннейше убежден: по-настоящему прочно молодого крестьянина может «удержать» в селе только одно: индустрия! Да, индустрия... Именно он, комплекс, если выражаться высокопарно, стал твердыней, о которую разбиваются непослушные ветры миграции... Не первый раз я это замечаю: стоит колхозу начать, как говорится, индустриальное развитие, — миграция молодежи сокращается. Ждут, пока дома, в селе, откроются светлые цеха, зашумят умные механизмы... На ручную работу смотрят как на временную...» Вот и оказывается, что подлинная любовь к народу состоит сегодня прежде всего в том, чтобы максимально облегчить извека тяжелый труд земледельца, насытить сельское хозяйство разнообразнейшими комплексами машин, поднять до городского уровня культуру деревни и ее быт. «Человек с лопатой окончательно и навсегда ушел с хлебного поля... — подводит итог своим наблюдениям очеркист. — Теперь и под Белгородом, и в иных местах у нас на глазах из мясного «цеха» деревни уходит человек с лопатой, корзиной, вилами. В этом, кроме всего прочего, смысл деяний авторов специализации. Высший смысл!»

Современный социально-экономический очерк чутко поддерживает в жизни современного села все прогрессивное, передовое: индустриализацию и специализацию животноводства — в очерках не только Ю. Черниченко или Г. Радова, но и А. Калинина, или, скажем, безнарядные звенья в книжке Б. Можаева «Самостоятельность». Он внимателен к тем «росткам нового» (В. И. Ленин), которые дает современная сельская жизнь. Но, к сожалению, нынешний «деревенский» художественный очерк, в отличие от овечкинских времен, как правило, избегает остроконфликтных ситуаций. Он чаще информирует нас о том, что уже свершилось или совершается в жизни, но редко опережает жизнь. Таких очерковых выступлений, которые можно было бы определять как «разведку боем» в современной нашей публицистике, наперечет: сошлюсь на упоминавшиеся уже книжки Г. Радова и Ю. Черниченко, на известный очерк В. Чивилихина «Земля в беде», на недавний очерк «Старые земли» Б. Можаева (в «Труде») и его книгу «Самостоятельность», на книжку в серии «Письма из деревни» И. Виниченко «Это и есть жизнь». Книжку, где собраны выступления писателя, обосновывающего идею создания на новом, современном уровне Колхозсоюза, системы выборного самоуправления, которая стала бы вместе с тем и «производственным объединением колхозов». Идея эта растет из жизни, диктуется ее потребностями и ждет дальнейшего разностороннего осмысления.

Но почему же книг и выступлений, подобных только что названным очеркам, произведений остропроблемной публицистики о селе — и не только о селе — сегодня так мало? Не утрачен ли иными нашими писателями и публицистами вкус к деловой и принципиальной критике наших недостатков, не притупилось ли их внимание к конфликтам и противоречиям жизни действительной?

Причины определенного притупления социально-экономического анализа в публицистике наших дней, видимо, не только субъективные. Жизнь нынешней деревни усложнилась неимоверно. Научно-техническая революция проявляется в деревне в формах принципиально новых, динамичных и сложных. Для постижения этих процессов от писателя вообще, от публициста в особенности требуется сегодня качественно иной, чем раньше, уровень знания и понимания действительности. Жизнь выдвигает перед писателем новую, во многом неизвестную в «овечкинские» времена социальную проблематику, требует качественно иной остроты социального зрения, видения писателем тенденций и явлений действительности.

Когда-то Валентин Овечкин писал о новом типе публициста — «не дилетанта и не верхогляда в деревенских вопросах, человека, вооруженного солидной экономической и агрономической подготовкой», которая и помогает ему «глядеть в корень вопроса, добираться до первопричин». За последнее десятилетие требуемое качество и уровень такого рода «подготовки» очеркиста-«деревенщика» (и не только «деревенщика») возросли неоднократно. Публицисту, не являющемуся специалистом в том или ином чисто профессиональном деле, «добираться до первопричин» становится все труднее. Меняются, усложняются обстоятельства жизни, меняются и усложняются характеры.

Тот же Ю. Черниченко, которому принадлежат слова о В. Овечкине и были адресованы, как передает свое ощущение этих, давно надвигавшихся перемен. «Его главная книга не кончена, а оборвана, — пишет он о «Районных буднях» В. Овечкина. — Еще в 1956 году, когда только очень проницательным были заметны тревожные симптомы в сельских делах, Мартынов уходит, уступая свой пост Долгушину. Уступает рационализму, культуре, промышленному опыту, выводящему на мировые просторы. Подходит иное, не Мартынова, время... Но проповедь прозвучала, и рыцаря Мартынова, его озонное дыхание, чистоту и веру люди не забудут»...

Рационализм, культура, промышленный опыт, выводящий «на мировые просторы», — все это требует от современного очеркиста нового качества знаний о деревне, нового философского уровня постижения и осмысления действительности.

Думается, что аналитический очерк, художественная публицистика в целом копят резервы, приглядываются, прицеливаются как раз к тем сегодняшним Мартыновым и Долгушиным, которые и вершат ныне в деревне новую, современную жизнь. Потому-то и крайне редки пока что в «Письмах из деревни» цельные, законченные характеры современных земледельцев, нынешних хозяев земли.

В жизни нашей деревни, пожалуй, как никогда за ее многовековую историю, «все переворотилось». Писатели не поспевают за этим все убыстряющимся революционным потоком жизни, они отзываются на него пока что чаще сентиментально-романтически, чем реалистически, не всегда добираются до социальной и нравственно-психологической сути только еще формирующихся жизнью новых, современных характеров. Характеры в «Письмах из деревни» — колоритные народные характеры — мы встречаем, скажем, в ярко талантливой книжке очерков В. Рослякова «У дяди Тимохи». Но читатель ждет от нашей прозы, документальной в первую очередь, встречи не только с дядей Тимохой, но и с сыновьями его, современными механизаторами, комбайнерами и трактористами, нынешними устроителями крестьянской жизни. Он хочет проникнуться их тревогами, радостями и заботами, понять их сегодняшнюю психологию. Быть в курсе тех сложнейших наисовременнейших вопросов, которые ставит перед нами нынешняя деревенская жизнь.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА

ПОЛВЕКА В СТРОЮ

Исполнилось 50 лет со дня выхода в свет первого номера литературно-художественного журнала «Азербайджан». В связи с этим наш корреспондент попросил главного редактора Джалала Мамедова рассказать о журнале читателям «Литературной газеты».

— Наш журнал выходит на азербайджанском языке. Однако у него есть постоянные читатели не только в республике, но и в Средней Азии, в Татарии и некоторых других уголках Союза, а также в ряде зарубежных стран — в Ирака, Иране, Болгарии, Югославии... Сегодня его тираж — 70 000. У меня в руках «сигнал» юбилейного номера. А вот, посмотрите, первый номер. Как видите, он далеко не такой объемистый, тираж у него всего 200 экземпляров, да и название другое — «Маариф ве медениет» («Просвещение и культура»). Тем не менее преемственность здесь налицо. Наш журнал с первого своего номера и поныне был и остается глашатаем и певцом дружбы народов, тесного сотрудничества братских культур.

«Азербайджан» стал художественной летописью жизни, труда и борьбы советского народа за все 50 лет. Вот на обложке — рабочий, пишущий на школьной доске: «Ни одного безграмотного трудящегося». Вот картина гигантских строек первой пятилетки. Приветливо улыбающийся М. Горький — гость Азербайджана. В. Маяковский выступает перед нефтяниками. Рядом стихи С. Рустама, быть может, вдохновленные их личной встречей. Листаем дальше старые комплекты — сцены из знаменитой драмы С. Вургуна «Вагиф», «Шамо» С. Рагимова, «Наступит день» М. Ибрагимова.

«В течение полувека ваш журнал последовательно и целеустремленно проводил в жизнь линию Коммунистической партии в области художественной литературы», — говорится в приветствии в наш адрес секретариата правления СП СССР.

Мы гордимся столь высокой оценкой нашей работы.

— Вы упомянули о первых пятилетках. Скажите, как сейчас на страницах журнала присутствует рабочая тема, боевая оперативная публицистика!

— В прошлом году мы опубликовали новые произведения на эту тему — Г. Сеидбейли «Судоверфь», Б. Байрамова «Сварщики», ряд очерков. Сейчас почти в каждом номере у нас печатаются статьи, посвященные героям девятой пятилетки, и статьи, поднимающие коренные народнохозяйственные проблемы. А вообще публицистика, очерки — неотъемлемая часть содержания журнала. Здесь и работы наших ведущих писателей — С. Рагимова, Абульгасана, А. Велиева, М. Ибрагимова, а также выступления ученых, публицистов — таких, как Н. Бабаев, М. Алиев и др. Мы стремимся привлечь к этому боевому оперативному жанру литературы побольше талантливых мастеров слова.

БАКУ

СЕМИНАР МОЛОДЫХ

В Переделкине начал работу семинар молодых критиков Российской Федерации, организованный секретариатом правления СП СССР, ЦК ВЛКСМ и Советом по критике и литературоведению правления СП РСФСР.

Корреспондент «ЛГ» попросил секретаря правления СП РСФСР В. Дементьева сказать несколько слов о задачах семинара и его участниках.

— Эта встреча стала как бы заключительным этапом трех предшествующих семинаров — в Москве, Дубултах и Комарове. Сюда, в Переделкино, съехались критики, журналисты, литературоведы, преподаватели вузов из Адыгеи и Татарии, из Вологды и Южно-Сахалинска, Ростова-на-Дону и многих других городов, краев и областей. В течение месяца они будут работать над статьями, посвященными актуальным проблемам современной молодой прозы и поэзии.

Заявки на темы были многообещающими — молодые критики познакомят читателей с новыми интересными писательскими именами.

Семинаром руководят известные критики и литературоведы — В. Перцов, Е. Книпович, Ю. Борев, И. Гринберг, В. Гусев, А. Дымшиц, А. Михайлов, Е. Осетров, Ю. Прокушев, В. Сурганов, А. Турков.

Намечено провести несколько встреч с известными прозаиками, поэтами, литературоведами, философами.

К концу работы семинара составится интересный сборник, его собирается опубликовать издательство «Молодая гвардия».

ХРОНИКА

В Союзе писателей Туркмении состоялось расширенное заседание, посвященное теме «Писатель и пятилетка».

Выступивший с докладом председатель правления СП Туркмении Р. Эсенов, а также В. Рыбин, А. Назаров, К. Дерьяев, Х. Тангрыбердыев, П. Карпов, Ю. Белов, К. Бердыев, В. Джапаров, А. Мурадов, В. Сейтаков, Н. Репин говорили об участии писателей в претворении в жизнь важнейших решений партии и правительства, подчеркнули необходимость создания новых произведений о рабочем классе.

■

В этом году республиканские премии имени Фридеберта Туглаcа за лучшие новеллы присуждены Арво Валтону — «Опасное изобретение» и Райму Салури — «Память».

■

На днях в Союзе писателей СССР под председательством А. Овчаренко состоялось очередное заседание Совета по белорусской литературе, обсудившее первые книги молодых белорусских поэтов. В работе совета приняли участие секретарь правления СП СССР М. Луконин, А. Овчаренко, Д. Осин, Д. Ковалев, Н. Сидоренко, И. Пашкевич, Я. Хелемский, А. Власенко, Г. Куренев, М. Арочко, Н. Бурсов, И. Ткачев и заместитель председателя правления СП БССР А. Гречанинов.

■

На днях в Союзе писателей СССР под председательством Л. Озерова прошло очередное заседание Совета по литовской литературе.

С докладом о современной литовской прозе выступил критик С. Липскис. Затем состоялось обсуждение романа В. Бубниса «Жаждущая земля». В заседании приняли участие В. Рунин, Л. Шерешевский, В. Оскоцкий, П. Карп, Н. Куприянова и другие.

■

В Союзе писателей СССР состоялось очередное заседание Совета по армянской литературе под председательством В. Лидина. С сообщением об итогах творческой работы армянских писателей в 1972 году выступил секретарь правления СП Армении Р. Ованесян. Главный редактор издательства «Айастан» В. Валаян рассказал о планах выпуска художественной литературы на армянском и русском языках. В обсуждении приняли участие заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Г. Мартиросян, члены совета С. Гайсарьян, В. Дудинцев, С. Хитарова, Г. Манасян и другие. Представители издательств «Художественная литература» — И. Израильская, «Советский писатель» — С. Кирьянов, «Детская литература» — Г. Каримова, «Прогресс» — Е. Щаноланна, «Молодая гвардия» — С. Шевелев, Воениздата — Г. Филиппов рассказали о вышедших и подготавливаемых к изданию произведениях армянских писателей.

■

Начало работать жюри по присуждению совместных премий Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР за лучшие работы в области литературной критики, опубликованные в 1972 году.

Председатель жюри — Виктор Перцов, заместитель председателя — Борис Панкин, ответственный секретарь — Валентин Хмара.

■

При правлении Союза журналистов СССР создана секция литературных рецензентов и обозревателей газет. В ее составе — литературные критики И. Банников, В. Воронов, Ю. Грибов, И. Дедков, А. Елкин, В. Золотавкин, С. Липецкис, А. Нуйкин, В. Оскоцкий, М. Панкин, Н. Потапов, Н. Рогаль, И. Сергеевцев, С. Смоляницкий, Н. Филимонов, А. Щербаков, В. Хмара и другие. Возглавляет секцию заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы» Е. Осетров.

Совместно с Комиссией по литературной критике и литературоведению Союза писателей СССР намечено провести творческую летучку «Рецензия-72: опыт и проблемы». Секция планирует также семинар литературных рецензентов и обозревателей газет Закавказья.

Иллюстрация художника Л. Хайлова к повести Б. Полевого «Горячий цех» из сборника «Человек — человеку». Издательство «Советский писатель».

Иллюстрация художника Д. Бисти к сборнику «Будни и праздники». Издательство «Советский писатель».

ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

Исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося советского педагога А. С. Макаренко. Хотелось бы знать, не приурочены ли к этой дате какие-нибудь новые издания его произведений.

Появление каждой новой книги Макаренко очень важно для педагогов да и для самого широкого круга читателей: ведь большое число их — родители и будущие родители.

[illegible]

Мы попросили ответить на этот вопрос кандидата педагогических наук В. В. Кумарина.

Сейчас в мировой педагогике нет имени более популярного, чем имя Антона Семеновича Макаренко. «Педагогическую поэму», «Книгу для родителей», «Флаги на башнях», «Лекции о воспитании детей» и многие другие его произведения читают во всех странах.

Недавно в издательстве «Педагогика» вышел сборник А. С. Макаренко «Коллектив и воспитание личности». Эта книга рассчитана на самый широкий круг читателей. Мы старались составить ее таким образом, чтобы она стала пособием, руководством всякому, кто на практике осуществляет макаренковские принципы педагогики.

Основная идея сборника сводится к важнейшей мысли замечательного педагога: дело не в наличии или отсутствии благоприятных условий для создания коллектива, а в умении создавать эти благоприятные условия, в умении так организовать школьное воспитание, чтобы все элементы этой организации способствовали укреплению единого школьного организма.

Как и все, что вышло из-под пера Макаренко, статьи этого сборника читаются с захватывающим интересом. А. С. Макаренко — блистательный мастер слова, умеющий облекать педагогические формулы в великолепные публицистические формы.

ЧиП

«...Из современного читаю то, что мне ближе, — о жизни людей труда. Читаю — и вдобавок продолжаю учиться: в художественных произведениях очень уж много описаний технологических процессов — варки стали, работы на станках... обилие производственных терминов. Зачастую я все такие описания просто опускаю и, представьте себе, не ощущаю потери. Но, может, то, что не интересно мне, человеку с техническим образованием, необходимо другим, не имеющим такого образования? Однако сумеют ли они разобраться в обилии специальной терминологии? Или — под воздействием научно-технического прогресса — возникает некий новый литературный стиль, с новыми эстетическими критериями? Волнует ли эта проблема писателей и критиков?»

В. РОМАНОВ,
инженер
МОСКВА

Б. АНАШЕНКОВ

ЕСЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХУДОЖЕСТВЕННО...

ТАКОЕ вот письмо. Одно из многих. Не исключено, что завтра, послезавтра подобных писем будет еще больше. Мы стоим на пороге величайшего научно-технического переворота. Сложнейшие машины, приборы широко внедряются не только в производство, это еще куда ни шло, — процессы эти, тоже, между прочим, связанные с трудной психологической перестройкой, от нас чаще всего скрыты, — но и в быт, в повседневность нашу (западные футурологи прогнозируют, что к 2000 году вопросом социального престижа будет обладание «семейным» компьютером). И нам всего-навсего приходится «технизировать» язык, обогащать его словами, с точки зрения «изящной словесности», весьма неблагозвучными. И если люди моего поколения сорокалетние, обновляя свою лексику уже в зрелом возрасте, если они до сих пор «спотыкаются» при произношении многих слов, всячески противятся их проникновению в литературу, то у наших детей слова и научно-технические процессы, стоящие за ними, на языке с малых лет, произносятся без всяких усилий. И не станут ли для них нормой описания и разговоры, которыми обмениваются герои некоторых современных произведений и которые мы пока критикуем как «инородные» в художественной ткани:

«Егор, притихший, смятенный, с растрепанными волосами и сузившимися от переутомления глазами, сидел на ящике среди замерших машин в пустынном зале и держал в руке крохотное научно-техническое чудовище: блок формирования пропорционально-интегрально-дифференциального закона регулирования с аналоговым выходом! От одного названия у Егора начинали ныть зубы. В последнее время он закружился в потоке диковинных названий: модули электрических регулирующих устройств, транзисторный операционный усилитель с гальванической развязкой, динамическая обратная связь...»

Что ж, выходит, процессы «технизации» художественной литературы вполне объективны, и нам остается только примириться с известными потерями в «изящности», обусловленными этими процессами? Терпеть до тех пор, пока «модули электрических регулирующих устройств» и К° не уравняются в сознании и в чувствах наших с березками и васильками?

НО, ОКАЗЫВАЕТСЯ, все не так просто. Мышление образное, художественное и мышление научно-техническое живут разными законами, развиваются в разных плоскостях, пересекающихся и взаимодействующих, но по природе своей разнородных.

Расчеты движения кометы Галлея показали, что комета периодически отклоняется от «законной» орбиты. Одни ученые считают, что комету «возмущает» таинственная десятая планета, они даже вычислили место ее нахождения — за Плутоном, другие склонны объяснять непонятное поведение планеты иными причинами.

Для науки здесь превыше всего истина: да — нет. Однозначность! Искусству же важен не столько факт открытия или ошибки и технология этого дела, сколько человек на пути к факту, во взаимодействии с ним. Более того, сам факт открытия новой планеты, способный потрясти научный мир, в искусстве вторичен по отношению к правде характера, взятого в типических обстоятельствах. Ради этой правды (и это не парадокс, а диалектика художественного мышления) искусство порой может пренебречь научной истиной, в какой-то мере исказить ее. И это будет «ложь во спасение», если она позволит глубже, острее проявить характер, связать его с конкретной социальной действительностью.

Искусству интересен человек, отдавший новой планете так много, что он не мыслит себя без нее (кончает с собой, например, сходит с ума, когда знакомится с расчетами, доказывающими обратное). Причем читатель преклоняется перед силой, неистовостью веры, даже ошибочной, хочет, чтобы новая планета была!

Конфликты, характеры, отношения из разряда вечных могли иметь (и имели!) место и сто, и двести, и тысячу лет назад. А как же научно-техническая революция? Как все-таки быть с современной техникой: ведь она, конечно же, как небо от земли, отличается от тех примитивных приспособлений, которыми пользовались Галилей, Коперник?

Отринуть ее, сославшись на то, что вот-де Шекспир вообще не признавал новомодных ученых веяний, опирался не на Коперника, который уже завоевывал английские умы, а на Птолемея и Аристотеля, и это ничуть не помешало ему стать величайшим драматургом всех времен и народов?..

Боюсь, что такой ответ будет слишком поспешным, однозначным. Не говоря уж о том, что бытие, в том числе и научно-техническое, определяет не только сознание, но и психику человека, его поведение, его связи и отношения с другими людьми, и литература не может не считаться с этим.

Книгой о научно-технической революции назвал в разговоре со мной один видный критик новый роман С. Залыгина «Южноамериканский вариант» (журнал «Наш современник», №№ 1, 2, 1973).

Здесь есть, конечно, преувеличение, даже огрубление замысла. Но некоторые весьма существенные черты нового общественного сознания, обусловленного процессами, которые мы обычно связываем с НТР (информационный взрыв, развитие средств массовой коммуникации), писатель несомненно ухватил, выявил, использовав для этого ситуацию, казалось бы, локальную, семейно-бытовую.

Американца А. Хейли интересуют явления не в их сложных опосредованных связях, а то, что непосредственно возникает на «производстве». Да, его роман «Аэропорт» не из тех произведений, которые перечитываются. Но и не из тех, которые, будучи прочитаны, скоро и легко забываются. Секрет не только в умении «нагнетать» сюжет, но и в дотошном, скрупулезном воспроизведении мира современной техники и человека в нем.

С точки зрения эстетической роман «Аэропорт» при всей его популярности — отнюдь не самого высокого класса. Интересный материал действительно подпирает острый сюжет. Но это уже иная грань проблемы: как осваивать новую, такую непоэтическую, на первый взгляд, действительность?

В нашей критике до сих пор проскальзывает убеждение: беда так называемого производственного романа (повести, рассказа) 40—50-х годов — в засилье научно-технических идей, проблем, деталей. Но это только часть правды.

Современное общество больше, острее, чем любое другое, поставлено перед необходимостью выработки новой — эпохи научно-технической революции! — поэтики. Причем, если на формирование «деревенской» поэтики история отвела века, то на становление новой, индустриальной поэтики — всего лишь десятилетия.

Речь не о вытеснении одной, изживающей себя поэтики другой, нарождающейся. И «деревенская», и «индустриальная» поэтики суть проявления общих, вполне объективных законов художественного творчества, которым в общем-то все равно, что перед ними — город или деревня, компьютер или ромашка. Небезразлично это людям.

Мы по праву гордимся «деревенской» прозой. Но невозможно уже более закрывать глаза и на то, что часть этой прозы, элегическая ее струя, исчерпала себя. И не в последнюю очередь потому, что бездумное цепляние за некие «вечные и неизменные» ценности человеческого бытия, художественная абсолютизация их обернулись отрицанием и непониманием новой сельской действительности.

Идея близости к природному состоянию оказалась столь дорогой В. Белову («Над светлой водой». Пьеса. «Наш современник», № 1, 1973), что он предпочел умертвить любимого героя, олицетворяющего эту идею, нежели переселить его на центральную усадьбу, поближе к медпункту. Что же, выиграла от такого финала идея, обрела поэтическую пронзительность, подкупавшую нас раньше в произведениях В. Белова? Увы, нет, только еще больше обнажила свою заданность, иллюстративность. Пьесу срочно пришлось подпирать мелодраматическими линиями. Милый Ваня уходит в армию, милая Даша тут же отдается Георгию, подпорченному треклятой городской жизнью, преображает его в лучшую, «природную» сторону, да вот беда, ребенок, родившийся от брака Даши и Георгия, — вылитый Ваня...

Честное слово, обидно становится за писателя, дававшего такие высокие образцы прозы.

Понять людей, скорбящих о прогрессирующей утрате «природных состояний», можно. Ведь и «белые воротнички» не из ухарства, не из лихачества ребячьего называют сложнейшие электронные приборы, многотонные установки привычными, уменьшительно-ласкательными словечками, как-то: «кастрюля», «чайник», «считалочка» и пр. Это тоже защитная реакция своего рода, инстинктивное стремление психики, организма смягчить, одомашнить то, что грозит стрессом. Что же говорить о романтичных «деревенщиках»?..

Значит ли это, что тема, затронутая В. Беловым в пьесе, тема связи человека с «малой родиной», бесперспективна, вне художественного и публицистического осмысления? Нет, конечно же. В. Фоменко («Память земли») берет ту же тему, но идет к ней не от туманных, пусть субъективно чистых, добрых мечтаний, а от жизни, от характеров, в ней подсмотренных. И в результате создает произведение широкое, емкое, страстное, подлинно народное.

Так что у «производственного» романа были не только потери, но и обретения, ибо он пытался на новом этапе общественного развития освоить новый жизненный материал. Беда же этого романа не в засилье технологии, производственных терминов и проблем, а в том, что научно-технические идеи заслонили людей. В книгах 20—30-х годов производства не меньше — больше! Главный герой романа В. Катаева «Время, вперед!» —... рекорд, количество замесов бетона в смену! И мы принимаем это «надругательство» над спецификой искусства, больше того — не замечаем его, настолько одухотворен труд строителей. Новый материал, новый герой, новые, поистине революционные изобразительные средства!..

«Механик влез в будку одной холодной машины, сел у котла и задремал, истощенный собственным счастьем, обнимая одной рукою паровозный котел, как живот всего трудящегося человечества, к которому он снова приобщился».

Вот как ярко ощущается новая поэтика в прозе А. Платонова. Рука не поднимается сопроводить ее приземленным словечком «производственная». Не исключено, что кого-то пример этот и покоробит. Вот если бы герой с матерью-землей ощутил свое единство, тогда и «истощенность собственным счастьем» можно было бы принять. А холодное, пыльное железо — бр-р, не пойдет! И здесь уже над нами тяготеет своеобразная эстетическая инерция, от которой один шаг до банальности. Потому что сила платоновского образа, его глубинная, непреходящая эстетичность — в удивительном созвучии времени, эпохе, сопровождавшейся революционной ломкой многих привычных норм и представлений, в том числе и эстетических, выдвинувшей на авансцену истории нового героя, человека, формируемого процессами труда.

Разумеется, для того, чтобы ввести в художественное произведение «блок формирования пропорционально-интегрально-дифференциального закона регулирования с аналоговым выходом» и пр., тоже требовалось известное мужество. Но желаемых плодов оно не приносит, ибо сводится к смакованию терминов, к кокетничанью ими. Термины получают самодовлеющее значение, а герои, лишенные конкретных социально-психологических характеристик, — подчиненное, они призваны оттенять словесный научно-технический антураж. Даже как примета времени «блок с аналоговым выходом» не воспринимается в силу своей механической конъюнктурной привнесенности. Его легко убрать, и читатель не ощутит потери.

А вот Р. Шумелов («Сдаем автоматику», «Новый мир», № 12, 1972) преодолевает этот барьер тканевой несовместимости без всяких видимых усилий, шутя как бы, хотя производства в рассказе предостаточно — название говорит само за себя. Секрет в отличном знании материала. Последнее не «держит» автора. Р. Шумелов его как бы и не видит, а привлекает постольку поскольку, главное же внимание уделено отношениям людей в процессе производства. «Свобода» от материала сообщает и манере авторской раскованность, улыбку.

Д. Гранин («Дождь в чужом городе», «Нева», № 1, 1973) идет иным, более профессиональным, более художническим путем.

«Тонкий механизм потенциометра двигался перед его глазами, все увеличиваясь в размерах. Латунные контакты величиной с бульдозер, скрежеща, ползли по медному шоссе, надвигались на Чижегова, можно было различить их неровный ход, они подпрыгивали, натыкаясь на круглые, твердые, чем-то знакомые... А вот что именно, он понять не успел...»

Технические параметры искажены, резко смещены, и это поэтическое смещение представляется нам поначалу неожиданным, оно не в характере героя, довольно заурядного человека. Но это — если судить о герое вообще. В данном же случае одухотворение скучного мира проводов, схем, контактов обусловлено состоянием героя (он понял, что любит и любим), оно приобщает нас к этому миру, помогает понять, как средний, «узкий» инженер приподнялся до открытия. И как во всяком произведении искусства, первый пласт, не исчерпывая содержания, тут же приоткрывает другие. Да, есть новая, принципиальная схема регуляторов, есть служебный взлет, а вот глубины, высоты чувства герою недостало...

Что же в итоге? Нет и не может быть каких-либо запретов, механических ограничений применению в искусстве научно-технических терминов, описаний производственных процессов.

Хотя бы потому, что техника не безразлична к среде, в которой ей приходится проявлять себя. В «Аэропорте», например, ей тесны сложившиеся социально-экономические рамки, она норовит взломать их, и масштабность, общественная значимость героя определяются также тем, насколько он осознает эту объективность. Но... в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Технология только тогда приживется в искусстве, если будет беспрекословно подчиняться законам последнего, уважать его специфику. Причем необходимость именно образного поэтического освоения мира современной индустрии стимулирует ныне бурное развитие средств массовой коммуникации, прежде всего телевидения, снимает этот вопрос. Какой смысл просто описывать, фотографировать то, что можно увидеть и что мы видим?

Надо считаться и с тем, что, помимо чистого человековедения, поиска и творчества новых форм, адекватных новому содержанию, на долю искусства в наш век больше, чем когда-либо, выпадает двуединая нагрузка: быть, с одной стороны, амортизатором своего рода, приспосабливающим нашу психику и сознание к непрерывно меняющемуся миру, с другой — показать, убедить человека в том, что он, Человек, — не щепка в бурных водах научно-технического переворота, не слепое и покорное орудие рвущихся из-под контроля технологических стихий, а по-прежнему властелин, творец!

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

АРХИВ «ЛГ»

«НОВЫЙ МАТЕРИК»

Навсегда вошли в нашу память героические годы первых пятилеток — годы небывалого напряжения всех творческих сил советских тружеников. Вместе с экономической картой страны изменялась психология людей. «Новый материк» — так назвал А. Толстой свой очерк о преобразовании Севера. Но эти слова имеют и более широкий, поистине символический смысл.

Советская литература не могла, естественно, оказаться в стороне от тех будней, которые мы теперь называем легендарными. В эти дни наиболее полно развернулся огромный организационный талант А. М. Горького. Личным примером — цикл очерков «По Союзу Советов», многочисленные статьи, выступления — он вдохновлял литераторов «достойно оценивать настоящее», давать яркое изображение явлений, «требующих утверждения, развития». Еще в 1919 году Горький писал В. И. Ленину о «необходимости издания информационного журнала, который занимался бы подсчетом и разъяснением всего, что Советская власть сделала — за год — положительного в разных областях социальной жизни».

Эта идея была осуществлена А. М. Горьким в 1929 году, когда начал выходить журнал «Наши достижения».

Хроника литературной жизни тех лет то и дело сообщает о писательских группах, выезжающих на места крупных строек, в колхозы.

Очерки, путевые заметки, написанные по свежим следам поездок (многие из которых затерялись на страницах периодических изданий, теперь уже ставших библиографической редкостью), хранят живую непосредственность новых и ярких впечатлений.

«Я пишу этот обзор, эти воспоминания об одной стороне моих впечатлений от моих дальних и частых поездок во все концы Союза, в вагоне, который мчит меня из глубины Сибири, из самого Иркутска, назад — в Москву, к работе».

Так начал А. В. Луначарский очерк «За стройкой», рассказывавший о создании киевской кинофабрики, Ростовского сельмаша, Балахнинского центробумтреста, о стройках Сибири.

«Сибиряки все жалуются, что их край слишком сильно отстал в строительстве и от Урала, которому они завидуют, и от европейской части Союза, и от Украины, которым они завидуют еще больше.

Однако Сибирь тоже строится. Куда бы я ни ехал, где бы ни останавливался, всюду заметна бурная стройка.

Как из-под земли вырастают целые рабочие поселки, совершенно преображая бытовую обстановку пролетариата. Новые большие заводы вырастают рядом с плюгавенькими старыми, заводы с новым, самостоятельно налаженным оборудованием, какого и за границей нет (фарфоровый завод в Хайте), новые электрические станции, причем сложнейшие турбогенераторы, выписанные из-за границы, спокойно устанавливаются, несмотря на некоторые хитрости фирм, без помощи немецких монтеров (Анжерская), новые клубы, дворцы культуры, государственные и общественные центральные здания (Новосибирск), — все это быстро, несмотря на отдельные перебои, создается под непрерывное ворчание, что всего еще недостаточно, что надо строить скорей, что надо строить больше...

Посещение равного рода больших новых строек — это, пожалуй, самое светлое и, я осмелюсь сказать, самое поэтичное, что дают сейчас поездки по нашей стране».

А. В. Луначарский обращал особое внимание на те качественно новые предпосылки строительства, которые возникают именно при социализме:

«Строить нового человека не менее важно, чем строить новые заводы. Несомненно, что эта новозаводская среда, этот дух развития индустрии чрезвычайно полезен для развития нового человека. Но никогда нельзя забывать, что наш индустриальный рост, в котором столь большую роль играет сознательность, зависит от одновременного роста нового человека. Надо помнить, что хозяйственный рост теснейшим образом связан с общекультурным подъемом страны и в особенности с ростом народного образования».

Атмосферой тех лет, когда, по выражению самого писателя, все «кипело, бурлило, строилось, перестраивалось», пронизан роман А. Малышкина «Люди из захолустья». Он много ездил по Союзу, жил на Магнитострое и Челябстрое, видел, как растут новые города, создаются новые человеческие отношения. А. Малышкин писал, что цель его поездки «сводилась к тому, чтобы показать в художественных произведениях переделку мировоззрения бывших городских кустарей (сапожников, стекольщиков и т. д.) и сезонников, которые, придя на наши новостройки, становятся сознательными индустриальными рабочими.

Меня интересовала главным образом психология бывших «уездных людей» (герои Глеба Успенского), у которых на производстве, у станка исчезает мелкособственнический и шкурный подход к работе. Я пробыл на Магнитострое около двух с половиной месяцев (две поездки) и наблюдал, как на коксохимическом заводе рабочие заключали индивидуальные договора, в которых квалифицированный рабочий давал обязательство поднять уровень технических и социально-экономических знаний молодого рабочего, недавно пришедшего к станку.

Я наблюдал жизнь в бараках и видел, что изменяется и быт бывших сезонников... Весною этого года обязательно снова поеду туда. Писатель должен держать непрерывную связь с такими крупными строительствами, как Магнитострой».

Около года провел в Магнитогорске и В. Катаев. «Я принимал участие в работе газетных бригад «Экономической жизни», и молнировал телеграммы в «Рабочую газету». Таким образом, я помогал переносить опыт Магнитогорского завода на другие предприятия». Можно сказать, что «опыт Магнитогорска» оказался важнейшим и для творческой биографии писателя. Вернувшись в Москву, он рассказывал корреспонденту «Литературной газеты»: «Я приехал на Магнитострой в июне прошлого года в самом начале социалистического соревнования магнитогорцев с харьковцами (Харьковский тракторный завод). Задачей соревнования являлось максимальное увеличение выработки жидкого бетона. На примере этого соревнования я увидел, какой относительный смысл в условиях нашей работы имеет время». Об этом писатель рассказал в романе «Время, вперед!», где конкретный, почти документальный материал был поднят до философско-поэтического обобщения созидания нового мира.

Неповторимое своеобразие действительности требовало от писателей принципиально нового подхода к ее изображению. Надо было быть не только свидетелем, но и участником жизни своего народа. Только тогда исторические события могли приобрести ту яркую конкретно-осязаемую форму, в которую отлились они в произведениях советских писателей. Только в непосредственном контакте с живыми участниками великого движения, которое вырвало Россию из вековой отсталости, могли писатели так всесторонне понять и выразить черты русского характера.

А. М. Горький среди работников бакинских нефтяных промыслов. 1928 г.

На промысла Азнефти я приехал рано утром, прямо с вокзала... Я оглядываюсь и, разумеется, ничего не узнаю, — сильно разрослись промысла, изумительно широко!

М. Горький. «По Союзу Советов»

А. М. Горький на хлебозаводе «Десятилетие Октября». Ленинград, 9 июля 1929 г.

Этот завод — самое изумительное из всего, что я видел в Ленинграде. Ничто иное не говорит так красноречиво о революции быта.

М. Горький. Запись в книге посетителей хлебозавода. 9 июля 1929 г.

А. Малышкин, В. Полонский, Ф. Гладков и В. Сварог в Магнитогорске. 1931 г.

Это люди нового времени, это главный герой нашей эпохи. Знать этих людей необходимо нашему писателю... Нужно всей душой полюбить их труд, знать его до мелочей и почувствовать красоту и своеобразие заводского мира.

Ф. Гладков. «О социалистическом реализме»

А. Довженко, возчик-колхозник, А. Фадеев, Ю. Солнцева, охотник-зверолов В. Глушак во время поездки по Дальнему Востоку. 1933 г.

Теперь не дебрями Уссурийского края знаменит наш Дальневосточный край, он знаменит городом юности Комсомольском, его гигантами-заводами, выросшими в дикой тайге.

А. Фадеев. «В родном краю»

ЧИТАТЕЛЬ УТОЧНЯЕТ

ФАКТАМ ВОПРЕКИ

Я не литератор, не критик. Но, как бывший военнослужащий, как рядовой читатель, не могу не указать на серьезные неточности в повести И. Голосовского «Только одна жизнь», выпущенной издательством ДОСААФ в 1972 г.

Автор пишет о «бригадном комиссаре Штерне», прибывшем на место Берзина. Да помилуйте: советский военный советник Г. М. Штерн был строевым командиром, а не политработником.

Далее говорится об отправлявшихся в сражающуюся Испанию советских танкистах: «почти все они участвовали в боях на Халхин-Голе». Описывается событие 1936 года, а бои в районе Халхин-Гола имели место три года спустя — в 1939 году!

Перечень неточностей можно было бы и продолжить... Их немало. Право, уж лучше бы автор не сообщал в предисловии, что его повесть «документальна в своей основе».

А. ЖЕНИХОВСКИЙ
МИНСК

ЧИТАТЕЛЬ НЕДОУМЕВАЕТ

«НЕБРИТЫЙ... ГЛАЗ»

Три дня не садилась за это письмо: не покидало ощущение, что я не в ладах с родным языком. И всему виной прочитанная повесть Алексея Грачева «Уроки агенту розыска», посвященная «трудной работе сотрудников уголовного розыска в одном из губернских городов в первые годы существования Советской республики». Как видим, тема весьма ответственная.

Но попробуйте представить себе обнаженный... рукава, сидящих на шпиле... женщин, картуз с... синяком, небритый... глаз, наконец — зубастую... грудь! Если не можете — загляните в книгу А. Грачева и читайте:

«Похаживали фабричные, больше женщины, с обнаженными по локоть рукавами...», «Около сколоченного плотниками из бревен восьмиугольного сруба с пятиконечной звездой на длинном и тоже деревянном шпиле сидели несколько женщин...», «установить наблюдение за парнем в [illegible] картузе с фиолетовым синяком под глазом, небритым и мрачным...», «грудь колышется, играет зубами, как дразнится...» и т. п. Подобных примеров в книге немало.

Уж не говорю о недопустимом множестве опечаток.

Так рассудите, пожалуйста, кто же не в ладах с русским языком — я или автор повести А. Грачев и редактор книги, выпущенной Верхне-Волжским книжным издательством, Л. Кононин?

О. БИЕВА
КАЗАНЬ

РЕПЛИКА

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ...

В «Литературной газете» от 31 января было помещено письмо В. Денисьева «Не верь глазам своим». Наряду со многими замечаниями в адрес различных книг, автор вносит уточнение и в мою книгу «Крах вражеского подполья», утверждая, что я ошибочно назвал одного из организаторов «правого центра» Д. М. Щепкина бывшим царским министром внутренних дел. В. Денисьев пишет, что «кадет Щепкин не был никогда не только «министром внутренних дел», но и вообще каким-либо «царским министром».

Однако я пишу не о кадете Николае Николаевиче Щепкине, который действительно не мог быть министром, а о Щепкине Дмитрии Митрофановиче, который никогда не был кадетом.

К слову, Д. М. и Н. Н. Щепкины, несмотря на некоторые различия в своих политических взглядах, объединились в антисоветской деятельности, о чем тоже сказано в моей книге.

Д. ГОЛИНКОВ

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Николай АТАРОВ

Иван ВИННИЧЕНКО

Анатолий ЗЛОБИН

Владимир ОРЛОВ

Георгий РАДОВ

Владимир ЧИВИЛИХИН

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ: НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУБЛИЦИСТОВ

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

И. ОСИПОВ

РАСКРЫВАТЬ ЦЕЛЫЕ МИРЫ

В АРСЕНАЛЕ жанров нашей литературы очерк занимает, по общему признанию, далеко не последнее место, и как бы ни называли этот жанр — то ли разведкой, то ли художественной публицистикой, — важно, что он позволяет донести до читателя многообразие, многокрасочность, многопроблемность окружающей жизни.

Не устарело пожелание Белинского, чтобы очерк раскрывал «целые миры», как и его же совет не заниматься в очерке «школьным критиканством» — так он назвал легкомысленное, непродуманное отношение к предмету, попавшему в поле зрения автора.

Жизнь подсказывает очеркисту и направление поиска, и выбор темы для творческого соприкосновения с действительностью. Глубокое знание реальных фактов, общественный темперамент, смелая, подлинно партийная позиция автора, его способность сочетать исследование с художественным изображением — необходимые условия для создания очерка.

Так было на всех этапах нашей жизни. Очерк тридцатых годов вдохновлялся пафосом первых пятилеток. Тогда возникла в очерке и затем утверждалась в больших формах — в повести, романе, поэме — новая поэтика трудового подвига советского народа на стройках Магнитки, Днепрогэса, Сталинградского тракторного, на колхозных нивах.

Шло время, и сегодня возникает перед очеркистами столь же увлекательная задача — раскрыть сложные явления, вызванные научно-технической революцией. Хочется поэтому отметить одну из немногих попыток обратиться к этой важной теме — очерк молодого литератора Анатолия Курчаткина «Десять дней на Уралмаше» («Наш современник», № 4, 1972).

Автор был подручным фрезеровщика на Уралмаше и через несколько лет возвратился сюда, желая увидеть, что принесла научно-техническая революция, которая медленно, неуклонно надвигалась из недр научных лабораторий, конструкторских бюро и широко, мощно выплеснулась в нашу жизнь.

Он находит точные, живые слова, рассказывая о друзьях, о заводском быте, о разительных переменах в цехах за последние несколько лет. Сюда поистине «выплеснулось» из лабораторий и конструкторских бюро множество технических новинок.

А как человек? Не утрачивает ли он теперь — у автоматов, на конвейере — того, что рабочий Коптев называет «душевным интересом»? Может утратить, опасается автор, если оставить неиспользованным, выражаясь словами изобретателя Нисковских, «запас способностей к творчеству». Очерк доносит до читателя раздумья рабочего Уралмаша: «Если в ком-либо и нет этой способности, то у него есть потребность творчества». Очень важно в эпоху научно-технической революции пробуждать в людях тягу к творчеству и создавать для этого благоприятные условия.

ГЛАВНОЙ трибуной очеркистов являются наши литературные журналы. Почти в каждом обозначен раздел «Очерк и публицистика». Здесь отражены многие из решающих проблем девятой пятилетки. «Знамя» рассказывает читателям о людях, добывающих курскую железную руду. Журнал «Юность» взял шефство над строителями железной дороги Тюмень—Сургут. «Волга» запечатлела облик людей, построивших Волжский автозавод...

Интересна, познавательна «Одиссея куска руды», опубликованная «Знаменем». Авторы этого серьезного исследования А. Чураков, П. Церетели, А. Мирзоян, В. Столяренко, И. Ачильдиев проследили путь железной руды от карьера до заводских станков, собрали ценные наблюдения, столкнулись с проблемами, которые, наверно, привлекут внимание тех, кто добывает и перерабатывает «курские куски».

Читатели «Знамени», вероятно, не прошли и мимо очерка А. Старкова «Весы и жизнь» (№ 3, 1972). Видно, не только крупномасштабная тема дает наблюдательному литератору материал для очерка. А. Старков тактично воспроизводит бесхитростный рассказ весовщицы Ермаковой, наглядно показывая, как можно раскрыть характер человека, если вызвать его на душевный разговор.

Полной противоположностью такому сердечному контакту выглядит весьма своеобразное «общение» со строителями Саянской ГЭС Юрия Скворцова, автора очерка «Мечте сбыться» («Октябрь», № 10, 1972). Заглянув в отдел кадров и полистав коротенькие письма желающих приехать на стройку, он утверждает, что видел их лица, слышал их голоса, ощущал тепло многих рук... Мало того! Оказывается, что «никто не стеснялся меня, не считал посторонним, все рассказывали о себе открыто, прямо, рассказывали главное». Вот ведь какие чудеса: прочитал две строки письма с просьбой принять на работу, и мигом встает перед тобой человек и, нисколько не стесняясь, выкладывает все, что у него за душой. Этакая мистика призвана заменить и зрелую мысль, и вдумчивые наблюдения.

Но отсутствие их в очерке не в состоянии компенсировать бескровные возвышенные фразы вроде такой: «Нет, не изменило наших людей время — все так же чисты их помыслы, так же благородны, гражданственны порывы души».

А ведь на страницах «Октября» мы читаем и талантливые очерки о достижениях науки Владимира Орлова, писателя, обладающего редким даром увлекательно рассказывать о сложнейших вещах. Здесь же напечатаны познавательно интересные очерки Юрия Грибова и Николая Кузьмина о Сахалине и Мангышлаке.

ЖАНР очерка позволяет писателю не только глубоко зачерпнуть жизненный материал, но и прямо выразить свое авторское отношение к увиденному, продуманному, пережитому, можно сказать, быть рядом со своими героями. Мы видим автора с его раздумьями, волнением, гражданской позицией в лучших очерковых работах. В таких, где важность и острота затронутых проблем сочетаются с художественно точным изображением действительности, человеческих характеров.

Интересно проследить, как на реально существующем жизненном материале возникают произведения, где достоверно запечатлены не только факты, обстоятельства, случаи, но и облик литератора. В очерке «У подножия солнца» («Молодая гвардия», № 1, 1973) Вениамин Колыхалов рассказывает об искателях богатств Полярного Урала — геологах, буровиках, мастерах, рабочих поисковых экспедиций. Самоотверженные, настойчивые, упрямые люди живут в этом очерке. Он воспроизводит атмосферу отношений суровой жизни на трудных таежных маршрутах. «Условия, в которых мы работаем, накладывают отпечаток доброты и сердечности», — записал в своем дневнике один из героев очерка Семен Ливанов. В строю этих людей, охваченных желанием пробиться к тайникам недр, шагает и автор. Его зоркий глаз, его чуткий слух позволяют читателю в «простешенькой жизни» поисковиков разглядеть «большую людскую мудрость».

В походной тетради Владимира Клавдиевича Арсеньева я нашел когда-то такую запись: «Никогда не следует упускать счастливую возможность вернуться на маршрут, который глубоко запал в сердце».

Очеркист прокладывает свои «маршруты» к людям, к их делу, и каждое возвращение к ним дает возможность глубже проникнуть в существо этих дел, в тайники человеческих характеров. Именно так, часто возвращаясь к полюбившимся людям, успешно работают Анатолий Медников, Георгий Радов, Иван Винниченко, Ирина Ирошникова.

Это же постоянное стремление проникнуть в самую сердцевину социальных проблем и в сложный мир человеческих отношений заставляет Анатолия Злобина подолгу «быть под одним дождем» со строителями Братска или Набережных Челнов. И поэтому, наверно, в его очерке «Камские встречи» («Москва», № 9, 1972) высказаны серьезные соображения об «общности порыва», о понимании романтики в современных условиях стройки, о «моральных стимулах» и «деловом подходе».

В первых книжках журналов, вышедших в этом году, опубликованы очерки, написанные с хорошим знанием дела, затрагивающие немало серьезных проблем. Иван Фролов в очерке «Из тьмы — к свету» («Дальний Восток», № 1) показал, как подняты к новой жизни, поистине к свету сахалинские нивхи, о которых с горечью писал Чехов: «Медицина не в силах задержать рокового вымирания...» Запоминаются цифры в этом очерке: в 1925 году на Северном Сахалине было 20 учителей, а теперь лишь в одной школе-интернате в Ноглинках — 26 педагогов...

Олег Волков побывал в Воронежском заповеднике и с тревогой рассказывает («Чур, заповедано!», «Наш современник», № 2), как гибнет лес, ставший объектом недопустимой погони за доходностью: «Последнего филина подстрелили здесь несколько лет назад для чучела», «Скуден птичий мир», «Бобрам не хватает корма».

В журнале «Москва» (№ 1) Виктор Полторацкий делится с нами любовью к родным местам («Дарю вам Мещеру»). Он пишет: «...Прожил я на белом свете шестьдесят лет, а речка Стружань все течет и течет в моей памяти... Всем сердцем желаю я каждому доброму человеку знать и помнить свою большую ли, малую ли Стружань...».

К сожалению, еще мелькают на страницах журналов очерки, изобилующие фамилиями, именами-отчествами, цифрами, но лишенные дыхания подлинной жизни. Жанровые зарисовки и поспешные «отклики» подменяют нередко публицистическую остроту, глубину исследования и художественность повествования.

Следует напомнить, что в лучших произведениях советского очерка и публицистики их авторы вскрыли сущность и подсказали решения важных экономических и нравственных проблем, делая это не в ущерб литературным достоинствам своих очерков.

Решения XXIV съезда партии, направленные на ускоренный подъем благосостояния народа, обязывают нас, очеркистов, показать крупным планом, правдиво, образно человека труда. Это останется надолго главной и, пожалуй, самой сложной задачей каждого, кто берется писать невыдуманные рассказы — очерки эпохи строительства коммунизма.

ЗАМЕТКИ КРИТИКА: ПРОЗА В «КАРОГСЕ»

Петерис ЗЕЙЛЕ

ЖИЗНЬ ОБЯЗЫВАЕТ

«КАРОГС» («Знамя») — единственный «толстый» литературный журнал в Латвии. Именно он призван первым знакомить читателей республики с новыми романами и повестями латышских писателей, и прежде всего с теми, в которых глубоко и ярко отражается наша социалистическая действительность.

Как же выглядит сегодня «большая» проза «Карогса»?

Одно из наиболее ярких и своеобразных произведений, опубликованных на страницах журнала за последние два года, — роман Висвалда Лама «Шутник и кукла». По своему художественному решению он напоминает фильм Ю. Ильенко «Белая птица с черной отметиной». Напрашивается и сравнение с «Потерянным кровом» Йонаса Авижюса, хотя роман известного литовского писателя написан с большим эпическим размахом — он масштабнее, многослойнее, в нем глубже раскрываются социальные и психологические конфликты в переломные моменты истории.

В произведении латышского прозаика также идет речь о мрачных днях фашистской оккупации, сходны социальные, политические силы, действующие в романах Авижюса и Лама, — здесь и убежденные борцы за правое дело, и предатели-националисты, и те, кто пытается пойти своим «особым» путем, не быть ни по одну, ни по другую сторону баррикад. Такое совпадение не случайно, оно обусловлено общностью исторических судеб литовского и латышского народов, самой проблемой — с кем ты? — стоявшей так остро тогда перед многими литовцами, латышами, эстонцами. Не удивительно, что родственны по характеру и главные герои обоих произведений — Гедиминас и Улдис. У Й. Авижюса сама логика борьбы приводит Гедиминаса после многих его ошибок и метаний к партизанам. Такой же путь проходит Улдис Осис в романе В. Лама. Однако он, отвоевав в партизанском отряде, вернувшись к мирному труду, вновь ищет «золотую» середину, становится шутником, пытаясь за иронией, как за ширмой, укрыться от прямых ответов на вопросы, которые ставило время, уйти от борьбы, от кипучей жизни. Нет, Улдис по натуре не трус. Повстречавшегося в лесу бандита он разоружает, но... бросает его автомат в пруд, а убийце позволяет бежать. Улдис выходит из борьбы, когда она еще продолжается. В этом — его трагедия.

«Шутник и кукла» В. Лама в латышской романистике последних лет — явление значительное. Это гимн борцам, навсегда избравшим единственно верный путь, таким, как организатор первого колхоза Сергей Васильевич, комсорг волости и Придис, убитый бандитами. Это — напоминание и предупреждение: пока по земле ходит зло, не может быть третьего пути и не должно быть.

На страницах «Карогса» опубликован третий роман Илзе Индране «Водонос». Показывая людей разных поколений на крутых поворотах эпохи (с конца тридцатых годов приблизительно до начала шестидесятых), автор, как и прежде, воспевает красоту труда, утверждает веру в творческие способности человека. Однако по сравнению с предыдущими произведениями талантливой писательницы в ее новом романе слабее ощущается дыхание современности.

Нет ничего недостоверного в биографии главной героини Клинты. Дочь бедняка выходит замуж за богатого хуторянина Олава, но вскоре разочаровывается в нем. Олав — в годы войны немецкий пособник, затем десять лет он скрывается в хлеву, в яме, вырытой под стойлом. Удары судьбы следуют один за другим: сын Клинты, студент, гибнет в результате несчастного случая, любовь к бывшему красноармейцу Альберту Крому не приносит ей счастья — у того семья, дети. Тяжелая, незадавшаяся личная жизнь... Но Клинта находит удовлетворение в работе, видит в ней смысл жизни. Она — учительница и воспитатель в детском доме, размещенном в особняке ее бывшего мужа. Клинта верит, что ребятам, которые растут здесь, не придется испытывать трудности и лишения, выпавшие на долю многих людей ее поколения.

Разумеется, это упрощенный пересказ сюжета. Но не сюжетная линия и не проблематика (хотя многие из затронутых в романе проблем кажутся вариациями тем прежних произведений писательницы) вызывают возражения. Камень преткновения кроется, как это ни парадоксально, в насыщенном метафорами языке романа, в экспрессивной и романтической стилистике.

В уста почти всех — различных, даже противоположных по своей сущности — персонажей вложена одинаково цветистая, крайне напряженная, экзальтированная речь, «внутренние монологи» их трудно отличимы от раздумий автора. Как струи подсвеченного водопада, кипит и пенится языковая стихия романа. И нет возможности внимательно приглядеться к внутреннему миру героев, его изменениям. Быть может, поэтому некоторые персонажи весьма статичны — мы не видим их в развитии. Красочная стилистика, утонченный язык писательницы здесь обратились во вред. Богатство средств выразительности, применяемое без тщательного отбора, не позволило четко дифференцировать персонажи, показать авторскую позицию по отношению к ним и в конечном итоге индивидуализировать их...

Почти все произведения «большой» прозы, опубликованные в журнале за минувшие два года, носят более или менее ретроспективный характер: повесть Дианы Варславан «Человек играет с медведями» воскрешает события Великой Отечественной войны, в повести Дайны Авотыни «Зузе» действие завершается в первые послевоенные годы, оставшийся недописанным роман Визбула Берце «Лучшая часть жизни» — о комсомольцах первых пятилеток, фрагменты также неоконченного романа Карла Штрала — о первой мировой войне. Непосредственно нашим дням посвящены лишь два романа — «Конопля на ветру» Айвара Калве и «Конец синих гномов» Дагнии Зигмонте.

И первая книга рассказов Айвара Калве «Роль», и в особенности вторая — «Красное клеверное поле» свидетельствовали, что в латышскую новеллистику пришел интересный прозаик. В прошлом году издательство «Лиесма» выпустило на русском языке книгу его рассказов «Труба полуночница». Привлекает умение молодого новеллиста передать своеобразие характеров героев, психологически убедительно отображать их чувства и настроения, спокойная, ненавязчивая, без нажима и в то же время выписанная манера письма.

Все эти достоинства присущи и первому роману А. Калве «Конопля на ветру». В частности, искусно раскрыт внутренний мир главного героя — молодого актера Улдиса Марснена. Закономерна и сама проблема поиска им своего места в жизни, в искусстве. Но все же поставленная автором тема преодоления запоздалого инфантилизма (Улдису — тридцать—тридцать пять лет) сравнительно узка, к тому же в романе недостаточно мотивированы как причины неудач героя, так и многие его поступки. Не до конца четко выражено и отношение автора к нему. Критика не без основания указывала на известную вторичность образа Улдиса Марснена — подобные ему молодые люди довольно густо населяли страницы книг в пятидесятые годы.

«Конец синих гномов» Дагнии Зигмонте продолжает линию, наметившуюся в двух ее предыдущих романах — «Ведьмин дом ремонтируется» и «Фрагмент».

Здесь вновь дан микроанализ семейной, «частной» жизни, вновь действие протекает на окраине Риги, в тихом зеленом Задвинье. Роман рассказывает о двух семьях, поселившихся в соседних квартирах маленького домика, об отношениях сестер Вируты и Виниеты, фабричных работниц, с молодыми учеными Минтаутом и Айнаром.

Воздавая должное пластичности в лепке характеров, точности деталей, языковым достоинствам романа, не могу не сказать и о серьезном упущении прозаика. Сосредоточившись на анализе сугубо личной жизни своих героев, автор лишь номинально, лишь условно обозначает их профессии: хотя в романе речь идет о представителях рабочего класса, об ученых, они даже вскользь, даже мимоходом не показаны в труде, в социальном аспекте. Это, думается, не случайность. В газете «Литература ун максла» Д. Зигмонте писала: «Сегодня человек не только трудится: есть целый ряд иных моментов, определяющих формирование его характера...». Спорить с этим трудно. Но нужно ли, изображая героев, учитывать только «иные моменты» и отказаться от главной сферы их жизни — общественной, трудовой? Зигмонте же от книги к книге все скупее показывает людей в сфере производства, и это, несомненно, сужает возможности талантливой писательницы.

Более целеустремленное и последовательное развитие получил в «Карогсе» документальный жанр. Вот, например, большое произведение о жизни председателя колхоза, Героя Социалистического Труда Эдгара Каулиньша «Когда тает туман» (литературная запись Петериса Баугиса). На русском языке эта книга вышла под названием «Будни не повторяются». Бывший пастушонок, батрак, участник двух мировых войн, затем парторг волости становится после войны одним из пионеров колхозного движения в Латвии, руководителем-новатором. Однако смысл этого написанного с большим художественным тактом документального романа (можно и так определить его жанр) шире и глубже: в нем — судьба всего трудового народа Латвии.

Среди наиболее заметных произведений документального жанра следует назвать трилогию Янниса Ниедре о замечательном латышском революционере и видном деятеле нашей партии Петре Стучке, удостоенную Государственной премии республики 1972 года.

В своей книге «Курземите» Имант Зиедонис писал: «Почему же для меня Латвия — все еще неоткрытая страна?.. Да, я знаю о результатах ее труда, но мало, почти ничего я не знаю о тех подспудных силах, которые формируют ее любовь к труду, народную этику в целом. Меня интересуют ее индивидуальности, ее личности... Только богатый личностями коллектив может представлять народ, только он может говорить от имени народа. Поэтому меня интересует, где тот исток, который породил мыслителя, поэта, стрелка». Трилогия Янниса Ниедре, как и книга о судьбе Эдгара Каулиньша, во многом раскрывает обстоятельства, формировавшие личность большого масштаба, показывает революционные истоки выпестованного народом характера красного стрелка, активного строителя новой жизни.

ПОЛНОКРОВНЫЙ литературный процесс нельзя представить без многосторонних, отвечающих определенным пропорциям отношений между отображением прошлого и современности. Осваивая все новые и новые пласты истории революционной борьбы народа, литература тем самым перебрасывает мост между прошлым и настоящим. Значение книг на историческую тему бесспорно. Однако литература — прежде всего зеркало своего времени, а «толстый» журнал — трибуна современной темы.

Ранее «Карогс» много делал для того, чтобы открыть дорогу произведениям подлинно современным. К сожалению, сейчас эта хорошая тенденция прослеживается не столь отчетливо. Если говорить о «большой» прозе, скажем, о романе, то, быть может, не все и не всегда зависит от самой редакции — известная ретроспективность характерна сейчас для латышской прозы в целом. Но журнал все же мог быть целеустремленнее в своих поисках, активнее группировать вокруг себя тех, кого волнует современная тема. И в этом отношении «Карогс» проигрывает по сравнению с «Звайгзне», журналом типа «Огонька», который, понятно, имеет меньше возможностей для публикации романа или повести. Между тем именно на его страницах увидело свет большинство крупных произведений, посвященных современности и принадлежащих перу Регины Эзеры, Алберта Бэла, Лаймона Пура и других авторов. Более того — и художественные очерки о наших днях редко появляются в «Карогсе». За два года этот оперативный жанр представлен очерком Г. Цирулиса и репортажем Я. Лапсы на традиционную тему о латышских рыбаках и моряках да очерком В. Лама «Строители и улица». А для информационных материалов, различного рода хроникальных заметок в редакции площади не жалеют.

По достоинству оценив стремление журнала широко представить на своих страницах произведения о прошлом, его заслуги в развитии латышской документальной прозы, все же надо высказать самое настоятельное пожелание, чтобы «Карогс» более решительно повернулся лицом к современности. И это требование в первую очередь относится к «большой» прозе. Ведь именно она прежде всего отражает характер и направленность журнала.

РИГА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Г. Л. КАРБЕЛАШВИЛИ — 50 лет

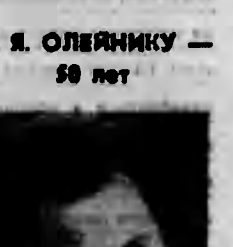
Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили Гиви Луарсабовичу Карбелашвили приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас, известного грузинского прозаика и переводчика, публициста и общественного деятеля, в день пятидесятилетия.

Мы знаем Вас как автора оригинальных рассказов и сценария «Ущелье Риони». Особенно много сделали Вы в области художественного перевода. Вы познакомили грузинского читателя с произведениями А. Толстого, Л. Леонова, Г. Севунца и других писателей.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых творческих успехов!»

Н. Я. ОЛЕЙНИКУ — 50 лет



В связи с 50-летием украинского писателя Николая Яковлевича Олейника секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Вы вошли в литературу в годы Великой Отечественной войны, в которой принимали непосредственное участие как пулеметчик, политрук. Воины Северо-Западного, Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов помнят Ваши боевые стихи, очерки и рассказы на страницах армейской печати.

Ваши произведения, публиковавшиеся в газетах «Советская Волынь», «Молодежь Украины», в республиканских и центральных журналах, а также романы и повести «Леся», «Жилюки», «Одержимая», «Туда, где бой» способствовали дальнейшему развитию и росту украинской художественной литературы.

Высоко оценены и Ваши литературоведческие труды — о жизни и творчестве Г. Сковороды, Л. Украинки, о писателях-народниках.

Заслуживает внимания Ваша работа с молодыми литераторами, Ваша деятельность для укрепления и развития культурных связей с зарубежными странами.

Желаем Вам крепкого здоровья и новых успехов на ниве родной литературы».

И. П. РУРУА — 50 лет

Грузинскому писателю Илье Пармановичу Руруа исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения.

Ваше творчество хорошо знакомо многочисленным советским читателям. В своих сборниках — рассказах и миниатюрах «В сиянии радуги», «Прозрении», «Светом места», «Залпом холма» и других — Вы правдиво и ярко отразили трудовой подвиг народа, строителей социалистического общества.

Коммунист, общественный деятель, неутомимый труженик, Вы постоянно и активно участвуете в работе писательской организации и ведете большую общественную работу.

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите со страниц вашей газеты поблагодарить все организации, читателей и друзей, поздравивших меня с 60-летием со дня рождения.

Виктор **БЕЗОРУДЬКО**

Сердечно благодарю читателей, друзей и товарищей, организации и учреждения, всех, кто поздравил меня с моим 60-летием.

Мора **ЛИСНИСКИЙ**

Владимир
САПОЖНИКОВ

рассказ

ВИЗИТ К ДИРЕКТОРУ

Писатель Владимир Сапожников живет в Новосибирске. Он автор двенадцати книг. Тема труда — одна из основных в его творчестве. Он пишет о рабочих-строителях, о рядовых инженерах, решающих в масштабах цехов и заводов серьезные технические и нравственные задачи. Ученые и наука, стоящие рядом, плечом к плечу с коллективами предприятий и строек,— тоже герои произведений писателя.

В ближайших номерах журнала «Наш современник» увидит свет повесть В. Сапожникова «Счастливчик Лазарев».

В ПРИЕМНОЙ слышались голоса, что-то говорила Маргарита Назаровна, секретарша, с которой Никитин проработал шестнадцать лет. Кого-то она не пускала к нему.

Никитин пододвинул альбом-календарь, открытый на сегодняшнем числе. Все, намеченное на сегодня, он, конечно, помнил, еще по дороге разбросал по часам весь день, но завтра-послезавтра что-то забудется, а это плохо. Свой самодельный календарь Никитин не без гордости называл «бортовым журналом».

Шестнадцать лет капитаном корабля чувствовал себя Никитин. Все эти годы на одном мостике, не передвинувшись ни на ступеньку выше по служебной лестнице. Говоря языком военных, Никитин не выслужил ни звездочки, но на допотопной «гончарни», выпускавшей канализационные трубы, выпестовал современный керамический завод с валом на дюжину миллионов рублей, со своим жилмассивом, с доброй славой предприятия, откуда рабочие не увольняются. Новое это было дело для полковника Никитина — завод! В сущности, после ухода из армии прожита еще одна жизнь вот тут, на этом пятачке заводской территории. И только история о том, как переводили производство с глины на фаянс, с фаянса на полуфарфор и фарфор, — целый роман, кстати, еще не законченный: не всегда хорошо держится в глазури проклятый тальк, стекает при сушке и обжиге...

Сидя в кресле, Никитин закрыл глаза, позволяя себе минуту полного покоя, и ему казалось, что он слышит течение самой жизни, музыку человеческого труда, всю бескрайность земли. Виделась ему высокая байкальская заря над сопками, замершие на морском рейде корабли, слышался гул прибоя, рев «катюш» в артподготовке. И вдруг подступила тишина, она плыла над уснувшей в камышах речонкой, над родной избой со скворечником, над краем детства. Колдовски прекрасна была эта тишина с сонным лепетом текучей воды, хотелось по-детски рассмеяться от счастья. Ах, Никитин, что-то неладное с тобой творится сегодня, разомлел, размечтался...

И вдруг, словно очнувшись, он увидел перед собою, в трех шагах, большие круглые очки, шапочку, бочком пристроенную на темной копешке, беленький свитерок, кожаную юбочку. Что-то худенькое, юное, с испуганными глазами. Коленки острые и ручонки под свитером тоненькие, взгляд растерянный. Девчонка, кажется, отчаянно трусила.

— Простите, пожалуйста, я к вам... Дело в том, что у меня... дело.

Нет, не видел Иван Тимофеевич в своих цехах этого робкого создания. Совсем не похожа была эта худышка на его плечистых амазонок.

— Слушаю вас.

— Я к вам без доклада, извините. Но совсем нет времени.

— А вы объяснили Маргарите Назаровне, что у вас нет времени?

— Нет. Я боюсь секретарш.

Оглянувшись на дверь, девушка объяснила:

— Ее вызвали к главному инженеру, а я подумала: возьму и войду к директору... Надо же привыкать.

— К чему привыкать?

— Ну, входить. У нас такой принцип: если тебя не пустили в дверь — влезь в окно.

— У кого у вас?

— У нас, у журналистов. Извините, я не представилась: Ратмира Козик.

Девушка протянула Никитину узенькую лапку. По незабытой офицерской привычке Никитин поднялся и, пожимая даме руку, склонил голову, чем совсем перепугал этого кузнечика. Она открыла сумочку, порылась в ней. Наконец, достала нужную бумажку с подписью и печатью, удостоверяющую, что Ратмира Кондратьевна Козик, студентка факультета журналистики, является практиканткой при областной газете и ей требуется всяческое содействие.

Пока Никитин изучал удостоверение, Ратмира Кондратьевна успокоилась и уже с достоинством глянула на Никитина своими чистыми, доверчивыми глазами.

— Я хотела не к вам. Вы человек занятой. Мне нужно взять интервью у специалиста. Посмотреть завод. Для очерка. Потому что ваш завод перевыполняет план по валу и по... — она достала из той же сумочки блокнотик, листнула его, — и по номенклатуре... Я правильно сказала? Может быть, я не так что-то делаю, но это первое мое интервью. Извините!

— Понятно. Вам нужен человек, который показал бы завод. Верно? А может быть, вы позволите мне дать вам интервью? Представляете: это будет и моим первым интервью, Ратмира Кондратьевна! Решайте. У меня найдется время для вас.

Девчонка испытующе посмотрела на Никитина, не шутит ли седой человек. Никитин не шутил. За шестнадцать лет на его завод-невеличку не захаживал ни один журналист, не рассчитывая «в мире горшков» найти что-нибудь, достойное внимания читающей публики. Кроме того, кузнечик в очках-фарах понравился Никитину, и ему захотелось увидеть завод этими неусталыми, юными глазами. А тут еще и первое интервью! Все равно, что первый бал...

Он перелистнул сегодняшний день «бортового журнала» — ничего, обойдется, — и уже сухо, строго, нагнетая официальность, сказал:

— Наш завод — предприятие современное, растущее, у него, смею вас заверить, большое будущее, но мы не относимся к категории так называемых ведущих, головных промышленных объектов. У нас всего шестьсот человек рабочих, и едва ли, Ратмира Кондратьевна, вам удастся поразить своих читателей размахом, масштабами, сногсшибательными цифрами. Чего нет, того нет, прошу это учесть.

— А я не за масштабами! Знаете, я за чем? За красотой. Вы же выпускаете художественные изделия? Ведь так? Зав мне сказал: «Поищи что-нибудь редкое, экзотичное». Я на завод по рафинированию золота не пошла, — подумаешь, золото! Я хочу написать о людях, созидающих красоту...

Кузнечик умилил Никитина! Ей захотелось написать о красоте, и она пошла на завод бытовой сантехники!

— А ваш зав сказал, что составляет главный процент нашего вала? Наша основная продукция — сантехника. И столы-раковины. А художественные изделия — всего полпроцента плана.

На чистый лоб Ратмиры Кондратьевны набежала тень. Кузнечик задумался. У него вырабатывалось важное решение. Первое. Самостоятельное.

Тряхнув копешкой, девушка убежденно сказала:

— По-моему, красота везде есть. Она всюду, где человеческий труд... Правда?..

— Это же ад! — сказала Ратмира Кондратьевна, испуганно оглядываясь под черными, насквозь прокопченными сводами старой «гончарни». Золотой карандашик ее, нацеленный на страничку блокнота, растерянно замер: действительно, «гончарню», в которой когда-то формовались и обжигались канализационные трубы, дворцом не назовешь: лохматая от копоти кровля, фантастические переплетения вентиляционных и вытяжных труб, за распахнутыми железными дверями огненно-красные печные своды, а по углам до сих пор лежали сугробы нерастаявшего грязного снега...

Шесть лет пыхтела еще, дымила, плевалась огнем и дымом «гончарня». Она работала до тех пор, пока не был построен, сдан и пущен новый завод. Адские печи погасли девять лет назад, но вот еще стоит это чудовище на территории завода.

— Таким был наш завод, Ратмира Кондратьевна, шестнадцать лет назад. А вон в той пристроечке на гончарных кругах с ножным приводом делали цветочные горшки.

Одна авторитетная комиссия, обследовав завод, вынесла решение закрыть его, аннулировать из гуманных соображений. Но Никитин был не согласен. Он успел привязаться к своему чумазому детищу, поверить в его будущее. Полковник артиллерии снова надел папаху серого каракуля, почистил регалии и пошел ходить по инстанциям, по разным степеням начальства. Бряцая орденами, доказывал, что завод со сложившимся коллективом закрывать нельзя, напротив, на его базе надо строить новое, современное предприятие, где люди будут работать по-человечески. И в Москву ездил, и в главк, и к заместителю министра пробился, и в «Арагви» был с будущим начальником проекта нового завода.

— Это же прекрасно — добиваться своего, победить в упорной борьбе, — сказала Ратмира Кондратьевна, с облегчением выскользнув через скрипучую железную калитку «гончарни» и щурясь от майского солнышка. — А я не упорная. То есть я тоже упорная, но у меня не всегда получается, как надо.

«Всегда получается, как надо, только у господа бога», — подумал Никитин, но не стал обезоруживать кузнечика подобного рода пессимистической сентенцией. Девушка шуршала кожаной юбкой, на ходу что-то черкала в блокноте.

— Расскажите, пожалуйста, о том дне, когда вы всех рабочих вывели из «гончарни» и повели в новые цехи. Это было весной?

Экая торжественно-киношная фантазия все-таки! Никакого шествия не было. Требовалось дотянуть годовой план по канализационным трубам, а за счет планируемых на пусковой период убытков Никитин платил рабочим «гончарни» вдвое. Заколачивая хорошие деньги, они не спешили покинуть старый цех, потому что одним свежим воздухом сыт не будешь.

Никитин не без умысла показал гостье старую «гончарню» — ради контраста, — и когда они с Ратмирой Кондратьевной зашли в массозаготовительный цех с вращающимися махинами шаровых мельниц, с журчанием воды в отжимных прессах, он пытливо заглянул в глаза девушки. Цех явно понравился молодому работнику прессы. Ратмира Кондратьевна с удивлением озиралась в полупустом цехе. Людей не видно — одни машины. Девушки на дозаторах работают в белых халатах, и — густой, уносящийся под своды, ровный, почти церковный гул мельниц! И все это после закопченной тишины «гончарни».

— Иван Тимофеевич, я хочу спросить вас. В чем вы видите смысл жизни?

Оказывается, кузнечик размышлял, думал, работал!.. Ну-ка, отвечай, товарищ Никитин, в чем ты видишь смысл жизни? Читатели ждут, что ты скажешь, как ответишь на такой серьезный вопрос.

— Наверное, в работе, Ратмира Кондратьевна. В той доле твоего участия в общей борьбе за людское счастье...

Фу, как пышно выразился, поморщился про себя Никитин. Но по-другому как-то не сказалось.

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

Впервые самостоятельной личностью почувствовал себя Никитин на фронте, когда стал командиром артвзвода. Это была его первая работа, и смыслом жизни Никитина стала ответственность за пятьдесят человек, за их жизнь и смерть. Потом этот «смысл» тяжелел, вырастал вместе с расширением его командирских и человеческих обязанностей.

И все-таки во имя чего он жил, работал? То, что жизнь может утратить всякий смысл, Никитин понял на вторую неделю своего пенсионного сидения с удочкой. Вдруг он почувствовал, что больше никому не нужен, никто его не ждет. Его окутала пустота. Вот тогда он пошел, не пошел, а ринулся в райком партии и ухватился за этот заводишко, обрадовавшись вновь обретенным заботам. И сразу пустота исчезла, и страхи пропали...

Сквозь витражи кровли лился мягкий полусвет дня, заполняя цех тихим, праздничным сиянием. Мелькали обнаженные руки работниц, заливавших формы шлихером. Женщины вытирали серовато-розовые отливки полотенцами, окунали их в ванны с глазурью, словно купали детей.

Ратмира Кондратьевна залюбовалась работой парня и девушки на конвейере. Парень, невысокий, широкогрудый, играючи, нянчил куски гипса, заделывая формы, двигаясь широко и размашисто, словно шел с косой по лугу. Надо успевать: конвейер каждую минуту выталкивал все новые формы. А движения девушки, которая вела другой ряд, были напевны, плавны.

Два года отдал конвейеру Иван Тимофеевич, воюя с его капризами. Начальство трижды давало ему «последние сроки», предупреждая: либо пойдет конвейер, либо снова придется Никитину покупать удочки для подледного лова. Иван Тимофеевич приглашал специалистов, бегал по местным научно-исследовательским институтам... Наконец пошел, родимый, зажил, задышал, и хотя не межконтинентальные лайнеры сходили с конвейерной ленты, они с главным инженером обнялись, когда экономисты сообщили, что брак на конвейере — в пределах нормы, а себестоимость — ниже нормы.

...Подошел коренастый человек — предрабочкома Тихонов и, косясь на быстро бегающий карандашик Ратмиры Кондратьевны, стал рассказывать о новой заводской затее — бесплатных обедах. Тихонов только что вернулся с районной профсоюзной конференции, где узнал, что бесплатное питание вводится на многих предприятиях, но только в ночных сменах—как средство стимулирования. А когда он сказал, выступив, что они хотят организовать бесплатные обеды во всех сменах, из зала бросили реплику: «Как бы вам с директором самим не сесть на бесплатный паек!»

— В тюрьму, значит?

— Ну, и я тоже в ответ пошутил: «Мы, говорю, с директором люди холостые, за хорошее дело пострадать согласны». Шутку поняли, посмеялись, а все-таки береженого бог бережет. Надо посоветоваться, Тимофеевич.

— Мы хотим, — начал объяснять Ратмире Кондратьевне Никитин, — чтобы рабочий приходил на завод, как в дом родной. Пусть он знает, что тут ждет его не только работа, но и добрый обед, ведь заводу он отдает самое лучшее, самое главное свое время. Освободить человека от самых неблагодарных забот о желудке — не великое ли это дело?

Девушка утвердительно кивнула.

— Вот и все, Ратмира Кондратьевна. В «тайны» своего фарфорового царства я вас посвятил. Там цех упаковки, там склады. Осталось зайти в цех художественных изделий.

Это лишь сам Никитин его так называл. В титуле же он числился как цех ширпотреба с заданием выпускать продукцию для продажи населению. Прислали образцы цветочных горшков, предписывалось сделать по ним формы и шлепать их, не мудрствуя лукаво. Горшки с цветочками пошли очень ходко. И сейчас они давали прибавку к валу, но червячок сомнения глодал и глодал директора. В руках ведь не что-нибудь, а благородный фарфор!.. С ним надо уметь хорошо обходиться...

Нет. Никитин не собирался бросать вызов всем мастерам фарфора. Человек привыкает, как к хлебу насущному, ко всяким удобствам, а к красоте привыкнуть нельзя. Красота не старится, она работает вечно, она должна быть всюду.

И снова надел он однажды китель с тяжелой ношей орденов, но не с начальства начал хождение, а с творцов красоты. Не без робости переступал Иван Тимофеевич порог Союза художников. Его выслушали внимательно, водили по мастерским, угощали пивом, называли коллегой, но делать «посуду» никто не взялся.

Не услышали его художники. Портрет написать брались — отличная, сказали, фактура, а помочь — нет. Так и гнал бы Никитин свой сытный кормилец-вал, не пошли ему случай встретить Устина Зарецкого, человека с фантазией, горячего, любящего дело, для которого жизнь — это работа. И вот идут с тех пор с конвейера и кружка, и сувенирный бочонок-графин, и амфора, и ваза в три цвета, и многое другое...

Рассказывая обо всем этом, Никитин водил Ратмиру Кондратьевну по длинному под стеклянным куполом цеху. Девушки с кисточками, каждая за отдельным вращающимся столиком, разрисовывали подцветочницу-вазу кобальтом, киноварью, золотом.

И вдруг Никитин остановился. Подозрительно глянул на журналистку. И спросил:

— А не скучно все это?

Она хотела что-то сказать, но он продолжал:

— Может, и скучновато, но очень важно, дорогая... А? — И добавил: — Для жизни важно.

Ей показалось, что директор в чем-то оправдывается перед нею. И она записала эту свою мысль в блокнот. На всякий случай.

А Никитин смотрел вокруг. Прищуренными глазами. Он думал о том, что еще надо сделать после обеда и завтра.

НОВОСИБИРСК

СТИХИ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ

Представлять грузинскую поэзию перед лицом многомиллионного и многоязычного советского читателя — высокая честь и высокая ответственность. Грузинская поэзия насчитывает более десяти веков существования — я говорю о той литературе, которая зафиксирована в памятниках письменности. И на протяжении всего этого времени она развивалась, росла, крепла, накапливала опыт и богатые традиции.

Поэзия Ш. Руставели, Д. Гурамишвили и Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели и В. Пшавела, поэзия Советской Грузии, берущая начало от Галактиона Табидзе, сегодня играет важную роль в духовной жизни нашего народа. До Октябрьской революции такая богатая и древняя поэзия, по существу, была доступна только для тех, кто владел грузинским языком, за минувшие полвека Благодаря переводам лучших поэтов России и других братских народов она приобрела поистине мировое звучание.

Сегодня мы с гордостью можем сказать, что в рядах грузинских поэтов дружно работают и старейшие наши поэты, например, С. Шаншиашвили и К. Надирадзе, и представители молодого поколения. В этой подборке представлена очень небольшая часть отряда современных грузинских поэтов. Сейчас, когда народ моей республики, как и весь советский народ, испытывает особый трудовой и творческий подъем, мастера художественного слова стараются выполнить свой долг и создать новые произведения, достойные наших современников. В эти дни грузинские поэты являются гостями столицы. Они познакомят москвичей со своим творчеством.

Григол АБАШИДЗЕ,
первый секретарь правления СП Грузии

Ираклий АБАШИДЗЕ

Весна

Весне я не вышел навстречу —
и первую песню птичью
Не слышал,
не слышал трепет
чуть тронутых зеленью нив.
И вновь
увлекает вечность
свою дорогую добычу,
И катится по дороге
мая
бесшумный разлив.
Весне я не вышел навстречу —
и синева небосклона
Над пер[illegible] Лихским
вспы[illegible]
и отцвела.
Я вновь не догнал
у Варцихе
гремящие волны Риона,
И снова долину Колхиды
солнце сжигает дотла.
Весне я не вышел навстречу, —
чарующих и летучих
Мартовских красок не видел.
Исчезли, ушли от меня
Журчанье ручья в ущельях
и таянье льдов на кручах,
Вершин восковое свеченье
и догоранье огня.
Весне я не вышел навстречу.
Растрескались красные камни.
Не помню я первую зелень,
подснежников белизну.
Все там же стоит Кутаиси,
на месте гора моя Хвамли,
И снова уносит вечность
добычу свою — весну.

Перевел Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Хута БЕРУЛАВА

Мир полон новизною

Я певчей птицей становлюсь всегда весною —
Многоголосьем полон мир и новизною:
Когда-то знаемое — все мне незнакомо,
Вне правил действует весна и вне закона!
Звон незнакомых голосов летит все выше,
Дрожь незнакомую цветов знакомых вижу.
Все заново!..
Фиалок тон и вод бурленье,
Иначе ощущаю я ветров боренье,
Иначе, кажется, летят к вершинам тропы,
Иначе нынче шелестят и дуб, и тополь,
И карагач, и алыча...
И это значит —
Что завтра будут шелестеть опять иначе.
Как этот непохож апрель на прошлогодний!
Тут повторение азов — прием негодный...
Роса, что блещет по утрам от сотворенья, —
И та не терпит ни пустот, ни повторенья.
Природа! Доброты своей от нас не скроешь:
Весне ты щедро отдаешь мешки сокровищ,
Смятенье красок, голосов столпотворенье, —
И говоришь:
— Пиши, рисуй — без повторенья!
Пиши, пока ты держишь кисть, не знай покоя,
Крась небеса, поля, хребты, лес над рекою!.. —
...Весна ни звуков, ни мазков не повторила, —
Скажи, откуда у нее такая сила,
Что нет исхода ей, конца, предела нету,
Что стелется потоком роз по белу свету
И окропляет небеса своим сияньем,
Как бы беззвучных звездных рек сплошным слияньем.
О, набухание надежд, и вод, и почек!
Все в мире сделалось иным — зеленым, сочным,
Живым, невиданным и необыкновенным,
Благоуханным и благословенным!
Звон незнакомых голосов в просторы манит. —
Я певчей птицей становлюсь весною ранней.

Перевела Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Карло КАЛАДЗЕ

Сквозь бури, сквозь годы

Подобный дыханью свободы,
Что мыслям дает высоту,
Корабль, разрезающий воды,
Мою воплощает мечту.
Прошел он сквозь бури, сквозь годы,
Вздымая могучую грудь.
Подобный дыханью свободы,
Держал он в грядущее путь.
И вот миновали все бури.
Очистилось небо от туч.
Среди беспредельной лазури
Плывет он, как прежде, могуч.
Так спой же, бессменный наш кормчий,
Над гладью обманчивых вод
О том, что наш путь не окончен
И тихая гавань не ждет!
И песнь горделивую эту
Пусть дружно подхватят все те,
Кто в битвах предвидел победу,
Кто верен был светлой мечте!
Назло ураганам и грозам
Во тьме находил он не раз
Прямую дорогу по звездам
Горящих надеждою глаз.
Их молнии не ослепили
И тучи закрыть не смогли.
Они среди буйной стихии
Светили и к цели вели.
Лети, не страшась непогоды,
Мою воплощая мечту,
Подобный дыханью свободы,
Что мыслям дает высоту.

Перевел В. ЛУГОВОЙ

Мурман ЛЕБАНИДЗЕ

Рука на дружбу

Люблю грузина — вот и весь мой сказ.
Люблю узбека, русского и курда.
Не это не каприз и не причуда,
скорее право каждого из нас.
В краю, где всюду серый цвет подпалин,
где выжжены веселые цвета,
«Ты — грузин?» — меня спросил татарин
и показал мне заячьи места.
Я кунаку патронов подарил.
Я говорю: «Пешкеш!». Глядит с доверьем,
и мы крадемся по тропам овечьим,
и выстрел будит дремлющий аил.
Я вырежу свирель из тростника,
чтоб вспомнить песни, все, что не допеты.
Я говорю тебе, мой брат: «Хош гелды!
На дружбу— вот тебе моя рука!»

Перевел Станислав КУНЯЕВ

Мухран МАЧАВАРИАНИ

На светающей земле

Сейчас, когда ворчит волна,
деревьям спать мешая,
когда
качается
луна,
тяжелая,
большая,
я в окна темные стучу:
«Вставайте!
Не храпите!
Предупредить я вас хочу —
рассвета не проспите...»
Я наполняю тишину
гудками,
голосами.
Гляжу в большую вышину
глазами
Алазани.
Дышу на вас голубизной,
цветами улыбаюсь.
Встаю высокою сосной,
мостами
выгибаюсь.
Я бревна грузчиком гружу
с друзьями локоть об локоть.
Из труб
дымками восхожу
и превращаюсь
в облако.
Лечу спокойно и легко,
к седым хребтам ласкаюсь.
И где-то очень далеко
на землю
опускаюсь.
Всего я жду,
всего хочу.
С вершины
во хмелю
земле светающей кричу,
как я ее люблю!

Перевел Евг. ЕВТУШЕНКО

Отар ЧЕЛИДЗЕ

Ни к чему бриллиант мне...

Озаренье, как буря, врывается —
Сразу,
И пронзает...
Великое им рождено.
Но зажечь бриллиант
В твердой стуже алмаза
Дерзновенной минуте
Отнюдь не дано.
Нужно тщанье пчелы,
Озабоченной данью,
Дар лепить и точить
Шестигранники сот...
Пусть в тиши
В три погибели гнется старанье —
Геометрия грани
В старанье живет.
Лишь оно
Извлекло этот камень из груды,
Минерал наделило
Мерцаньем звезды,
Обнаружило в нем
И явило нам чудо,
Рукотворное чудо чистейшей воды.
С добиблейской поры —
Где оно ни горело,
Это чудо! —
Под стражей мудреных замков,
В одиночках футляров,
В ларцах не старело,
Шел причудливый блеск
Через темень веков.
Миллионы сжирал он,
Сверкающий идол,
Небоскребы росли
По веленью его,
Разорялись молельни, гроба, пирамиды,
В друге друг узнавал вдруг
Врага своего.
Средь бесцветности хода вещей
Негасимо
Он пылал,
Воплощенный в свечение миг, —
Этот камень — магнит,
Концентрация силы,
Утвержденье искусных усилий земных.
Всякий камень,
Разбившись,
Являет для глаза
Только камни,
А этот и в смерти живуч:
Бриллиант,
Отгорев,
Оставляет алмазы
И в осколке
Несет удивительный луч...
И еще я скажу,
Справедливости ради,
Что богатство прельщает нас
Меньше всего:
Ни к чему бриллиант мне,
Что проку в карате —
Но, как воздух, нужна мне
Шлифовка его!

Перевела Ирина СНЕГОВА

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

НОВЫЕ ИМЕНА НА ТЕАТРАЛЬНОЙ АФИШЕ, НОВЫЕ ГЕРОИ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

КИНОКАМЕРА В ГОРЯЧИХ ЦЕХАХ

Исидор ШТОК

ДЕБЮТАНТЫ

ЧЕМ знаменателен новый, нынешний этап советской драматургии, существующей более полувека и накопившей тысячи пьес?

Прежде всего — опытом этого полувека. Великими планами пятилетки. Небывало возросшим уровнем знания и образования. Научно-технической революцией. Психологией сегодняшнего театрального зрителя.

Когда-то на фронтоне Художественного театра было написано: «Художественно-Общедоступный Театр». Теперь все театры общедоступные (не все еще, к сожалению, художественные). Театр доступен всем. Кино, телевидение, радио распространены повсеместно. То, что казалось недостижимым или достижимым весьма трудно, теперь открыто для всех. Читай, смотри, слушай. Это прекрасно, но это же ставит новые, труднейшие задачи перед всеми нами. А перед драматургами особенно. Ведь с нас, а не с вешалки, начинается театр. С пьесы. С драматурга. Отмирают постепенно (к сожалению, постепенно, а не сразу) методы спекулятивной драматургии: лишь бы было злободневно, а уж как написано — дело второстепенное. Нет, теперешнему театральному зрителю нужны и значительность общественных проблем, и высокое драматургическое искусство. Только пьесы, раскрывающие душу народа, живут долго. Остальное быстро сходит.

Драматургия всегда была дефицитным жанром литературы. Хотя пьес было и есть множество. Встречаясь с молодыми писателями, с теми, у кого поставлены одна-две пьесы, и с теми, кто еще готовится дебютировать, всегда думаешь: какие советы им дать? Как помочь им отобразить в нашей жизни (а они, как правило, пишут о современности) главное?

И тут приходят на помощь «старики» — основоположники советской драматургии, те, кто увидел и кто впервые написал людей, доселе не описанных, но живших рядом с нами. Это были Вершинин, Швандя, Братишка, Григорий Гай... Много лет прошло с тех пор, но те, кто видел на сцене героев Всеволода Иванова, Бориса Лавренева, Николая Погодина, Бориса Ромашова, Константина Тренева, Михаила Булгакова, Александра Афиногенова, никогда их не забудут.

Заметьте, что никто из драматургов старшего поколения не повторял в своих следующих пьесах эти образы. Почему? Да потому, что они неповторимы, они нерушимо принадлежат своему времени, времени революции, гражданской войны, первых пятилеток.

Почему же сегодня иные молодые драматурги позволяют себе копировать ситуации старых пьес?

В девятнадцатом веке в ходу была так называемая «омонперовская» драматургия, где внезапно действующее лицо оказывалось незаконным сыном герцога, кардинала или короля. И тогда это действующее лицо, обливаясь слезами, кричало: «О, мон пер! О, мой отец!»

Не надо всовывать старые мелодраматические ситуации в новые пьесы. Слишком часто попадаются еще в наших пьесах взятые напрокат ходульные коллизии. Зрителя же гораздо больше интересует то, чем живут сегодня персонажи, их действительные горести и радости, чем всем известные «повороты сюжета». Может быть, поэтому у меня, скажем, перемешались в памяти те фильмы и спектакли о разведчиках, где были нагромождены переодевания, засады, выстрелы, погони и мало было настоящей, действительной жизни. Не характерно ли, что в последнее время особый успех у зрителей имеют такие пьесы, как «Солдатская вдова» Николая Анкилова, где изображен не выдуманный, а действительный подвиг?! Автор поверил в своих действующих лиц, он не мешал им поступать так, как они поступать хотели, он их не мучил, не толкал в спину, не таскал за бороды. Он к ним прислушивался.

Уважать своих персонажей, а не цыкать на них, не гонять на корде обязан драматург.

Если вы напишете правдиво и будете верить в правоту своих героев, ваш герой победит и на сцене так, как побеждает в жизни. Так же, как победил герой Игнатия Дворецкого в «Человеке со стороны» и победит, я в этом уверен, герой пьесы «Дело Боброва» москвича Валентина Черных, одного из самых молодых наших драматургов (пьеса сейчас репетируется в Москве в Театре имени Маяковского). Но победят они только в том случае, если знают, за что борются. Чешков и Бобров знают, за что борются. Знает это и герой пьесы «Оставайся, Игнат!». Автор — Зот Тоболкин, журналист из Сибири. Пьеса во многом еще несовершенна, но талантлива и правдива. Видно, что автор любит своих героев, сроднился с ними

Именно поэтому имеют успех герои пьесы «Милицейская история» — комсомолец Женька Столетов и капитан милиции Прохоров. Автор этой пьесы, известный писатель Виль Липатов (соавтор — В. Абрамов) впервые дебютирует в качестве драматурга. И дебютирует удачно — об этом свидетельствуют толпы людей у входа в Театр имени Пушкина, жаждущих попасть на спектакль.

В постановках этой пьесы нет режиссерских «изысков», нет и открытий новых театральных приемов. Режиссер (Б. Толмазов) хотел максимально полно выразить «жизнь духа» своих героев. И это ему удалось вполне. Это же можно сказать и о «Сталеварах» Г. Бокарева в Московском Художественном театре (режиссер-постановщик О. Ефремов).

Недавно Союз писателей РСФСР, ВТО и Министерство культуры проводили семинар молодых драматургов. Там были и известные уже прозаики, и совсем юные писатели, впервые пробующие свои силы. Разговор, естественно, шел о драматургии.

Что интересно современному зрителю? Мы по старинке думаем, что это сюжетная путаница, когда один оказывается другим, что «увлекательно» там, где внебрачные дети, подкупы, подлоги, переодевания, превращения. Но ведь это, так сказать, низшая форма драматургии. Действительно интересна только жизнь. Можно ли увлекательно изобразить на сцене строительство туннеля в горах? Кажется, трудно. Однако адыгейский писатель Ереджиб Мамий нашел для своих героев очень интересный конфликт. Мне кажется, пьеса «На развилке» может стать интересным, волнующим произведением о наших днях.

То же относится и к московскому писателю, уже опытному драматургу, одна пьеса которого идет на столичной сцене, — Борису Носику. Я читал его пьесу об охране природы, о людях, которые отравляют реки и моря, землю и небеса, не думая, не заботясь о будущем (она называется «Мой брат»). Вот эта борьба оказывается гораздо интереснее и напряженнее, чем выдуманная им в пьесе история с потерянным в детстве и найденным сейчас родным братом. Пьес о потерянных и найденных братьях было сколько угодно, а вот пьесы о защите окружающей среды нет.

ТРУДНОЕ это дело — драматургия. Возьмите текст договора драматурга с театром. В нем написано: «С одной стороны — театр, министерство, управление», с другой — «драматург, именуемый в дальнейшем автор». И кажется порой, что ты один против всего мира! Когда спектакль имеет успех, «виноваты» все и актеры, и режиссер, и художник, и автор. Когда спектакль проваливается — виноват драматург. Так было испокон веков, так и сейчас.

Процедура принятия пьесы театром сложна. Но процесс совместной творческой работы драматурга с театром еще более сложен. Мне кажется, что нередко режиссеры и актеры, а тем более завлиты тянут автора к тому, что уже было: к сценическим штампам и испытанным в театре приемам. Конечно, неверно думать, будто театры пьесы портят. Нет, их и улучшают или заставляют авторов их улучшать. Но нельзя тешить себя иллюзиями, что вот, мол, попадает пьеса в театр, там из «полуфабриката» сделают «фабрикат». В большинстве случаев это не удается. **Ни из одной плохой пьесы не выходит хороший спектакль.** Наоборот получается. Поэтому я обращаюсь к молодым драматургам — не несите в театр пьесу, пока не убеждены, что она уже готова и сделано все, что возможно.

Боюсь, что время записных книжек писателей и гениальных режиссеров, делающих по этим записным книжкам спектакли, прошло. Тем более не стоит брать себе в соавторы ремесленников — режиссеров, редакторов — умельцев «продвинуть» пьесу. Самые надежные «соавторы» драматурга — его герои.

Посмотрите, какую плеяду замечательных друзей вывел когда-то на сцену Николай Погодин: вожди революции, строители, колхозники, студенты, солдаты, офицеры... С ними вместе ему было легко жить и работать. Но герой пьесы станет другом автора только в одном случае: если автор влил в его вены и артерии живую кровь, а не чернила.

Драматург, тот самый, кто «с другой стороны» приходит в театр, и ему, не желая огорчать, часто говорят: ваша пьеса нам очень нравится, но у нас нет актера или актрисы, нет режиссера, нет художника, нет места, у нас уже создан репертуарный план на три года вперед.

Не верьте! Если вы принесете не просто «хорошую», а отличную пьесу, всегда найдутся режиссер, и актер, и место в плане. Писать надо не на отметку «три» и даже не на «четыре», а на «пять». И не обижайтесь, если с отметкой «три» вас не приняли.

ДВАЖДЫ я публиковал письмо ко мне замечательного советского драматурга Александра Николаевича Афиногенова. В сорок первом году была поставлена, потом жестоко раскритикована, а после войны вновь издана и вновь поставлена моя пьеса «Дом № 5». После ее критики Афиногенов прислал мне письмо: «Давно хотел написать тебе—но все не подыскивались слова утешения и бодрости, а теперь вдруг понял, что и утешать не надо — надо просто сказать, чтобы ты ни на одну минуту не прекращал работы над **новой пьесой**; только в подлинной, охватывающей все существо работе и есть законный реванш за обиду, боль и сожаление об угробленной вещи... Главное, положи на стол свою новую вещь и этим докажи силу сопротивляемости и напора. Без такой силы нам не пробиться. А пробиваться надо. Выше голову!»

Глупо советовать молодым драматургам — не падайте духом. Падайте. Иногда это необходимо — упасть духом. Но, упав, полежите немного, соберитесь с духом и опять садитесь за работу «И этим докажи силу сопротивляемости и напора».

Вот уже несколько лет драматург из Казани Диас Валеев пишет пьесы. Пишет их с переменным успехом. Брали его произведения и не ставили, откладывали, хвалили и опять откладывали. А вот сегодня на сцене Театра имени Ермоловой успешно идет его пьеса. Два других столичных театра приняли его пьесы к постановке.

Для того чтобы к драматургу пришел успех, одного таланта мало. Нужно еще воспитать в себе умение слушать людей, своих будущих героев, чувство постоянной неудовлетворенности, искусство вершить строгий суд над самим собой.

МОЛОДАЯ драматургия рождается у нас всюду. В национальных братских республиках, на Украине, в Дагестане, в Адыгее, в Якутии, на Дальнем Востоке, на Урале, в Сибири, в Татарии, на Кубани, на Волге, на Байкале... Время от времени мы встречаемся на конференциях, на семинарах, обсуждаем наши произведения, говорим о проблемах драматургии...

Конечно, драматургии нельзя научить. Можно только научить, как следует относиться к самому себе и к своему таланту, научить серьезно и ответственно относиться к нашей редкой и весьма трудной профессии. Знакомясь с творчеством молодых писателей, пришедших в драматургию, поражаешься богатству индивидуальностей и разнообразию избираемых писателями жанров. Начиная с героико-романтической исторической драмы в стихах челябинского поэта Константина Скворцова «Алена Арзамасская», представляющей, на мой взгляд, большой интерес, и до сатирического водевиля-детектива «Диплом» Андрея Кучаева, писателя, обладающего превосходным чувством юмора.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ сезон в разгаре. Много новых пьес, новых спектаклей, планов, замыслов. Отдел распространения ВУОАП и журнал «Театр» усердно печатают новинки. Разная будет судьба у этих пьес. Одни сразу провалятся, другие быстро сойдут после кратковременного успеха, третьи войдут в золотой фонд советской драматургии и будут жить долго, и их будут ставить в пример молодым драматургам. Вот, мол, ребята, учитесь, как писали старики...

Такой она и будет всегда — вечно живая, никогда не прекращающаяся, ежегодно обогащающаяся библиотека современной драматургии — основы жизни театра

КАДР ПЕРВЫЙ—КАДР ПОСЛЕДНИЙ

В павильонах «Ленфильма» в эти дни снимаются последние кадры художественной ленты «Современная хроника» (сценарий И. Дворецкого, режиссер-постановщик В. Соколов). Прежде своеобразным павильоном были заводские цехи—здесь происходит основное действие фильма. Герои его знакомы нам по пьесе «Человек со стороны». В кадре будущей картины — начальник литейного цеха Алексей Чешков (артист В. Заманский) и его заместитель Закир Манагаров (артист А. Джигарханян).

«Глыбы стального лома, называемого скрепом, наполовину утонувшие в темно-красном разливе жидкого чугуна напоминали развалины какого-то фантастического города над которым метались стремительные вихри жгучего газового пламени» — пейзаж из сценария Г. Бокарева и Ю. Карасика «Самый жаркий месяц».

На «Мосфильме» к постановке этой двухсерийной цветной широкоформатной художественной картины, посвященной рабочим-сталеварам, приступил Юлий Карасик.

На снимке: диспетчерская. Эскиз к фильму художника Б. Бланка.

ИНТЕРВЬЮ С ДРАМАТУРГАМИ

Как определяете вы лично для себя тему «Писатель и пятилетка»? Какие сегодняшние проблемы промышленности, строительства, сельского хозяйства, науки и т. д. представляются вам наиболее интересными для художественного осмысления? Над чем работаете сейчас? С такими вопросами обратились корреспонденты «ЛГ» к нескольким драматургам.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ:

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Писатель, как и все, живет, конечно, среди реальных людей. Но рядом стоят и те, кого в обычной жизни не существует, — люди, им придуманные, живущие своей особой жизнью,—его герои. Среди них есть добрые и злые, умные и не очень, циники, скептики и люди великодушно-романтического склада; одни—красавцы, других никто не замечает; иные вершат большие дела, а рядом с ними — люди попроще. Они разные [illegible] уходят корнями в [illegible] реальную жизнь, которая [illegible] писателю свои законы, заставляя его страдать, когда эти законы не сразу им улавливаются. Казалось бы, как просто: вот жизнь вокруг тебя—богатая, разнообразная, многоцветная. Бери ее, как она есть, и переноси на бумагу, на экран. Не тут-то было! Перенесенная механически, взятая с поверхности, она расплывается по бумаге бесформенным пятном — и не узнать ее тогда. Приходится пристально вглядываться в нее, сомневаясь и споря с самим собой, чтобы увидеть то главное и глубинное, что ею движет.

Вот такие мысли, совсем, конечно, не оригинальные, многим хорошо знакомые, но не стареющие от этого, приходят в голову, когда задумываешься над вопросом: что такое пятилетки в нашей писательской жизни и в нашей работе?

Может показаться на первый взгляд, что пятилетка — это только производственные планы, количество выпущенных товаров, цифры урожая, тонны, километры... Это, конечно, не так. Пятилетка — это и нравственное развитие человека, нашего современника. Для всех нас пятилетки были и остаются этапами нашей жизни, преодоление каждого из которых означало выход на новые рубежи, на новые ступени общественного и нравственного сознания. Так во всяком случае воспринимал я всегда понятие «пятилетка».

И если продолжить разговор о героях, дорогих моему сердцу, то с полной ответственностью могу сказать, что и Машенька, и Василий Губанов, и его сын Губанов-младший, и Паша Строганова — все они в моем сознании накрепко связаны с глубинным движением нашего общества к коммунизму. Этапы этого движения — пятилетки.

Я уже старый человек, многое повидал в своей жизни, с многими людьми встречался. Надеюсь, что кое-что понял в жизни. И мне не хотелось бы, чтобы мой опыт литератора и свидетеля пятилеток исчез: может быть, кому-то он и пригодится. Вот почему сейчас я заканчиваю уже вторую книгу воспоминаний моего лирического героя: это не совсем я, но в то же время все то, что я увидел, услышал, запомнил за долгие годы своей жизни. И вот почему я с большим волнением буду следить за тем, как воспримут зрители фильм «Монолог», сценарий которого я написал. Герой тут опять же не я, но в то же время и я, в нем — весь мой опыт человека и гражданина.

Анатолий СОФРОНОВ:

МОЯ ДЕВЯТАЯ...

— Каждое поколение советских людей ведет свой собственный счет трудовым пятилетиям. Для молодежи сегодняшняя, девятая пятилетка страны — первая. Для тех, кто постарше, — вторая, третья... А для вас, Анатолий Владимирович?

Софронов улыбнулся:

— А мне шестьдесят два, и для меня девятая пятилетка — девятая... Но та, первая, заветная, стоит перед глазами.

Мы строили Ростсельмаш и так же болели этой стройкой, как болеют своим делом современные парни и девчата. Конечно, такой техники, как сегодня, не было. Но для того, чтобы она родилась, нужна была наша работа. Нужно было перебросать лопатами тонны земли в котлованах и чуть ли не впрягаться рядом с тощими лошаденками, возить потом эту землю в отвалы. Но мы в буквальном смысле слова строили свое будущее, и радость наполняла нас. Помню, каким праздником для меня, тогда уже фрезеровщика, стала первая трудовая награда: в числе ста молодых рабочих я получил значок «Лучший ударник Ростсельмаша».

А потом были первые стихи, и первая проза, и первые пьесы. Но закалка, полученная на заводе, знание жизни тружеников, их забот, радостей и волнений очень пригодились мне как писателю. Я думаю, у каждого литератора должны быть свои трудовые «университеты». Пусть не каждый из них станет Горьким, но по-настоящему правдиво отобразить жизнь рабочего класса можно только тогда, когда личный опыт дает тебе моральное право на такой рассказ.

В прошлом году я опять побывал на Ростсельмаше. Встретился с заводом, как со старым другом. Но многое изменилось. Завод растет вместе со страной. И на заводе держат экзамен человеческие характеры. Я тогда подолгу беседовал с молодыми рабочими, признаться, даже с какой-то ревностью следил, как шли они к своим станкам. Ведь это для них мы строили тогда, в начале тридцатых... Жизнь всегда подсказывает темы, только нужно уметь всматриваться в эту жизнь, с уважением относиться к ней. Помню, как в другую пятилетку — послевоенную — судьба свела меня с «Трехгорной мануфактурой». А потом появилась пьеса о славных русских женщинах, о ткачихах — «Московский характер».

Преобразуется природа, жизнь, сами люди меняются, лучше становятся. Никогда, кажется, еще не было такого единства в мыслях о личном и государственном, какое встречаешь сегодня у рабочего человека. Недавно я ездил на Харьковский тракторный. Как же эрудированы сегодня рабочие, как много знают они, как заинтересованы судьбами страны, мира! И жжет, и подгоняет чувство долга перед замечательными тружениками... У драматурга ведь особый счет. Он должен на каждое значительное событие откликаться новыми пьесами — актуальными, помогающими людям жить, строить, находить свое счастье и место в рабочем строю.

Недавно принята к постановке в Москве, в Малом театре, моя пьеса «Ураган» — о партийном работнике села, о тех трудных вопросах, что приходится ему решать сегодня. А сейчас пишу другую. В ней пойдет речь о роли рабочего класса в социалистическом обществе

Игнатий ДВОРЕЦКИЙ:

ПИШУ МОНОЛОГ О КОНТЕЙНЕРЕ...

Писатель и пятилетка. Хотя социалистическое хозяйство — плановое, а труд художника зачастую как будто планированию не поддается, советский писатель кровно заинтересован в происходящих сегодня общегосударственных процессах развития промышленности, науки, сельского хозяйства, стремится быть более активным работником пятилетки.

Мы можем по-разному участвовать в этих процессах. Например, впрямую — очерком — пропагандировать передовой опыт. Промышленность наша все больше и больше учится поддерживать смелых, я сказал бы, бесстрашных в поиске людей. О таких пионерах новых начинаний писатели рассказывают много и порой хорошо. Иных художественных жанров требуют разработка, исследование нравственных проблем взаимоотношений людей на производстве. Давно, еще со времен своей пьесы «Трасса», я понял, что строительная площадка, завод — благодатнейшие драматургические плацдармы. Стара, но вечна истина: человек ценен своим делом.

Мне кажется одной из важнейших сегодняшних задач писателя — имея в виду нравственную сторону отношений в труде — исследование проблемы «Коллектив и личность». Мы — общество коллективистов. В этом—наше великое завоевание, огромное преимущество социалистической системы. Но именно потому в спорах о коллизиях нравственных взаимоотношений на производстве надо быть очень осторожными, используя высокое слово «коллектив».

Опираясь на коллектив, его руководители должны в то же время постоянно думать о воспитании самого коллектива. Есть предприятия, где люди плохо информированы о конкретных требованиях, нуждах и перспективах производства. Формальная информация не развязывает инициативу масс, не делает весь коллектив действенным участником происходящих событий.

Драматургия в большом долгу перед современником. Но если бы мне задали вопрос: «А как положение в театре?»—то ответ был бы еще более горький. Даже получая наконец пьесу о современнике, многие театры решают ее при помощи шаблонов 20—30-летней давности.

Отрадно отметить, что МХАТ, наш старейший, прославленный театр, нашел сценарий недавнего производственника Г. Бокарева и создал на его основе отличный спектакль «Сталевары». Создал не только с помощью драматурга, но и помогая ему.

Однако многим театрам просто не хватает, грубо говоря, знания «натуры». Я недавно был на обсуждении генеральной репетиции одного спектакля. Разбор делал главный режиссер. Он сказал, что недавно участвовал в семинаре, организованном городским комитетом партии, что увидел там удивительного человека, микробиолога, который его потряс. Главный режиссер сказал актерам: я понял наконец, про что нужно играть новый спектакль. Я слушал эту речь и думал, как хорошо, что он побывал на семинаре. Но как плохо, что это произошло лишь за несколько часов до премьеры.

Что я сейчас пишу? Пьесу. Как всегда, о людях труда. Встретил замечательных энтузиастов. Эти энтузиасты — снабженцы. Рассказываю друзьям о замысле и нередко в ответ встречаю веселые улыбки. Они все еще представляют себе снабженцев коммивояжерами прошлого века. А снабжение в эпоху научно-технической революции — это индустрия. В снабжении промышленности сегодня заняты крупные инженеры, транспортники, портовики, связисты, опытнейшие диспетчеры и т. д. Обычный склад технических товаров все больше и больше становится похожим на высокомеханизированный цех. Хорошая организация технического снабжения — первейший фактор высокопроизводительной ритмичной работы производства, качества продукции. Без этого не выполнить пятилетки. Верю, что помочь здесь сможет и писатель. И вот пишу монолог о контейнере...

Диас ВАЛЕЕВ:

ФРОНТ

...Ровная и спокойная лежала степь. Не было еще камского гиганта. Но короткие газетные информации уже привели в движение, сорвали с места, настроили на волну Челнов рабочих и инженеров, монтажников и шоферов... Это была не первая моя стройка, не первый завод, который я, инженер-геолог, видел изнутри. В Темиртау и на Запсибе, в Новокузнецке и на строительстве Нижнекамского нефтехимкомбината — всюду, по всей стране, прошла линия трудового фронта. И эта резкая «прифронтовая» обнаженность жизни, когда сразу видно, кто чего стоит, и острота ситуаций, непридуманный драматизм событий — вот что захватывает каждого современного литератора — поэта, прозаика, драматурга. Моя пьеса «Дарю тебе жизнь» начиналась из тех ощущений и мыслей, что возникали при знакомстве с камским автогигантом.

Нет, беглого взгляда недостаточно. Слишком значительны те события, свидетелем которых становится драматург, чтобы обойтись их внешним отображением. А анализ этих событий — анализ через характеры героев — возможен при кропотливом изучении жизни людей.

Я люблю театр, полный страстей, театр, требующий от зрителя соучастия, сострадания к своим героям, сопереживания с ними,— словом, театр настоящей сильной драмы. Да и как иначе! Время-то сейчас какое яркое, отчетливо проявляющее человека до самых глубин его души!

Но, конечно, характер героев и среда неразрывны и в жизни, и в отражающей ее драматургии. Вот на строительстве Камского завода я «нащупал» показавшийся интересным конфликт — борьбу специалистов за внедрение в практику свайных фундаментов, для которых не нужно копать огромных котлованов. Государству это принесет миллионы и миллионы рублей экономии. Но речь идет в пьесе, разумеется, не только о фундаментах. В ней говорится о закладке в сегодняшнем труде основ нашего будущего коммунистического общества, о человеке и главном деле его жизни.

Эта тема не дает мне покоя. Ей я посвятил и другие мои пьесы. И ту, что я только что закончил, она называется пока «Прораб из казанского Заречья». И более ранние—«Сквозь поражение» и «Охота к умножению».

Все мы, драматурги, мечтаем о театре-единомышленнике. Театре, понимающем все то, что ты хотел сказать в пьесе, и озабоченном теми же проблемами. И вот таким единомышленником стал для меня Театр имени Ермоловой, который бережно отнесся к моей пьесе «Дарю тебе жизнь».

МИР В ОБРАЗАХ

Ученые ГДР вместе с вьетнамскими студентами работают над проектом крупного промышленного предприятия для ДРВ.

Несколько сотен тысяч политзаключенных томятся в тюрьмах сайгонского режима.

Американские индейцы продолжают борьбу за свои права.

Лондонский вокзал Ватерлоо: бастуют железнодорожники.

В Западном Берлине произошел крупный пожар, который с трудом удалось потушить.

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ПОДСТРЕКАТЕЛЯМ НЕЙМЕТСЯ

Как уже сообщалось, шестого марта Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял посла Японии в СССР К. Ниидзэки, который передал ему личное послание премьер-министра Японии, президента либерально-демократической партии К. Танака. Этот факт получил широкий отклик у японской общественности как важный шаг на пути дальнейшего улучшения отношений между СССР и Японией. Японская пресса с удовлетворением пишет о «значительном развитии и укреплении дружеских, добрососедских отношений между Японией и Советским Союзом, достигнутых благодаря развитию контактов, расширению экономического сотрудничества, увеличению обмена в области науки, техники, культуры и в других сферах». Отмечается, в частности, что за последнее время заметно продвинулись вперед советско-японские переговоры о сотрудничестве в освоении тюменских нефтяных месторождений.

Однако в эти же дни обнаружилось, что есть силы — и не только в Японии, — которые стремятся помешать советско-японскому сотрудничеству и занимают подстрекательскую, а временами и явно провокационную позицию. Именно с такой позиции выступает Пекин.

Перспектива дальнейшего укрепления отношений между Японией и Советским Союзом вызывает раздражение у китайских деятелей. Несколько дней назад японская газета «Иомиури» опубликовала интервью председателя Общества китайско-японской дружбы Ляо Чэн-чжи, сделанное в преддверии его визита в Японию и представляющее собой очередную попытку вбить клин в советско-японские отношения.

Оставим на совести этого «общественного деятеля» его выпады против Советского Союза, против социалистического строя в нашей стране. Видимо, Ляо Чэн-чжи, в свое время убранный с политической сцены, торопится наверстать упущенное и из кожи лезет вон, дабы доказать свою «лояльность». Примечательно другое — Ляо Чэн-чжи обрушился, или, как отмечала «Иомиури», «резко реагировал» на планы советско-японского экономического сотрудничества, в том числе в деле освоения тюменской нефти. При этом он приводил такие несуразные аргументы, как возможное усиление «советской угрозы» Китаю в случае реализации подобных проектов.

Разглагольствования Ляо Чэн-чжи — не первая попытка такого рода, предпринятая в Пекине. По сообщению японской «Асахи ивнинг ньюс», во время бесед с министром внешней торговли и промышленности Японии Я. Накасонэ, посетившим в январе Китай, Чжоу Энь-лай «недвусмысленно критиковал японские планы» сотрудничества с СССР.

В стремлении воспрепятствовать советско-японскому сотрудничеству Пекин хватается за любые средства. То распускаются слухи о больших запасах нефти на территории Китая, особенно на его континентальном шельфе, и о возможности японо-китайского сотрудничества в ее добыче, то делаются заявления о готовности уже сейчас продавать Японии нефть. Но на поверку все оказывается иначе. Делая вид, будто он забыл о прежних своих намеках, Пекин, по сообщению агентства Киодо Цусин, дает понять, что «Китай не помышляет об участии в совместной с Японией разведке нефтяных месторождений континентального шельфа Китая». В январе этого года китайское руководство предложило продать Японии нефть, но в количестве всего лишь 200 тысяч тонн. Предложение Пекина о продаже столь мизерного количества нефти Японии, которая ежегодно ввозит 200 миллионов тонн, по оценке японской прессы, было задумано как чисто пропагандистский шаг: предлагаемой нефти недостаточно даже для полной загрузки одного современного танкера! В передовой статье «Джапан таймс» от 20 февраля прямо отмечалось, что «предложение Китая выглядит скорее как политический маневр, а не как торговое предложение». Касаясь подоплеки этого обещания, токийский корреспондент французской «Монд» сообщал, что «Китай сильно обеспокоен сибирским проектом... Китай хотел бы, чтобы соглашение не было заключено», и для этого предлагает 200 тысяч тонн нефти, которые «являются как бы залогом, данным Китаем Японии для того, чтобы сразу же «зацепить» Японию и обогнать русских».

Одновременно Пекин не гнушается и прямым нажимом на Японию. Ляо Чэн-чжи заявлял, что осуществление проектов советско-японского экономического сотрудничества вызовет у Китая «горькие чувства» в отношении Японии и вынудит его принять «соответствующие меры». Китайская пропаганда и официальные лица стращают японскую сторону «трудностями как экономического, так и политического порядка», которые, мол, могут возникнуть в связи с укреплением японо-советских отношений.

Заявления и утверждения, подобные сделанному Ляо Чэн-чжи, нельзя расценить иначе, как попытку вмешательства во внутренние дела Японии. Пекин является, пожалуй, единственной столицей в мире, которая открыто заявляет, какое правительство Японии ей «нравится», а какое «не нравится», которая пытается диктовать суверенной стране, с кем и каким образом следует или не следует поддерживать отношения. В последнее время китайское руководство настойчиво декларирует свою приверженность принципам мирного сосуществования, преданного анафеме в годы «культурной революции». Однако его практические шаги показывают, что оно не ушло далеко — и еще вопрос, собирается ли уходить, — от образа действий, который был ему свойствен в те годы. Как бы ни камуфлировал Пекин свою политику, суть ее остается прежней — великодержавной, полной пренебрежения к подлинным нуждам и интересам других стран.

И не удивительно, что попытки Пекина не достигают цели. Его стремление затруднить развитие советско-японского экономического сотрудничества не встречает поддержки в Японии. В конце февраля влиятельная газета «Майнити» организовала собеседование на тему «Энергетический кризис и планы освоения ресурсов Сибири», в котором приняли участие видные представители деловых кругов. Участники собеседования, отметив «заметную нервозность» Пекина в связи с проектами советско-японского экономического сотрудничества, особенно в отношении тюменского проекта, высказались в том смысле, что Японии не следует чрезмерно оглядываться на другие страны при налаживании экономических связей с Советским Союзом.

Развитие событий показывает и, несомненно, еще не раз покажет несостоятельность попыток вызвать у японцев сомнения в отношении миролюбивой политики Советского Союза. Внешняя политика СССР была и остается последовательной политикой добрососедства — без конъюнктурных зигзагов, без стремления строить взаимоотношения в ущерб третьим странам.

Генрих КОЧИН

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

ЭТОТ АГРЕССИВНЫЙ ОЛСОП

За обеды и беседы принято «платить» — ответными* обедами и ответными беседами. Гости и хозяева обычно меняются ролями, только и всего. А на днях нам стал известен случай, когда американский обозреватель, которого минувшей зимой сытно кормили политическими обедами в китайской столице, отблагодарил своих хозяев двумя пространными статьями «Мысли о Китае» в еженедельнике «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — впрочем, он уже и раньше неоднократно, так сказать — авансом, платил им.

Имеется фотография обозревателя, сделанная сопровождавшим его секретарем-американцем. Похоже, он снят на фоне пекинских Ворот небесного спокойствия. Над ним огромный портрет Мао Цзэ-дуна. Реальное солнце светило, правда, в тот день по-зимнему скупо, но обозреватель был в меховой шапке и довольно улыбался сквозь толстые стекла очков.

С возрастом улыбка у него сделалась сардонической: тонкие губы растягиваются в нитку, а взгляд выцветших голубых глаз остается неподвижно-холодным, почти что стальным. Но чему-то он был явно рад. Чему же? Отгадка проста. Да ведь он опять стоял на китайской земле. Спустя сколько же лет? 10?.. 15?.. 20?.. 25?.. Нет, спустя ровно 30 лет после того, как он впервые оказался в Китае (отнюдь не по воле глупого случая, а по собственному желанию и приказу тех, кто его желанию помог осуществиться).

Он — это Джозеф Олсоп.

И тогда он был не просто молодым капитаном ВВС, прикомандированным к штабу генерала Ченнолта для деликатных поручений и миссий. Фанатический приверженец чанкайшистского режима — вот каким сильным эпитетом пользуется его неофициальный биограф Барнард Кольер. Нечего и говорить о том, что китайских коммунистов он рассматривал как своих злейших врагов. А теперь он ступил на китайскую землю как VIP, то есть «очень важная персона», и пекинские хозяева разве что не расстилали перед ним красный ковер. Коллеги по перу за девять месяцев до него приезжали сюда в свите президента. Он приехал один, потому что те — это те, а он — это он, он всегда ездит один (что замечено уже довольно давно). Соответственно его встречали, ублажали и провожали как VIPа.

Ну да, на американском политико - журналистском олимпе Олсоп действительно «важная персона». Но только ли это широко открыло ему двери в Китай?

«Мысли», появившиеся в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», дают на поставленный вопрос вполне определенный ответ. Как и следовало ожидать, двери ему открыла давно уже устоявшаяся репутация сторонника «холодной войны» и политики «с позиции силы». Правда, по его словам, в Пекине сейчас привечают западных корреспондентов «всех политических оттенков». Но о каких оттенках, тонах и полутонах может идти речь в этом случае? Нет, созерцательно-поэтическое восклицание — какие перышки, какой носок! — тут решительно не подходит. Применительно к Олсопу нужно говорить о махровом оперении политического ястреба, который независимо от всех перемен на международной арене, независимо от настроения общественности всех стран, включая США, в открытую подает свой голос против разрядки, за конфликты и напряженность.

Мы снова можем сослаться на Кольера, который однажды дал нечто вроде краткого жизнеописания Джозефа Олсопа. Как известно, многие годы последний требовал «военной победы во Вьетнаме». Так вот, Кольер публично подтверждает: «По вопросу о Вьетнаме Джо неумолимо придерживался ястребиной позиции».

Но точно такой же позиции он придерживался и по многим другим вопросам. Перемежая свои политические выступления в прессе любительскими занятиями археологией, китайской поэзией, искусством и философией (бог ведает, сколь глубоко и основательно), он так писал о Вьетнаме и Лаосе, вообще об Индокитае и Юго-Восточной Азии, что явно чувствовалось: «блеск кровопролитий», пользуясь выражением бессмертного сатирика, больше тешит его взор, нежели зрелище мирной жизни азиатских народов.

К счастью, мировая общественность хорошо знает Джозефа Олсопа. Да он и сам охотно подтверждает сложившееся о нем объективное мнение чуть ли не каждой запятой своих последних статей — до того откровенно направлены они против дальнейшего ослабления международной напряженности, до того пропитаны ядом антисоветизма и антикоммунизма.

Итак, в который уже раз (трудно даже привести точную цифру надиктованных им статей-скорпионов) он повторяет ложь о... «ядерной кастрации Китая», будто бы замышленной «неназванными лицами» в Москве, о «наращивании советских вооруженных сил на северной границе Китая» и т. д. и т. п.

У этих выдумок есть своя сверхзадача. Нужно вспомнить, что еще в разгар «холодной войны», а именно в 1949 году, Джозеф Олсоп вместе с братом Стюартом призывал генералов обзавестись военно-воздушными базами, без которых невозможно «поразить отдаленные жизненные центры на Урале и за Уралом». Назывались даже конкретные районы — Северная Африка, Ближний Восток и Северная Индия. По причине исторических перемен, неподвластных Олсопу, названные районы не являются плацдармами антисоветской агрессии. Так, может, Олсоп отправился в Китай, привлеченный безудержной милитаризацией этой страны?

Джозефу Олсопу присуще крайнее самомнение. Не из одного кокетства, а для придания веса тому, что он изрекает, Олсоп иногда самого себя называет в третьем лице — «Стариной Джо». Каких бы проблем ни касался «Старина Джо», он всегда предельно циничен и безапелляционен. Как-то случилось ему отвечать на вопросы группы студентов Йельского университета. Основа успеха в Америке? «Деньги», — последовал ответ. Наркотики? «Надо легализовать марихуану. Я сам курил опиум в Китае». Когда же он далее стал развивать перед слушателями собственные «мысли» по Вьетнаму, молодые люди вежливо выслушали (все-таки беседа происходила у Олсопа в доме), а потом дали такой короткий и ясный ответ, что находившийся тут же рядом биограф Кольер даже не отважился его позднее воспроизвести.

Джозеф Олсоп хотел бы провоцировать напряженность и конфликты всюду, где только возможно. Но чувствуется, что в числе трудноодолимых препятствий он видит не в последнюю очередь настроения американской общественности. Очевидно, что, публикуя свои статьи, он хотел бы в угодном империалистическим кругам духе повлиять и на то, что он называет «нынешней атмосферой в Америке». Она ему не мила, и он предпринимает отчетливую попытку запугать обитателя американской провинции «односторонним разоружением Америки», заодно не останавливаясь перед тем, чтобы намекнуть на «советскую угрозу» едва ли не всему свету вообще. Справа, дескать, Китай, а потом... страшно подумать и произнести вслух!

То, как американская общественность отнесется к «новым мыслям» Олсопа, несомненно, вдохновленного людьми военно-промышленного комплекса, можно себе представить, зная, как она вообще относится к нему. Пожалуй, больше всего его разлад с общественным мнением дал себя знать, когда появилась известная сатирическая пьеса «Овцы на взлетной дорожке». Даже биограф Кольер не смог обойти молчанием этот факт.

Ну кому из вашингтонских политических обозревателей могло принадлежать, например, такое признание: «Я хочу сесть у окна моей спальни и написать статейку, как отсюда выглядит советско-китайский конфликт»? Можно отгадать или нет? В «знаменитом политическом обозревателе Джозефа Мейфяуэре», которому принадлежит приведенная реплика, все без труда узнали Джозефа Олсопа. Узнал себя и сам Олсоп. Он не только топал ногами, как об этом до сих пор вспоминают, — грозился даже судом.

Автор пьесы Арт Бухвельд, похоже, как в воду глядел. Вот «гостил» Олсоп в Пекине, так, кто знает, может быть, именно там, сидя у окна, он и задумал те самые очередные провокационные статьи, которые появились сейчас в «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

В молодые годы Олсоп бросал вызов репортерской братии, высокомерно козыряя гарвардской эрудицией. Объявлял себя поклонником Джойса и Пруста. Мы из любопытства решили поискать у самого Пруста: авось высказывания писателя, тонкого знатока больной человеческой души, подскажут какое-никакое этому объяснение. И у Пруста нашлась весьма подходящая фраза. Вот она: «Ему, наверное, было бы очень обидно остаться незамеченным». Сказано как будто на сто процентов про Джозефа Олсопа. Не правда ли? Ведь невропатические извивы его политической мысли дают все основания поставить диагноз истерии — с ее классическими припадками «на публику». Но журнал «Тайм» указывает еще и на то, что он по натуре «агрессивен». А это значит — опасен вдвойне.

Глубже анализировать внутренний мир Джозефа Олсопа — не занятие; оставим это биографу Кольеру. Главное ведь известно. Если отбросить внешние побрякушки, манерную игру на публику, приводимые к месту и не к месту цитаты из китайских поэтов-философов XI века, — то что же остается? Подвизающийся в журналистике политик империалистического толка. Проявляемый Джозефом Олсопом «специфический интерес» (его слова!) к советско-китайским отношениям вызывает одобрение пекинских лидеров; его антисоветские выступления отвечают их антисоветской позиции.

Поощрительный приз не заставил себя ждать. Олсоп признает: «То, что я писал насчет наращивания советской военной мощи, и было главной причиной, почему в Китае мне был оказан исключительный прием».

В общем он Пекину — антисоветские инсинуации, Пекин ему — визу на въезд. Ему затем — политические обеды и беседы, он теперь — новые статьи, до отказа набитые дичайшими антисоветскими вымыслами.

По-видимому, степень взаимопонимания Олсопа с пекинскими лидерами и пекинских лидеров с Олсопом приблизилась к высшей точке.

Юрий ЯРЦЕВ

ХА-ХА!

НЕ БУДИТЕ КОНФЛИКТОЛОГА!

Любите ли вы смотреть сны? Нет, это не праздный вопрос. Есть на свете великое множество людей, которым каждую ночь обязательно снится что-то приятное и которые убеждены, что, бодрствуя, они попусту теряют время. Что только в объятиях Морфея, навевающего им стереоскопические золотые грезы, они живут по-настоящему.

А есть, простите за нескладное словообразование, «грезофобы». Того же Морфея они люто ненавидят, полагая, что он вовсе не добрый бог—утешитель усталых, а сам сатана, который, стоит им забыться во сне, стращает их черными кошмарами, заставляет скрежетать зубами, громко браниться и звать на помощь. Не пойте им колыбельную...

Изучая на днях одну публикацию в лондонской прессе, подхваченную и распространенную на весь мир американским агентством ЮПИ и, конечно же, «Голосом Америки», я пришел к выводу: британские «грезофобы» решили начать непримиримую борьбу со сном и со снами, дабы раз и навсегда разбудить Запад! Вооружившись такой программой, они создали еще в 1970 году свой стратегический центр, который именуется «Институтом по изучению конфликта».

И сочинили доклад. Не о своих последних открытиях в области борьбы за бессонницу, но о «стратегии Советского Союза в мирное время».

Какое отношение имеет это к проблеме сна? Самое прямое. «В докладе, — сообщает ЮПИ, — содержится предупреждение насчет того, что Россия убаюкивает Запад и вызывает у него ложное ощущение безопасности с целью систематически подрывать западные страны изнутри... в западные общества открывают особые возможности перед могущественным врагом, который посвятил себя их свержению».

Среди особо коварных усыпляющих средств воздействия России на Запад бдительные конфликтологи распознали: «визит президента Никсона в Москву, договоры, заключенные Западной Германией с Востоком, а также ограничение стратегических вооружений». Но почему же Запад поддается этому наркозу, гипнозу и дурману и позволяет себя убаюкивать? Потому, расшифровывает «Таймс» диагноз конфликтологов-эпидемиологов, что у Запада слишком мало «сил сопротивляться заразе... чтобы совладать с разрядкой напряженности», и потому следует «приложить новые усилия к политическому просвещению, которым опасным образом пренебрегали...».

Заняться санполитпросветом дремлющего в невежестве Запада я с полной ответственностью за свои слова предлагаю поручить именно этому «Институту по изучению конфликта».

Во-первых, потому, что в нем собрались крупные эксперты по теории и практике провоцирования спасительных международных конфликтов. Среди основателей и активных членов «института» фигурируют, например, такие авторитеты в области антисоветизма ледникового периода, как профессор ([illegible]ской фальсификации) Леонард Шапиро, бывший сотрудник американского ФБР Уильям Селливен, бригадный генерал У. Томпсон, подвизающийся на страницах «Дейли телеграф»...

Во-вторых, потому, что в числе покровителей «института» есть сразу два бывших английских министра иностранных дел — Патрик Гордон-Уокер и Селвин Ллойд, бывший государственный министр по делам колоний лорд Колитон, член парламента лейборист К. Мэйхью и даже заместитель управляющего Английским банком Морис Парсонс. Видимо, как раз на этого ученого возложена функция приходовать доброхотные пожертвования «институту» от нефтяных монополий «Шелл» и «Бритиш петролеум», равно как и от некоего «американского центра информации о национальной стратегии». Нужны ли дополнительные рекомендации?

Лондонские конфликтологи точно распознали те недуги Запада (и тут с ними не поспоришь), от которых они его запросто (какие, однако, смелые люди) избавят. «Беспокойство, протесты, трудовые конфликты, имеющие место на Западе в сочетании с отказом от традиционных ценностей делают Западную Европу особенно уязвимой», — констатирует их доклад.

Кроме того, британским первооткрывателям в области конфликтотерапии сонной болезни ясно, как никому, что местные коммунистические партии и фронты являются важными орудиями проведения этой стратегии (убаюкивания Запада.—В. Ц.). Москва часто предоставляет им средства и другую поддержку».

Какая революция в науке! Какой прозорливый взгляд, опередивший время лет на двадцать пять назад!

Стыдно, конечно, красть чужие мысли, да еще гениальные. Но я не удержался и, отрешившись ото сна, стал именно с точки зрения конфликтоведения анализировать некоторые обычные для Запада явления и процессы. Так я выяснил, что миллион двести тысяч домов-трущоб, вызывающих «беспокойство» и «протесты» их обитателей в Англии и Уэльсе, специально для этого и построены «местной коммунистической партией» на средства, предоставленные, естественно, Москвой. Что все та же Москва специально платит бешеные деньги тем англичанам, которые соглашаются жить в нищете, чтобы иметь повод протестовать против нищеты, дабы сделать Англию как можно более уязвимой для сами знаете чего... Еще я понял, что трудовые конфликты, которые то и дело парализуют Англию и ее экономику, не имеют к английским рабочим никакого отношения. Москва организует их, например, так: под покровом ночи к Клайду подходит флотилия из шестнадцати тысяч ста двадцати восьми русских субмарин. Из каждой выходят пятьдесят одетых во все английское белорусов (они, считает Москва, такие же светловолосые, как англичане) и, заняв рабочие места докеров, стоят, сложа руки. А настоящие докеры идут получать рубли в трюмы субмарин и там мертвецки напиваются русской водкой. Следуя приказу Москвы, стачка заканчивается победой как раз к моменту протрезвления докеров. Субмарины уходят к берегам Ольстера, где русские шпионы уже не бастуют, а строят баррикады... Ух!..

Но и это не все. Пользуясь тем же методом, я вычислил, что каждый из тех французов, что на минувших выборах заявили о своем «отказе от традиционных ценностей» и проголосовали за коммунистов и их союзников, прибыл на избирательный участок на русском танке (всего в операции участвовало около одиннадцати миллионов танков). Как танки оказались в Париже? Очень просто: в результате сокращения стратегических вооружений и прикрываясь дымовой завесой разрядки напряженности, которая из Хельсинки распространилась на весь Запад...

Страшно? Небось спать не будете? Так вам и надо. Бодрствуйте. Но тсс... не разбудите конфликтолога, у которого сильный жар и который так громко бредит. Ему сейчас снится, что Марс превратил Морфея в «Посейдона». Почему бог в кавычках? Потому что так называется американская ракета, способная нести сразу — не восхитительно ли? — десять, а то и четырнадцать атомных боеголовок. А заполучить эту божественную ракету страсть как хочется тому Лондону, что никак до сих пор не совладает с разрядкой напряженности.

Виктор ЦОППИ

ТЕЛЕКС

ПОЛИЦЕЙСКИЕ УБИЙЦЫ

Министр полиции ЮАР Мюллер заявил в парламенте, что южноафриканской полицией «при исполнении служебных обязанностей» в 1972 году были застрелены 94 человека, в том числе три подростка. Еще 299 человек были ранены.

Рейтер

ЗАЯВЛЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ВРАЧА

Как сообщает миланская газета «Коррьере д'информационе», израильский врач Штефан Бонданский обвинил врачей гинекологического отделения больницы в Нахарийе (Израиль) в том, что они занимались стерилизацией арабских женщин, делая им кесарево сечение. Бонданский работал в израильской больнице с 15 июня 1969 года по 20 февраля 1970 года. По его наблюдениям, за этот период после родов с применением кесарева сечения были стерилизованы по крайней мере 30 женщин.

ТАСС

ОТКАЗ ДЖ. ЛИНДСЕЯ

Мэр Нью-Йорка Дж. Линдсей объявил, что он не будет добиваться своего переизбрания на этот пост в третий раз.

ЮПИ

ЖЕРТВЫ КАРНАВАЛА

Более 15 тысяч бразильцев попали в больницы Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло в течение первых 36 часов ежегодного карнавала, сообщили радиостанции бразильской столицы. Большинство пациентов пострадали во время драк и в результате дорожных происшествий. Карнавал в Бразилии длится обычно более четырех суток.

Ассошиэйтед Пресс

СЕНСАЦИОННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В Кливлендском университете (США) американскому нейрохирургу Роберту Уайту удалось пересадить голову одной обезьяны на туловище другой. Операция длилась восемь с половиной часов. Голова продолжала жить, слышать, видеть, узнавать окружающих, открывать рот, кусать, однако была не в состоянии управлять своим новым туловищем.

«Штерн» (ФРГ)

ВСТРЕЧИ С ГЕРОЯМИ БУДУЩИХ КНИГ

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

У строителей города Навои

У физиков Узбекистана

У камчатских вулканологов

Фото Н. ЛЬВОВА

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ПОД ЗНАКОМ

МНЕ представляется, что разговор о социалистическом соревновании, начатый «Литературной газетой», важный, нужный и, главное, своевременный. Высказанные на обсуждении пять ключевых слов — [illegible], почин, обязательства, стимулы, итоги, — судя по читательской почте, с которой меня познакомила редакция, достаточно точно и широко обозначают круг проблем.

Писем много. Мастер ленинградского завода, инженер из Калуги, экономист из Витебской области, строитель из украинского города Щорска... Среди читателей, откликнувшихся на приглашение газеты, — люди различных профессий, возраста, у каждого свое видение мира и свой подход к проблеме. Их письма деловиты, хотя нередко и полемичны, несут интересные мысли, предложения и — чего я как литератор не могу не заметить — рисуют характеры, облик самих авторов. В письме всегда есть что-то от автопортрета...

Вот мастер Иван Васильевич Рыбкин с ижорского завода. Судя по всему, он человек с развитым чувством собственного достоинства, много читает, думает. Он и живет среди таких же людей — высококвалифицированных рабочих, «асов» токарного искусства.

«С такими людьми работать и легко, и трудно, — пишет Иван Васильевич. — Легко — потому что они все понимают с полуслова, самостоятельны, находчивы. Трудно — потому что это люди очень наблюдательные, восприимчивые к производственным неурядицам, требовательные, правдивые, искренние, но и легко ранимые».

Я хорошо знаю таких людей, много бывал среди них, наблюдая их жизнь, подолгу я откровенно разговаривал обо всем, что их заботит. Полагаю, что к рабочим этого типа относится и один из героев моего нового романа «В полдень на солнечной стороне» токарь Золотухин. У них непростой и часто нелегкий характер. Они бывают резки и всегда нелицеприятны, они любят посетовать на беспорядки, судят и себя, и других не по словам, а по делам. И еще одно очень важное качество — настоящий рабочий глубоко и органично привязан к своему коллективу.

«У нас не любят трескотни, казенщины, обилия бумаги», — замечает мастер Рыбкин. А всего этого, судя по его рассказу, на заводе немало.

«В положенное время мы берем социалистические обязательства. Садимся за стол и заполняем красиво разрисованную бумагу. Обязательства обычно почти все на одну колодку, да и бланки отпечатаны [illegible] с их стандартными вопросами. Я наблюдал, как за соседним столом сидит маститый специалист и [illegible]. Оба пишут почти одно и то же. Да что там: ведь скорее всего никто и не будет проверять, как выполнили все то, что решили сделать. По крайней мере, мне никогда не приходилось видеть проверку...»

Иван Васильевич размышляет о нравственных издержках такого подхода к соревнованию, говорит, что бумаготворчество кровно задевает, обижает людей, противоречит их представлению о рабочей чести.

Прочитав его письмо, я задумался: а как, собственно, возникают бюрократические порядки в таком живом деле, как соревнование? Что здесь — равнодушие, неумение работать по-другому или просто пренебрежение моральными стимулами труда?

Сама природа социалистического соревнования предполагает стремление человека внести в дело нечто новое и тем самым проявить себя как личность. Можно понять и разделить беспокойство мастера Рыбкина. Это здоровое гражданское чувство. Но вместе с тем: почему бы самому Ивану Васильевичу — руководителю участка — не организовать проверку обязательств? А то получается: все, мол, сверху идет — из цехкома, завкома, что тут сделаешь. Но делать можно, нужно, зачем же ждать?

Но вернемся к читательской почте. Хотел бы обратить внимание на письмо редактора радиовещания Новороссийского порта Рауфа Бурхановича Шафиева, человека в свои тридцать лет потрудившегося на заводе, побывавшего на комсомольской работе, а сейчас занимающегося журналистикой. Его так же, как, в сущности, и мастера Рыбкина, волнует пренебрежение моральными стимулами соревнования.

«Бывает в иных коллективах, что соревнуются не за достижения в труде, не за первенство, а за ту десятку, которую получает победитель, — пишет Шафиев. — Мне кажется, мы не научились еще пользоваться моральным вознаграждением. А ведь оно апеллирует к духовной организации человека, воздействует на его чувства, ум, самолюбие».

Сначала о «десятке». Я слышал, что у психологов есть такое понятие — порог стимулирования, то есть нижний предел, за которым премия перестает поощрять, превращается в ту самую «десятку», от которой иронические кавычки ничего не оставляют. Это вполне совпадает с мнением читателей, они предлагают ограничить минимальный размер премии: десять, лучше одним — ничего, зато другим, тем, кто действительно заслужил, — весомую сумму, заметную в семейном бюджете.

Есть и другая сторона проблемы. Оба стимула — как моральный, так и материальный — тесно между собой связаны и переплетаются. Не только десятка, о которой пишет товарищ Шафиев, но и премия покрупнее может превратиться в привычную прибавку к зарплате, а стало быть, и перестанет быть стимулом, премией в первородном смысле слова, если человек толком не знает, за что же он ее получил.

Помнится, в «Литературной газете» была статья «Доска почета в зеркале социологии» — о том, что ценят рабочие в содержании своего труда. В частности, мне запомнился любопытный факт: самые заслуженные и работящие, по мнению администрации, люди отказывались от более высокой, чем у других, премии: отказывались, предпочитая уравниловку. Почему бы это? Откуда желание не выделяться, остаться в тени, хотя бы и в ущерб материальному интересу? Социологи отвечают: результат ориентации на мнение коллектива. А «мнение» откуда? Вот он, печальный плод формализма в соревновании! Если в течение целого года лучших не отличали от худших, то и премия, полученная в конце года, теряет моральный вес.

Здесь мы сталкиваемся с чем-то даже более тревожным, нежели наблюдение мастера Рыбкина. В его цехе формализм вызывает у людей обиду — чувство хоть и невеселое, но по крайней мере деятельное, пробуждающее у мастера Рыбкина желание написать письмо в газету, а завтра, может быть, и выступать у себя на заводе, поспорить, добиться перемен. А тут просто безразличие и равнодушие — вещи, которые, на мой личный взгляд, должны вызывать и в коллективе, и у руководителей самую большую тревогу.

Я могу себе представить, что руководителю, у которого голова идет кругом от производственных забот — опять подвел поставщик... для третьей смены не хватает людей... ЧП... — могу представить, как нелегко при этом помнить о психологическом климате, о настроениях и самочувствии людей. Велик соблазн — распределить премии всем поровну: разговоров меньше и быстрее, соблазняет обойтись типографскими бланками обязательств, собрав их потом в папку. Но ведь такое отношение к стимулам труда может привести к девальвации нравственных ценностей.

Партия постоянно заботится об улучшении морального климата в нашем обществе, о создании такой атмосферы, которая, как сказал Леонид Ильич Брежнев на XXIV съезде КПСС, «способствовала бы утверждению во всех звеньях общественной жизни, в труде и в быту уважительного и заботливого отношения к человеку, честности, требовательности к себе и к другим, доверия, сочетающегося со строгой ответственностью, духа настоящего товарищества».

Мне вспоминается рассказ секретаря партийной организации одного из московских предприятий. Однажды к нему зашел старый и уважаемый в коллективе рабочий. Он молча выложил на стол почетные грамоты и нагрудные знаки, которые накопились за годы. Секретарь парткома перебирал эти документы и награды, представляя себе, какая нелегкая и прекрасная жизнь стоят за ними. Но в голосе человека слышна была обида: «Зачем они мне? Пылятся в шкафу...» Истоки этой обиды были понятны. После откровенного разговора, перенесенного потом на заседание парткома, на заводе решили провести вечер трудовой славы.

В тот день люди явились в цехи с орденами и медалями, надетыми прямо на рабочие спецовки. А после смены собрались в клубе. Пришли с семьями, с женами, с взрослыми детьми; пришли основатели рабочих династий и молодежь. В фойе поставили именные стенды, где под стеклом лежали по десять—пятнадцать грамот, заслуженных человеком. За право прийти на вечер соревновались, делегатов на него выбирали коллективно, и потому уже само присутствие тут было честью.

Не хочу навязывать — так бы, мол, всюду... Не будем канонизировать. Но на том вечере были теплота, интимность, ощущение человеческой близости, которые возникают у единомышленников, соратников (не побоюсь этого торжественного слова), каждый чувствовал, что его знают, помнят, ценят.

Почему здесь сумели, а у иных не получается?

Беру новое письмо...

«Время от времени у нас бывает переподготовка масте-

Георгий РАДОВ

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ!

Этой истории одиннадцать лет, я же познакомился с ней позапрошлой зимой: пришло письмо из города Тима.

Яблочный этот городок — в Курской области. [illegible] декабрь [illegible] года, когда Тим освобождали от оккупантов. С военным корреспондентом «Правды» Ульяном Жуковиным мы добрались до центра городка в то же утро. Тим был разбомблен, изувечен. А потом, летом, его снова занимали фашисты, и жгли, и рушили... И когда я навещал его после войны, он еще не отстроился как следует. А от железной дороги неблизко — все я к тому, что понимаю жителей: для каждого из них новый дом — праздник, а уж новая районная больница тем более — как ее ждали! Старая мала, а в областную не наездишься...

«Больница строилась десять лет. Десять! — и какая прорва бумаги исписана: решения, приказы, телеграммы... Ничто не действовало: [illegible] попались строители! Наконец забрезжил рассвет: 30 июня 1971 года объявили, что больница вступила в строй.

Когда я увидел в письме дату: 30 июня, последний день полугодия, — тотчас заподозрил неладное. Представил себе: «горел план», и какой-то конторе нужна была во что бы то ни стало отчитаться за больницу, разумеется, готовую...

Все оказалось именно так, кроме одного: больница была недостроена. Еще нужно было несколько месяцев с ней повозиться. Но вместо этого два начальника-строителя предъявили больницу «к сдаче». Председатель комиссии не подписал акта, но начальник ОКСа Курского облисполкома (и ему тоже нужна была «птичка») занес незаконченные строения в государственный отчет ЦСУ...

Я сидел над письмом, прикидывал, как тут помочь беде, к кому обратиться. Но пришла свежая почта, а в ней газета «Сельская жизнь» с письмом, совершенно аналогичным тому, что у меня на столе. Врачи излагали дело во всех подробностях, а корреспондент газеты Алексей Трубников подтверждал и комментировал факты...

Дорогие друзья, прошло еще — сколько же? — почти четырнадцать месяцев, и на днях — абсолютно для меня неожиданная печальная весть из того же Тима! Оказывается, в больнице немало сделано, но она так-таки не доведена «до ума». Родильное отделение не готово. Двери по-прежнему не в порядке. [illegible] не действует. В рентгеновском кабинете [illegible] только еще [illegible]. Есть подозрение, что котел вообще поставили не такой, как нужно...

Я был поражен [illegible] и бесстрашием строительных начальников. Что за [illegible] люди! Их — [illegible]! — ругали за очковтирательство, [illegible] обмане государства. Их — печатно! — уличили в явной халтуре и нарушении государственной дисциплины. Их и до этого обсуждали и осуждали на заседаниях в райисполкоме и районном комитете народного контроля. А после выступления газеты ими занималось Министерство сельского строительства РСФСР и облисполком. Это и их адрес официально записано: «осудить порочную практику», «обязать», «указать», «предупредить». Казалось бы, уж после всего этого они, хотя бы во искупление грехов, должны приняться за работу, что называется, со всей душой, в больнице все доделать всем на удивление. А они халтурят по-прежнему. Как ни в чем не бывало...

Откуда столь „бетонная" выдержка?

Разбираюсь и вижу: а для бесстрашия есть основания! Оказывается, все эти «испепеляющие» слова насчет «порочной практики» и ответственности не имеют никакой реальной сути. На самом деле никто из виновников (кроме одного, снятого «по совокупности») не понес никакого урона. Людей, нарушивших закон (а очковтирательство по закону — уголовное преступление!), не только не отдали под суд, но даже административно не наказали. Словесная гроза — в который раз за одиннадцать лет! — пронеслась над их головами, не коснувшись ни волоска...

Одна важная особенность: объективные экономические затруднения, что порой мешают нам в разных областях жизни, тут были решительно ни при чем. Государство, несмотря на напряженность бюджета, нашло деньги, отпустило материалы, оборудование. Дело же было загублено только одним: разболтанностью в строительной конторе и тресте...

Разболтанность... С тех пор, как напечатал в «Литературной газете» заметки «Человек на службе», все чаще встречаю в читательской почте это неуклюжее слово. Именно из-за нее, разболтанности, как сообщают читатели и подтверждают народные контролеры, — из-за нее у нас чаще всего происходят всякого рода несообразности, неувязки, допускаются промахи в хозяйстве и сфере услуг, транжирятся деньги. И если опаздывают поезда, не по адресу попадают грузы, из магазинов вдруг ни с того, ни с сего исчезают либо горчица, либо галстуки, теряются письма, барахлят телефоны, гниют овощи, сдаются недоделанные постройки и т. д. и т. п., то это, как правило, из-за нее — разболтанности. Во что же, в какую то есть цену, она обходится?

ЦСУ, естественно, такого учета не ведет. Но, например, как я узнал из очерка А. Аграновского, по данным Госстандарта СССР, семьдесят пять процентов — три четверти! — забракованных (нестандартных) изделий промышленности недоброкачественны только по этой причине: разболтанности исполнителей. Помня об этом официальном выводе, я уже по-другому отношусь к некоторым фактам, названным в текущей прессе. Ну, например, к такому: в Москве торговля ежегодно бракует более чем на миллион рублей обуви отечественных фабрик. Значит, прикидываю я, каждые три из четырех забракованных ботинок, сапог и туфель были испорчены ни за что, ни про что! Не технические сложности, а именно разболтанность в разных звеньях кожевенно-обувного конвейера — вот что превратило эту обувь в брак — носить ее нельзя...

Итак, перед нами явление нешуточное. А кто носитель?

«ЗАКОРЕНЕЛЫЕ» И «РАЗОВЫЕ»

Кажется, нет ничего легче — пользуясь и воображением, и фельетонами, и сатирическими сценками с 16-й полосы нашей газеты, олицетворить это явление в определенном типе и наделить его «живыми чертами». Он, «разболтанный» наш согражданин, вот каков. Ленив, беспамятен, и потому непременно что-либо затягивает, задерживает, запутывает, отвечать ни за что не хочет, а еще обманывает и начальство, и партнеров, и клиентов. И хамит. И прочее, и прочее, и прочее...

Есть ему и наименования в словарях. Ну, например, «халтурщик» — то есть тот, «кто делает халтуру», а последняя по тому же толковому словарю обозначена как «небрежная, недобросовестная работа, обычно без знания дела». [illegible] «чиновник» — то есть, как сообщает словарь уже энциклопедический, «человек, относящийся к своей работе формально, с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически...».

Выходит, носители зла настолько известны, что попали в энциклопедические издания. Однако объяснять их живучесть только, как бы сказать, генетически (в семье не без урода!) — верх простодушия. Халтурщик и чиновник здравствуют лишь в подходящей — и питательной, и защитной — среде. Какой?

Без-на-ка-зан-ность! — вот что их и кормит, и поит, и обороняет.

Если бы халтурщик верил, что, допустим, за недобросовестность и очковтирательство на больничной стройке его, как и положено по закону, упекут в тюрьму (беру крайний случай, где проступок подпадает под статью Уголовного кодекса), стал бы он обманным путем добывать «галочку» в отчете? Зачем ему «галочка», если вслед за ней неотвратимо последует решетка? Нет, не стал бы он этого делать, если б верил в дурные последствия!

Но он в них не верил — и имел все основания не верить! — вот в чем вся штука.

Мне скажут: так ты за жестокость? За устрашение? У нас что, нет других мер?

Но, товарищи, мы-то в данном и подобных случаях имеем дело с откровенной халтурой.

Да, мы гуманны, добры и если вдруг где-то кого-то незаслуженно уволили, наказали, ущемили чьи-то права — мы враз встаем на его защиту. Оборонить человека от несправедливости считается первейшим долгом, и у меня, как и у моих коллег, на корреспондентском счету есть в этом смысле удачи.

Но ведь и халтурщик — он же совсем не промах! — не прочь вкусить от этого доброго времени, от гуманизма советского общества, который совсем не про него.

Он напортачил, нашкодил, ввел казну в лишние траты, расстроил нервы сотням людей, но, представьте, не боится ни «грозных» приказов, ни фельетонных стрел, так как рассчитывает именно на доброту и терпимость. И прежде всего — непосредственного начальства. И ведь, как видите, не ошибается!

Ах, как это соблазнительно — слыть гуманным начальником! Об иных «милягах», я слышал, говорят просто на воровском жаргоне:

— А ваш-то шеф — золото! Ни за что не продаст! Всю вину возьмет на контору, а тебя не подставит. Душа!

И появляется категория совершенно неувольнимых халтурщиков и чиновников. То есть как бы они ни портили дело — ни за что не могут вырваться из определенной должностной орбиты. «Души-начальники» берегут их, как малых детей. Вот уже несколько лет в крупном городе вращается один такой неувольнимый «гуманитарий». Последовательно служил в управлении культуры, на киностудии, в редакции. На всех постах проваливался и, по общему мнению, — совершенный бездельник и невежда. Но не далее как минувшим летом я был свидетелем разговора двух умных, добрых работников насчет него. «Слушай, ну куда же его еще устроить?! В редакции-то стонут! Давай-ка подберем ему что-нибудь совсем безответственное рублей на триста, а? Ну, что-нибудь такое, чтоб не мешал» — «На триста? Трудновато на триста, разве на сто семьдесят?» — «Мало ему сто семьдесят. Он, понимаешь, привык...» Я смотрел и не мог понять: ну почему они, хорошие, дельные, умные, так носятся с этим брандахлыстом? Он им и не сват, и не брат, и не собутыльник. Просто жалеют?

Но это я о халтурщиках явных, заметных, что называется, с печатью на лбу. Только в жизни — когда исследуешь случаи разболтанности — чаще встречаешь халтурщиков иной, более сложной модификации. Не постоянных, а «разовых». Причем во многих иных отношениях этот тип даже симпатичен. И дело знает, и способности налицо, и может быть аккуратным и даже инициативным. И халтурит не каждый день, и не с утра до вечера, а «разово»: два поручения исполнит прилично, а то и отлично, третье — так себе, четвертое — ну прямо из рук вон, а на пятом вновь обнаружит и обязательность, и умение...

Но он, как столб, не укрепленный в основании: ни за что не угадаешь, куда, в какую сторону упадет. Вот утром, не опаздывая, с большим портфелем бодро входит в контору и ничем от аккуратных сослуживцев не отличается. Подтянут, свеж, весел. Садится к столу, но дьявол же его ведает, что сейчас сотворит: зло или благо?

Теперь все зависит, увы, не от того, каков он, — «закоренелый» или «разовый», не от того, один ли он такой в конторе или их на беду собралось пятеро или шестеро, — а совсем от другого. Все зависит от объема ценностей, которыми ему (или им) в этот «халтурный» день по должности предстоит так или иначе распорядиться. Что у него (у них) в руках: десять наших общих казенных рублей или миллион?

«ЛИЧНО НЕИЗВЕСТЕН»

Миллион упоминаю не иносказательно, а буквально. Перед глазами два факта, случая, с которыми познакомили в Комитете народного контроля СССР.

Случаи похожи и, к сожалению, не уникальны.

В селе Панфилово Волгоградской области шесть лет возводили сыродельный завод. Вбухали в стройку миллион двести тысяч рублей, завезли импортное оборудование. Из местных жителей подготовили сыроделов.

В поселке Дзякино Удмуртской АССР в это же время сооружали пункт перегрузки торфа с узкой колеи на широкую. Затратили более двухсот тысяч рублей, установили дорогой торфоперегружатель...

Затем обе стройки были... прикрыты. Почему? «За ненадобностью».

Жители Панфилова и Дзякина, не видя в этом ни логики, ни хозяйского расчета («тратили, тратили деньги, и все забросили»), пожаловались в народный контроль...

У меня на столе копии официальных — на бланках — объяснений, присланных людьми, которых по их должностям нужно считать ответственными. А объяснения?

И. о. зам. начальника Главторфа Министерства топливной промышленности РСФСР Б. И. Кушов отвечает спокойно, даже элегически. Да, строили, да, тратили, да, прикрыли «за ненадобностью его» (торфоперегружателя), а «все материалы и оборудование будут смонтированы и использованы на предприятиях торфяной промышленности» (прикиньте: значит, будут ломать, «размонтировать», перевозить, снова где-то строить и монтировать — и вбухают еще десятки тысяч рублей!). Никакой оценки происшествию Б. И. Кушов не дает, виновников не называет, наказать их не обещает...

Ответ заместителя министра мясной и молочной промышленности РСФСР В. И. Демина в Комитете народного контроля расценивают как вопиющий пример равнодушия к судьбе государственного имущества.

Добавлю: и откровенной безответственности.

Документ стоит процитировать. В. И. Демин сообщает (та же элегичность стиля, хотя тут на ветер выбросили не двести тысяч, а более миллиона!):

«Сыродельный завод начат строительством в 1965 году по проекту, разработанному Волгоградским филиалом Гипромолпрома... По состоянию на 1 января 1972 года освоено 1,2 млн. рублей... Проектный институт при решении вопроса о строительстве сырзавода исходил из того, что в сырьевой зоне Калининского административного района... в 1969 году планируется закупить 24,4 тысячи тонн молока, в 1972-м — 35,3 тысячи тонн, что полностью обеспечивало загрузку мощности проектируемого завода... В дальнейшем при укрупнении административных районов Калининский район вошел в состав Ново-Анинского и Михайловского района, а в сырьевой зоне Панфиловского завода — на 1973 год — предполагается закупить 17 тыс. тонн молока вместо намеченных ранее 35 тыс. тонн...

Проектный институт Волгогипромясомолпрома повторными расчетами подтвердил нецелесообразность продолжения строительства указанного сырзавода...»

Знаю предмет, могу засвидетельствовать: В. И. Демин обнаруживает элементарную малограмотность. Как могло укрупнение районов вызвать уменьшение молока в колхозах и совхозах? Коров, что ли, порезали при реорганизации? И что это за «стратегия» [illegible], когда рядом [illegible] стройка [illegible] оборудованием, [illegible] надобности? И что это за «научный» институт, который [illegible], а потом, когда стройка в разгаре, «подтверждает нецелесообразность» собственного проекта?

На эти вопросы В. И. Демин не отвечает. И опять — ни политической оценки вопиющей бесхозяйственности, ни фамилий виновников, ни слова о том, а кто же ответит за бессмысленную трату денег...

Я беседовал и с Б. И. Кушовым, и с В. И. Деминым.

Б. И. Кушов работает в министерстве недавно. О торфоперегружателе говорит, что эта затея родилась «еще при совнархозах» (а деньги на стройку тратились, правда, вплоть до 1971 года!), не такой перегружатель [illegible], а пункт попросту не нужен. Найти «персональных» виновников, считает Б. И. Кушов, «невозможно».

Трудней был разговор с В. И. Деминым. Что случай «невероятный», — это он понимал, что ответ его [illegible] — с этим он согласился. Что [illegible] оборудование [illegible] — подтвердил. А вот по вопросу о личной ответственности наши мнения разошлись.

— Какая личная ответственность?! — удивился Валентин Иванович. — Начиналось еще при совнархозах. Инициатива областных организаций...

— Но деньги расходовали вплоть до прошлого года! Миллион двести тысяч рублей. Кто-то должен ответить?

Валентин Иванович сказал, что лично он не видит конкретных виновников. Но «если редакцию это интересует», может вызвать в Москву проектировщиков и с ними разобраться.

Если редакцию интересует!

А министерство, ухнувшее зазря такую уйму казенных денег, — оно, судя по письму, удовлетворено

ГОДА

Размышляет писатель над письмами о социалистическом соревновании

ров, — пишет мастер одного из московских заводов Николай Васильевич Петров. — Чему нас только не учат! И новым правилам техники безопасности, и работе с новой техникой. Ладно, спасибо. А вот как работать с человеком, как найти к нему подход, воспитать специалиста — об этом речи нет. Собрание — как его лучше провести, чтобы люди не клевали носом, не разгадывали кроссворды, а вместе думали — как коллектив, а не каждый сам по себе».

Сначала это рассуждение показалось мне несколько наивным, простодушным, что ли. Ну как в самом деле научить искусству общения, здесь — интуиция, здравый смысл, житейский опыт... Но читаю дальше.

«Слесарные операции, — продолжает Николай Васильевич, — которые выполняют на нашем участке, требуют не просто определенных навыков, но и природных способностей, искусства обработки металла. К нам часто приходят новички, молодые ребята из армии или со школьной скамейки. Учим их. Прикрепляем опытных наставников. А результаты — разные. Иногда смотришь: парень крепкий и старательный, но не идет у него дело, выше третьего-четвертого разряда никак не тянет. Почему? Я часто думаю над этим. Почему одни за год проходят все ступеньки, а другой, как ни бьемся, все сзади? Думаю, не туда пошел, дверь спутал. Ведь от того, насколько правильно мы угадаем талант человека, от этого зависят и его судьба, и наши дела, производственные показатели».

Не так он прост, Николай Васильевич!

Мне приходилось близко наблюдать работу маститых, что называется, руководителей производства. И не раз я восхищался тем, как глубоко, тонко разбирались они не только в технике, но и в человеческих взаимоотношениях, как точно определяли людей. Сказывались огромная практика руководства и, что там говорить, конечно, талант. Я писал о них, так же как и многие мои коллеги. Однако теперь все яснее, что их личный практический опыт нуждается в исследовании не только литераторов, но прежде всего психологов, социологов, экономистов.

Письмо мастера Петрова — в сущности социальный заказ ученым, сделанный низовым производственным руководителем. Сейчас успешно действует разветвленная система обучения хозяйственных кадров, главных инженеров, директоров предприятий. Им преподают основы социологии и управления, с ними проводят деловые игры. Ну, а разве мастера, бригадира, человека, ближе всего стоящего к рабочему, не нужно учить? Он, как никто, нуждается хотя бы в «ликбезе» по производственной педагогике. А может быть, и по психологии трудового соревнования. Есть ли такая?

Мы создали огромное народное хозяйство, мы научились управлять им, добиваемся все большей эффективности производства, все шире развертываем социалистическое соревнование. Так не пора ли на нынешнем этапе нашего развития задуматься над тем, чтобы науку управления дополнить и наукой соревнования, оперирующей четкими критериями, позволяющей оценивать и углублять творческий опыт, накопленный за многолетнюю историю этого движения?

Развивая народное хозяйство, ускоряя технический прогресс, мы стремимся сократить дистанцию, отделяющую научное открытие от его воплощения в жизнь, в практику. Нечто подобное и в соревновании. Его цель — как можно скорее и шире распространить новаторскую идею, новаторский опыт, донести их до миллионов людей.

Надеюсь, читатель не усмотрит в моей мысли покушения на то, чтобы отделить соревнование и от управления, и от всей суммы производственных условий. Не отделить, а в конечном счете еще теснее связать их — вот что нужно и вот о чем говорит редакционная почта.

Рауф Бурханович Шафиев, на письмо которого я уже ссылался, рассказывает, как при нем руководители предприятия советовались с передовыми бригадирами — не перейти ли тем в отстающие бригады, возродив, так сказать, известное начинание Валентины Гагановой? Почему, казалось бы, нет? Почин в свое время гремел. Но...

«Это не встретило энтузиазма бригадиров, — говорится дальше в письме. — Разговор потек в ином русле. Перейти-то можно, рассудили бригадиры, но только в отстающих коллективах все равно надо подтянуть организацию труда, дисциплину, позаботиться о квалификации людей и т. д. и т. п. Если же сделать все это, наверное, не понадобятся и перестановки бригадиров. Короче, двухчасовой разговор пришел к тому, что остановка не за почином, а за нормальными условиями работы».

Вполне здравый вывод. Связь между организацией производства и соревнованием действительно всегда самая естественная и прямая.

В прошлом году я побывал на Щекинском химическом комбинате. Он расположен на двухсотом километре шоссе Москва—Симферополь, неподалеку от Ясной Поляны, прославился в последние годы экспериментом, получившим название щекинского. Не буду подробно останавливаться на истории этого движения за высокопроизводительный труд. О нем говорилось достаточно. Кстати, с интересной и обстоятельной статьей выступил у нас в журнале «Знамя» директор комбината П. М. Шаров. Отмечу только, что, по моим наблюдениям, условия эксперимента — заинтересованность в напряженном плане, уменьшение численности работников, возросшая хозяйственная самостоятельность — словом, перемены, казалось бы, сугубо экономические вызвали и большой нравственный эффект: людей стало меньше, но у каждого, кто остался, право же, за двоих «заработали» творческая мысль, состязательская страсть, чувство ответственности. Соревнование стало союзником научной организации труда.

На комбинате я беседовал не только с рабочими и руководителями цехов, но и с нормировщиками. Эксперимент далеко вперед продвинул научное нормирование труда. Меня интересовала его связь с взаимоотношениями людей на производстве. А зависимость здесь самая естественная. Знаю это и по досадному опыту других, далеко не таких, как щекинский, благополучных коллективов. Норма, рассчитанная на глазок, а то и взятая «с потолка», создает почву для мастеровщины, конфликтов, раздражает людей или расхолаживает. Там же, где она отражает, говоря языком экономистов, необходимые затраты труда, служит его научным критерием, там и почин есть действительно почин, а рекорд есть рекорд и живут они не на бумаге, а в деле — как следствие инициативы, творчества, личного и коллективного опыта.

Точно так же меня как писателя постоянно интересуют перемены, которые несет на производство автоматизация управления, АСУ, встречающиеся на заводах все чаще и чаще. Директора охотно рассказывают: благодаря «электронным бразлам» легче принимать обоснованные и разумные производственные решения, лучше представляешь себе положение дел в цехах и т. д. Все это прекрасно. Однако меня больше занимает другое. Ну, а рабочий-то, бригадир, мастер, как они себя чувствуют, как это влияет на взаимоотношения людей, на ход соревнования?

В ответ собеседники часто подчеркивали одно важное обстоятельство. Не только мы, люди, но и самая новейшая техника, если так можно выразиться, меняет, перестраивает психологический климат и даже, говорят, характер и стиль отношений. Иначе проходят диспетчерские совещания, отнимают меньше времени, меньше ругани и говорильни. На ЭВМ не обидишься — она дает объективные и самые необходимые сведения о ходе производства, а значит, — меньше конфликтов, взаимной неприязни. Начальнику цеха не нужно распределять работу по участкам, это сделала машина. Мастеру не нужно «исповедоваться» перед начальником цеха, все данные он получил от машины. С ней не поспоришь. Дело есть дело. У руководителей стало больше времени, больше возможностей глубже вникать и в производство, и в мотивы человеческих поступков, заниматься воспитанием. Более организованным становится и соревнование.

Я знаю предприятия, где с помощью электронно-вычислительной техники проводят расчеты ежедневной — ежедневной! — выработки каждого рабочего. Сведения вывешиваются на всеобщее обозрение. Здесь вам и контроль, и учет, и гласность, и сравнимость результатов, и конкретность обязательств.

В условиях происходящей в стране научно-технической революции совершенствуются не только способы управления народным хозяйством, но и методы руководства людьми, коллективами. Мысль о взаимосвязи проблем управления и соревнования выражена в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 год».

Хочу в заключение подчеркнуть: судя по первым, довольно многочисленным, откликам (я сумел прокомментировать лишь небольшую их часть), читатель активно хочет вести разговор, начатый «Литгазетой». Будем надеяться, что обсуждение проблем социалистического соревнования на ее страницах станет интересным и плодотворным.

И. БОНДАРЕНКО

ПО ЗАКОНАМ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

НА ДОНУ есть места красивые. А здесь не встретишь ни умиротворяющих песчаных плесов, ни тени густых дубрав, ни пахучего сосняка. Степь да степь кругом, как поется в песне. Чем же привлекла меня эта земля? Почему именно сюда приезжал я и в знойную пору, когда степь суха и пыльна, и благодатной осенью, когда в колхозных садах полно тугих краснощеких яблок и гнутся упругие лозы под сизыми кистями винограда?

Земли эти прежде считали бросовыми. Лишь табуны полудиких коней наполняли гулкую тишину дробным топотом. Ныне эти суровые земли, открытые всем ветрам, превратились в богатый, плодоносный край. Все здесь сотворено советским человеком, его волей, умом, руками. Вот потому и тянет меня сюда, к людям, по-крестьянски талантливым, по-хорошему беспокойным, трудолюбивым. Не первый раз я пишу о них, об их заботах, об их труде. И нынешней весной третьего, решающего года девятой пятилетки я снова здесь, в «своем» колхозе, что носит имя Ленина и находится в районе, который по праву назван Зерноградским.

Если бы меня спросили, что вы считаете главным, определяющим в этом колхозе, я бы, не задумываясь, ответил: умение считать.

Когда-то Ленин говорил, что социализм начинается с учета реальных возможностей, резервов, что для успешного управления хозяйством необходимо умение практически организовать дело. Это самая трудная задача, потому что речь идет об организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни. В «хозяйстве Зинченко» ленинские слова всегда в действии. Я назвал колхоз «хозяйством Зинченко» не только потому, что он председатель, но и потому, что он действительно хозяин; ему присуще прежде всего умение считать. Это человек, для которого цифра не абстрактное математическое понятие, а конкретное выражение затраченного труда и той отдачи, которую хозяйство получает взамен.

Несколько лет назад в колхозе был организован диспетчерский пункт. Были свои трудности, были неверующие, недовольные — ведь единовременные затраты предстояли немалые. С другой стороны, руководить огромным хозяйством (только пашни в нем более 20 тысяч гектаров), объединяющим 15 населенных пунктов, руководить грамотно, успешно ныне просто невозможно без современной диспетчерской службы.

Зинченко доказал это колхозникам. Недавно мне довелось разговаривать с механизатором.

— Как было раньше? — говорил он. — Подетела, скажем, шестеренка на комбайне, а комбайн в поле. До мастерских километров 20. Комбайнер снимал сломанную шестеренку, тащился до дороги, ловил попутную машину, наконец добирался до мастерских, до склада и, случалось, не заставал нужных людей. Короче, рабочий день уходил, как вода в песок. А сейчас? По радиотелефону он немедленно связывается с мастерскими. Через полчаса или через час ремонтная летучка доставляет необходимую деталь.

Но так бывает не всегда. Экономическая целесообразность, выгодность не всегда лежат вот так на поверхности, не для всех очевидны сразу. Тогда возникают проблемы, которые часто выходят далеко за пределы колхоза. Одна из них стоит сегодня перед многими передовыми хозяйствами страны, где с каждым годом увеличиваются общественные фонды потребления.

В колхозе имени Ленина детский сад и ясли бесплатные. Школьники, живущие в интернате, также полностью на обеспечении колхоза. Учреждены специальные стипендии тем молодым людям, которых колхоз посылает на учебу в вузы. Одно время всем работающим выдавались и бесплатные обеды. Обеды сытные, вкусные. Приезжие журналисты писали: наконец-то женщина-колхозница освобождается от отягощающего труда домашней хозяйки.

— Это верно, — подтверждает Зинченко. — Мы, конечно, думали, как облегчить быт колхозницы. Но прежде всего думали об экономической целесообразности. Человеку надо каждый день обедать. Чтобы приготовить обед, накормить семью, женщина трудится примерно два часа. Если в хозяйстве, к примеру, тысяча женщин, подсчитайте, сколько мы теряем рабочих часов и во что обходятся потери.

Однако такой подход вызывал и сомнения. Ведь не при коммунизме еще живем, засомневались некоторые. Надо ли опережать «график движения»? Пришла ли пора бесплатных обедов? Пусть стоимость будет невелика, но все же...

И вот сегодня обед в колхозе стоит 20 копеек. Цена действительно невелика. Но половина колхозников перестала ходить в столовую. Выгадало ли от этого хозяйство? В колхозе считают, что нет!

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ колхоз имени Ленина должен произвести 42 тысячи 240 тонн зерна, 2381 тонну мяса, 8555 тонн молока. Огромная масса сельскохозяйственной продукции! На конец пятилетки намечены еще более высокие рубежи. Чтобы выйти на них, потребуются новые, не использованные пока резервы. Они есть. Это отмечается и в постановлении ЦК КПСС о работе партийной организации колхоза имени Ленина. Этот важный политический документ изучается и другими хозяйствами Дона, Кубани, Ставрополья, Волгоградской области.

Усилия партийной организации и правления колхоза направлены на выполнение рекомендаций, высказанных в постановлении. Большие надежды связаны с внедрением новых сортов пшеницы, таких, как «ростовчанка», выведенных на зерноградской земле.

Значительно увеличены площади под кукурузу — 1800 гектаров вместо 300. И здесь применяются перспективные сорта — «краснодарская-309», а также болгарский и румынский.

...Сразу обращаешь внимание на то, какую большую роль здесь придают социалистическому соревнованию. Все разнообразнее и эффективнее становятся его формы. У здания правления на флагштоке всегда можно видеть развевающийся «флаг славы», который поднимается в честь лидера соревнования. Нормы морального поощрения колхозников подкрепляются нормами материального стимулирования. Работу механизаторов, например, проверяет специальная комиссия. Здесь принята пятибалльная система оценок. Если работа выполнена на тройку, механизатор не получает дополнительной оплаты. Если случаи недоброкачественной работы повторяются, комиссия ставит вопрос о переведении механизатора в низший разряд.

БОЛЬШИЕ, сложные, ответственные задачи стоят перед почти трехтысячным коллективом колхоза имени Ленина. За пятилетку производительность труда увеличится на 40 процентов. Вместе с сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства и Северо-Кавказского филиала ВНИИМЭСХ специалисты колхоза разработали перспективный план по росту производительности труда.

Интересны в этой связи и некоторые демографические сдвиги. Количество живущих в колхозе стабильно. Но хозяйство за последние годы заметно помолодело. Если 3—4 года назад средний возраст мужчин равнялся 36 годам, то теперь он снизился до 31 года. Соответственно изменяются и пропорции между пенсионерами и работающими. Для многих хозяйств Дона на одного работающего приходится два человека пенсионного возраста. В колхозе имени Ленина — два работающих на одного пенсионера. В этих цифрах отражается прямая связь между научно обоснованной экономикой хозяйства и его трудовыми ресурсами со всеми вытекающими социальными последствиями.

Характерна такая деталь. Прежде чем слушать партийную организацию, от ЦК КПСС в колхозе несколько месяцев работала авторитетная комиссия. Почти с двумя тысячами тружеников были проведены беседы, и подавляющее большинство их показало, что рядовые колхозники хорошо разбираются в жизни всего хозяйства. Многие вносят предложения, направленные на улучшение дел на том или ином участке.

Передо мною лежит отчетный доклад правления за 1972 год. Отпечатанный типографским способом, он был разослан задолго до отчетного собрания каждому колхознику. Последняя страница этого документа чистая, отрывная. Эта страница предназначена для замечаний по докладу и предложений. Целая кипа таких страниц, уже заполненных, поступила к руководству колхоза. Так вся масса колхозников привлекается к управлению хозяйством.

...Уезжал я из колхоза имени Ленина ранним утром. По-весеннему неустойчивая погода испортилась. Во дворе появились лужи. Но воздух был удивительно свеж и пахуч. Мокрым смолистым деревом пахла даже старая повозка около колхозной гостиницы. Перемешивая гусеницами черную жирную землю, прошел трактор. Новое рабочее утро стучалось в окна колхозных домов.

Колхоз имени Ленина
Зерноградского района
Ростовской области

исходом дела?! И если редакцию не «интересует», никто наказан не будет?

По личному опыту и по словам народных контролеров и работников отделов писем газет я давно знаю: труднее всего, разбираясь в фактах бесхозяйственности и волокиты, «выудить» фамилии виноватых (впрочем, еще сложней добиться настоящего, а не мнимого наказания тех, кто в ответе).

Есть еще руководители, которые, «не выдавая своих», стоят, как говорится, насмерть...

Некоторые же под эту — явную! — круговую поруку подводят базу «теоретическую»...

Однажды по просьбе читателя мне пришлось «пускать лифт» в новом четырнадцатиэтажном доме. Со дня полного заселения прошло сорок четыре дня, но лифт в доме не действовал, хотя и был... исправен (аполне!). Просто представители четырех контор (монтажники, эксплуатационники, ЖЭК и гостехнадзор) никак не могли собраться, чтобы засвидетельствовать подписями сдачу-приемку. То один не приходил, то другой. Очевидно, как я понимаю, дни «разовой» халтуры наступали у этих служащих не синхронно. А люди между тем — более трехсот человек! — ежедневно пешком взбирались на седьмой, десятый, двенадцатый и так далее этажи...

Я побеспокоил конторы, говорил с начальниками и главными инженерами. Успеха не имел. Ни малейшего! Лифт не обещали пустить даже в ближайшие недели (а дело происходило в канун праздника). Но, что особенно поразило, собеседники даже не включились в мое эмоциональное состояние. Я им — взволнованно, гневно — про то, что триста или более трехсот человек испытывают крайние неудобства. Что это безобразие! Что случай беспримерный! Возмутительный! Что дело, наконец, опасное, поскольку среди жильцов есть старые, больные люди и возможны инфаркты, инсульты, и прочее, и прочее... А они, собеседники мои, начальники контор и главные инженеры, спокойно, без раздражения, но и без сочувствия и, как бы опуская все, что касается жильцов, их настроения и угрозы инфарктов, и не входя в оценку самого случая («беспримерный, возмутительный» — эти слова были пропущены мимо ушей), они — только о том, что их контора виновата меньше других...

Опуская подробности, скажу: с помощью председателя райисполкома лифт был пущен на другой день. А месяц спустя я снова обзвонил конторы. Осведомился: как же поступили с виновниками?

Но теперь на другом конце провода уже не извинялись, а негодовали. Чего, собственно, привязался? «Лифт пущен? Пущен. Действует? Действует. Ах, полтора месяца люди пешком ходили? Но ведь уже не ходят, а ездят. Ез-дят! Чего же еще надо?»

В тоне начальников я ощутил встревоженность квочки, прикрывшей крыльями расшалившихся цыплят. Только бы не выдать их «чужому»! Никто — как я ни бился — не назвал фамилий виновных.

— Пишите так, — диктовал один. — РСУ виновато. Не понимаете? РСУ! Даю по буквам Родион, Станислав, Ульяна... Ах, не устраивает? А меня устраивает, что наш сотрудник случайно попадет в газету? Почему случайно? Да вы же случайно нарвались на этот лифт, могли и не нарваться. Тут мне один деятель поставил некомплект, я один мучался, ни один корреспондент не наскочил, и он остался в тени, а халтурщик такой, что пробы негде ставить. А моего — под огонь? Не дам! Лифт работает? Желаю успеха!

Этот, видите ли, чтобы навести порядок у себя, ждал некоего «всеобщего усовершенствования». Другой — из ведомства, которое самым нахальным образом подвело двадцать колхозов, — не открывал имен обманщиков, ссылаясь на отсутствие... стимулов!

— Вы требуете наказания! — шумел он в трубку (а я ничего не «требовал», наказание само собой подразумевалось, так как было вполне заслуженным. — Г. Р.). — Но если наказывать, то надо и поощрять! А у нас нет фондов, мы не завод. И ставки одинаковые — чем же я отличу «чистых» от «нечистых»?! А потом выговоры в трудовую книжку не вписываются, им... цена, поняли? И безработицы нет. Я его накажу, обижу, а он помашет мне ручкой и уйдет — с чистенькой книжкой — в другую контору, через улицу. Там тоже иногородние поставки, а он у меня мужик эмоциональный и пьющий. Знаете, что может учудить? Возьмет, да и зашлет груз вместо Петропавловска в Казахстане в Петропавловск-Камчатский. Будет лучше? Ха-ха-ха...

Но тут же оборвал смех и добавил, как бы раскрывая важный секрет:

— Нет, я их все-таки держу в рамках! Чем? А если по их вине случится ЧП, сам расплачиваюсь! Восемь выговоров! Они это ценят и совсем уж не распоясываются... Как вы верно заметили, халтурят не каждый день. Через раз...

Чувствовалось, очень он гордится своей самоотверженностью: «сам расплачиваюсь» — вот, дескать, на что иду, и не боюсь. Восемь выговоров за чужие грехи

СТИМУЛ И САНКЦИЯ

Еще прошлой весной в колхозе имени Фрунзе — под Белгородом — я был удивлен суровейшим, а на непривычный взгляд прямо-таки «драконовским» распорядком.

Вот уже шесть лет ежедневно каждому работнику (а в колхозе тысяча семьсот человек!) от [illegible] годовую премию (дополнительную оплату), за тройку — минус десять процентов заработка и лишение части месячной премии (а это деньги немалые!). За четверку — брак явный, с материальным ущербом — полное лишение заработка за этот день и месячной премии (сумма весьма приличная!)...

Поначалу меня, признаюсь, смутили именно всеобщность порядка и то, что санкции применяются не только к завзятым халтурщикам (их немного), но и к работникам хорошим, заслуженным, имеющим ордена, но допустившим ненароком какую-то промашку. Не унижает ли это достоинства хороших людей? Не оскорбляет ли их чести? Не обижает ли то, что польза, принесенная ими колхозу, намного перевешивает стоимость ущерба от случайного промаха, а за него все равно — неукоснительно! — взыскивают? При мне председатель колхоза Василий Яковлевич Горин «наказал» третьим баллом агронома, которого и ценят, и хвалят. Агроном, «замотавшись», не договорился как следует о сортовых семенах, а послал за ними машины, и вышел холостой пробег. И — третий балл, и минус круглая сумма. Справедливо ли? Так в том-то и соль, что социальная справедливость тут совершенно неоспорима: ты нанес ущерб коллективному хозяйству и, будь добр, расплачивайся, независимо от твоих заслуг...

Около месяца прожил в колхозе и убедился, что при «драконовском» распорядке люди чувствуют себя свободно (не распущенно, а именно свободно), потому что порядок нелицеприятен, распространен на всех, а верность балльных оценок под постоянным и строгим общественным контролем. Кстати, весь Белгородский район второй год работает по этой системе (только считают по-школьному: за хорошую работу не единица, а четверка).

Вижу лицо проницательного читателя: ну вот, мол, опять открыто лекарство «от всех болячек»! Мало их было, «панацей», — теперь «балльная система»! Распространить ее директивно на все конторы и предприятия — и все сделается само собой? Конец и халтурщику, и чинуше? Больницы будут строиться без задержки, лифты включаться мгновенно; бесцельные траты денег прекратятся? Так?

Если бы так!

Сколько уж раз мы, [illegible] с каким-то отрицательным явлением, начинаем заново изобретать велосипед, выдумывать некое «новое» организационное противоядие. А законы у нас и без того хорошие. И если порыться в справочниках, можно найти «статьи» и против безответственности, и бесхозяйственности, и халтуры, и волокиты, не говоря уж о браке и воровстве. Но, конечно, совершенствовать и управление, и порядок личной ответственности полезно. И, вероятно, «балльная система» неплоха, хотя и не универсальна и не обладает автоматическим «самодействием». Как и аккордно-премиальная оплата, и бригадная ответственность за качество, вводимая в земледелии и на стройках.

Речь о другом! Не о панацеях.

И в колхозе имени Фрунзе «балльная система» — всего лишь помощница в той огромной и разветвленной — ежечасной! — работе, которую коммунисты ведут в большом коллективе. Тут и экономические стимулы, и общественный контроль, и гласность, и прочее, и прочее — целый арсенал средств.

Безнаказанность атакуется по всему фронту.

Но и Василий Яковлевич Горин, и секретарь райкома Альберт Семенович Семин, умница, один из интереснейших молодых партработников, с которыми я подружился в последние годы, толкуя обо всем этом, подчеркивают прежде всего глубинность проблемы.

Идет напряженная пятилетка, и каждому трудовому успеху, рекорду, подвигу на строительных лесах мы радуемся еще и потому, что верим в открытую Лениным силу доброго примера. Но часто ли задумываемся над тем, что и безнаказанность, увы, обладает немалой «воспитывающей» функцией?

Несколько лет я чинил и чистил пишущую машинку в одной мастерской. Всегда спешил и, каюсь, платил [illegible] за срочный ремонт «без квитанции». Впрочем, мастера и не делали из этого тайны: договаривались и получали деньги при заведующем и приемщице, [illegible] «калымить». Но вот позапрошлым летом меня встретил паренек, парнишка лет 18, внимательный и опрятный. Как он [illegible] в прейскурантах, чтобы меня не обсчитать! Как трепетно [illegible] цены приемщице! И сделал все, как надо. Прошел еще год, я застал того же парнишку, только повзрослевшего, с бачками и усиками. Меня он не узнал. Машинку взял небрежно и громко, никого не стесняясь, хотя рядом сидели заведующий и приемщица, объявил: «Пятерка — и все дела!»

Боже мой, его уже просветили, выучили, превратили в барыгу! А день был солнечный, яркий, и мастерская была освещена: на стенах висели лозунги о пятилетке, и праздничная стенгазета, и доска показателей, не хватало только таблички «Вас обслуживает коллектив коммунистического...», но и она могла оказаться: мастерская-то, вероятно, выполняла планы.

И тут, может, впервые с такой ясностью возникла мысль: а всякий ли коллектив — коллектив?

И еще: если безнаказанность так скоро превратила честного парнишку в барыгу, то не способна ли она превращать и вполне взрослых аккуратных служащих сперва в «разовых», а потом «закоренелых» халтурщиков, а начинающих волокитчиков в отпетых, изощренных чинуш? И не опаснее ли для нас именно это растление душ, чем даже материальный ущерб от безнаказанности? Раз — простили, второй — оборонили, третий — «не выдали», и вот он, готовенький! Куда его девать?

Но разве мы с ней не воюем, с безнаказанностью? И наш брат, выступающий в газетах? И тысячи, и тысячи народных контролеров — честь и хвала им и всеобщая поддержка, этим прекрасным и самоотверженным людям. И общественные организации, и административные органы...

Но если появляются все новые факты — значит, воюем недостаточно. Да и явление, если иметь в виду его нравственный смысл, не такое, чтобы с ним можно было справиться «одним махом». Борьбу надо усиливать, а о зле говорить полным голосом. И если и XXIV съезд партии, и пленумы ЦК резко, прямо, со всей остротой вскрывают недостатки и в экономике, и в управлении, и во всех звеньях нашего аппарата и требуют повышения ответственности, — это признак не слабости, а силы. И выражение традиций народа, партии.

...Недавно перечитывал работы Ф. Э. Дзержинского, в том числе и последнюю речь, произнесенную за считанные минуты до смерти, на Пленуме Центрального Комитета партии. Феликс Эдмундович говорил: «Я не щажу себя... Я никогда не кривлю своей душой: если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

Не щажу! Со всей силой обрушиваюсь! Заповедь большевика. И завет наследникам.

...Мы немало пишем сегодня о сохранении земель, вод, чистоты воздуха и при этом непременно упоминаем потомков. Оставить им в порядке планету! Но ведь нам, строителям нового общества, надобно еще передать потомкам и чистую нравственную атмосферу. И когда вспоминаю того парнишку, что и с моим участием превратился в барыгу, больно от того, что он станет взрослым, когда меня не будет на свете. А у него появится сын...

Безнаказанность — зло. И заострять разговор о нем менее опасно, чем приуменьшать, затушевывать. Воевать же с ним — обязанность. Перед страной. Перед социализмом. Перед нашими современниками. И перед теми, кто сменит нас...

НА ЛЕСА НОВОСТРОЕК!

В республиканских газетах опубликовано обращение группы видных деятелей литературы и искусства Грузии ко всем работникам культуры республики с призывом включиться во всенародное движение за успешное выполнение планов третьего, решающего года пятилетки. В обращении, под которым в числе других подписались писатели Г. Абашидзе, Н. Думбадзе, Г. Натрошвили, в частности, говорится:

«Сегодня передовые позиции культурного фронта — это строительные площадки ИнгуриГЭС, леса новостроек пятилетки, оснащенные по последнему слову техники заводы и фабрики, привольно раскинувшиеся колхозные поля. И мы во весь голос заявляем: наша творческая интеллигенция всегда стояла на боевом посту и готова принять участие во всенародном походе за выполнение задач решающего года пятилетки».

Бюро ЦК Компартии Грузии поддержало эту инициативу.

(Наш корр.)

ТБИЛИСИ

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

«МАТУЛЯ»

Благополучнее ли семьи многодетные или те, в которых один-два ребенка? Может быть, потому, что сама я была единственным ребенком у родителей, мои симпатии с малолетства отданы семьям многодетным. Даже неизбежные преимущества — прежде всего материальные — казались мне ничтожными по сравнению с той атмосферой взаимной привязанности и дружбы, которая возникает в больших семьях. Может быть, очерк мой дополнит дискуссию, которая велась на страницах газеты.

ПОЗДНЕЙ осенью 1955 года в четырехклассной деревенской школе шли занятия. Вдруг кто-то вызвал учительницу из класса. Она торопливо вышла, а когда возвратилась, лицо ее было горестным. Ребята *поняли*: что-то случилось.

— Дети, — негромко сказала учительница. — Занятия сегодня отменяются...

Притихшие ребятишки послушно расходились по домам. Среди них был восьмилетний Витольд Скарульский. Учительница остановила его, обняла за плечи... Ей предстояло сказать мальчику, что у него умерла мать...

В небольшой белорусской деревне Киселево, где жители знают друг о друге все, понимали, какая беда обрушилась на семью. Жена Франца Скарульского умерла родами, оставив двенадцать детей. Старшей дочери едва минуло шестнадцать, младшую матери не суждено было увидеть.

Председатель колхоза предлагал отдать младших в детский дом, старших — в интернаты. Но Скарульский не соглашался, мечтал сохранить семью. Соседи дивились его упорству, разводили руками: хватит ли у него на это сил? В деревне знали Скарульского как человека работящего, умелого. Прокормить ребят он, конечно, прокормит, но как восполнить им материнское тепло и заботу?

КАТАЖИНА ПАВЛОВСКАЯ слыла на деревне первой танцоркой. Работящая, веселая, она не пропускала ни одной вечеринки.

«Все у ней ладилось, — вспоминают в деревне. — От женихов отбоя не было. А она все медлила, не выходила замуж».

— Почему?

Катажина улыбается:

— Видно, судьбы своей дожидалась.

Павловские и Скарульские дружили издавна. И когда осиротела семья Франца Витольдовича, первыми помощниками стали Павловские, особенно Катажина. Она и печь топила, и обед готовила, и младших к себе забирала, пока отец был на работе, а старшие в школе.

Дети Скарульские любили Катажину. И однажды Франц Витольдович услышал, как маленький Антон, ласкаясь, сказал: «Матуля Катажина»...

Уже год в доме Скарульских не звучало это слово. Оглушенный свалившимся на него горем, Франц Витольдович словно не видел ничего вокруг.

— Не помню, какая в тот год зима была, морозная или мягкая. Все дни казались одинаковыми — серыми, темными. Бывало, ночь наступает, а я радуюсь: еще день ушел...

Слова Антона словно разбудили Франца Скарульского. Впервые он опомнился, огляделся, взглянул на детей, на себя, на Катажину, впервые задумался, почему эта молодая привлекательная женщина все свободное время проводит в его доме, возится с его детьми...

Теперь, закончив дела в колхозе, Франц Витольдович торопился домой не только потому, что его ждали дети, но еще и потому, что хотел застать дома Катажину.

Размышляя о будущем, он ловил себя на том, что во всех его планах всегда присутствует Катажина. Он уже не мог отделить ее от себя, но чем конкретнее становились его мечты, тем резче обрывал он себя: «Какое ты имеешь на это право? Можно ли взвалить на плечи дорогого человека такую тяжесть?» И когда, наконец, он решился поговорить с ней — ох, какой нелегкий был это разговор!..

...Сейчас Катажине сорок четыре года. Пушистые, не тронутые сединой волосы перехвачены узенькой лентой светлые брови чуть подведены. И, глядя на нее, я думаю, что если она и сейчас так привлекательна, то как же хороша была шестнадцать лет назад, когда к ней, двадцативосьмилетней, посватался пятидесятилетний Скарульский.

— Я до сих пор в толк не возьму, как он отважился сделать мне предложение, — улыбаясь, говорит Катажина. — Ведь знал, что незадолго до этого я отказала парню, моему ровеснику. И вдруг — на тебе! Я и ему поначалу сказала: не собираюсь еще выходить замуж.

Он ушел тогда молча. А Катажина всю ночь не сомкнула глаз...

Она вспоминала, как слаженно шла жизнь в семье Скарульских, когда жива была хозяйка. Но ведь то родная мать! Если и обойдется круто, ее никто ни в чем не обвинит, никто не затаит обиды. А как быть той, которая придет в дом теперь? Ребята все такие разные, у каждого свой характер, свои повадки. И она представляла себе то годовалую Марию, то двухлетнюю Терезу, то трехлетнего Антона. Но с младшими легче. А вот как старшим? Кристине уже семнадцать, Людвигу — пятнадцать.

Но чем больше думала она о детях, тем отчетливее понимала, как привязалась к ним за этот год. Отними их сейчас у нее — и в жизни образуется пустота. И все-таки как решиться войти в такую большую и сложную семью?

Вспоминала Катажина и жизнь своей семьи. Нелегкую жизнь. К ним в село Советская власть пришла лишь в 1939 году, а вскоре началась война. Она часто слышала рассказы отца о голодных годах, о тяжком труде на хозяина.

Сразу после войны умерла мать Катажины. И хотя ей тогда было уже восемнадцать лет, она знала, что такое остаться без матери. Ведь только лишившись матери, человек начинает понимать и всю меру своей ответственности, и меру своего одиночества...

УТРОМ, встретив Скарульского, Катажина сказала, что согласна стать его женой. Это было седьмого декабря 1956 года. А восьмого декабря они, никому ничего не говоря, пошли в сельсовет расписываться. Но в деревне тайн не бывает, и не успели они вернуться домой, как уже все Киселево знало о том, что Катажина вышла за Скарульского.

Расписавшись, Катажина не сразу пошла в дом Скарульских: надо было рассказать обо всем родне. Отец молчал, а тетка и сестра бросились к ней с упреками:

— Каким женихам отказала! Сама век свой сгубила!

Катажина отмалчивалась.

За год, минувший со смерти хозяйки, в доме все пришло в расстройство. Дети пообносились, целый год ничего не чинено, не штопано... А через год и свой сынок на свет появился маленький Томаш. Еще через год — дочка Ванда...

Короче, к двенадцати старшим прибавилось четверо младших.

Всего — шестнадцать!

Катажина работала и штукатуром, и маляром, кирпичную печку сама облицевала веселым желтым кафелем. Хотелось сразу завести в доме чистоту и порядок.

— Чистоту-то легче было завести, чем порядок, — говорит она. — Какой порядок, когда они все тут? Дети ведь, им и поиграть нужно, и пошуметь. У каждого друзья-приятели. Бывало, весь дом вверх дном перевернут. Правда, потом сами и прибирали. Вот за этим столом все наши ребята уроки делали. Как усядутся с тетрадками, ну не хата — контора! Учились с охотой, среднее образование все получили...

Катажина Станиславовна достает из шкафа альбомы с семейными фотографиями. Передо мной проходит долгая и сложная жизнь большой и дружной семьи. На первой странице альбома фотография покойной жены Скарульского — ее имя произносится здесь с благоговением.

— Перед началом учебного года мы с отцом шили не разгибаясь, — рассказывает Катажина. — К первому сентября всем нужно новую форму. Ну и что ж, что их у нас много, не должны же они хуже других ходить, — немного с вызовом добавляет она. — Да что говорить, ведь год от года-то легче становилось, подрастали помощники...

Действительно, на страницах альбома уже не мальчики, а юноши в военной форме — фотографии, присланные из армии. А вот и белое подвенечное платье — одно, другое, третье.

— Новая забота, — говорит Катажина. — Как замуж идти — ко мне за советом. А это посложнее, чем обстирать да накормить, на всю жизнь надо совет дать, а потом приглядеть.

Она задумывается, припоминая что-то, потом негромко говорит:

— Сейчас только шестеро дома. Остальные разъехались. Соседи говорят: «Ну, Катажина, теперь тебе легче стало!» А я скучаю... Зимой вроде в доме и делать нечего, так я вот уже девять лет в школе уборщицей работаю. А то ведь семья семьей, а без людей нельзя. Пойдемте, я вам школу нашу покажу...

ШКОЛА небольшая, в ней всего четыре комнаты - класса. Нас встречает учительница Мария Иосифовна.

— Да, — говорит она, — чистота у нас стерильная. Катажина Станиславовна не только моет и убирает школу, [illegible] Два раза в год — и в летние каникулы, и в зимние — красит, белит... А вот цветники, видите? Летом приехали бы, увидели, какая красота! Цветы тоже она завела и ребят заставила клумбы разбить.

— Цветы я очень люблю! — быстро подхватывает Катажина. — У меня и в своем саду цветов видимо-невидимо. А вот и наш младшенький! — с гордостью показывает Катажина на белоголового румяного малыша. — Александр, Олик мы его зовем...

— У Катажины Станиславовны все дети свои, — говорит учительница серьезно. — Когда ребятишки после уроков домой собираются, она обязательно приглядит, чтобы и шарф был хорошо завязан, [illegible]

— А [illegible] — говорит Катажина. — [illegible]

[illegible]

— Приусадебный участок полагается в тридцать соток, — рассказывает он, — а на нашу семью колхоз пятьдесят выделил. Сад фруктовый насадили, ну и огород, конечно. Когда я рос, по известным крестьянским законам земля и дом записывались на отца. Отец был в доме полновластным хозяином. Не угодишь — выгонит из дому: иди в батраки. Как мы боялись его! Без отцова благословения шагу не сделаешь. А теперь дети независимые. Значит, по-другому нужно, страхом с ними ничего не сделаешь. Нынче с детьми дружить нужно. Внешне вроде бы на равных, но чтобы они в то же время считались с твоим мнением, уважали бы тебя. А для этого спокойствие необходимо. Я, знаете, так рассуждаю: прежде чем детям совет дать, припомни, какой ты сам молодой был, постарайся их молодость понять.

В доме стол уже был накрыт. Катажина нарезала большим острым ножом душистый темный хлеб, бережно, как ребенка, прижав к груди круглый каравай.

Олик потянулся через стол за ломтиком колбасы, но отец спокойно остановил его:

— Погоди, мать тебе положит, что надо...

Мальчик насупился.

— Вот скажу всем, что ты мне есть не даешь... — проворчал он.

— [illegible], — так же невозмутимо ответил отец. — Если хочешь, чтобы люди над тобой посмеялись, говори...

И хотя сказано это было добродушно, Олик покраснел до слез:

— Не буду, тата, не буду..

Этот, казалось бы, незначительный эпизод многое объяснил мне. Кто из родителей не знает, как порой трудно сдержать раздражение, вызванное поведением ребенка, как легко впасть в назидательный тон, который, увы, редко приносит желаемые результаты. А вот в семье Скарульских это, видимо, удается.

КОГДА мы уезжали, красный холодный [illegible] солнца [illegible]. Скарульские вышли нас проводить, и [illegible] еще долго видели, как они машут вслед удаляющейся машине. А я думала: как часто мы заслуженно говорим о подвигах трудовых и бранных. Но само слово «подвиг» вызывает у нас представление о чем-то из ряда вон выдающемся, о героизме, проявляющемся в моменты высшего душевного напряжения. И редко задумываемся о том, что отдать лучшую часть своей души, лучшие годы своей жизни другим людям — это тоже подвиг, пусть незаметный, многолетний и будничный.

Мне думается, что решение женщины взять на свои плечи заботу о воспитании двенадцати детей — подвиг. И только в стране, где человек привык ежедневно и ежечасно ощущать поддержку общества, где одним из главных нравственных законов этого общества являются взаимопомощь и внимание к человеку, можно отважиться на такой подвиг.

И еще я думала о своих друзьях и знакомых, которые растят одного или двух детей и жалуются на трудности и сложности. А у Катажины — шестнадцать! И я представляла себе, как буду рассказывать об этом удивительном дне, проведенном в семье Скарульских, и заранее слышала возражения: «Ведь это в деревне, а в деревне с детьми легче...» И память возвращала меня к годам моей юности, а еще одну большую семью, навсегда мне дорогую. Это была семья замечательного советского художника Льва Бруни.

В этом доме было много всего — картин и книг, [illegible]ства и бескорыстия. Но главное — в нем было много детей. И совсем не было мещанства. Здесь никогда не разговаривали о нарядах, не судили и не рядили о московских сплетнях. Ими не интересовались. Зато если узнавали, что где-то беда, приходили на помощь. Здесь с благодарностью встречали радость и мужественно принимали горе. Здесь не боялись никакой работы: чисто вымытый пол или до блеска протертое окно вызывали такое же горячее одобрение, как прозрачные и мечтательные акварели хозяина дома.

Скромность, труд, доброта и щедрость были неписаными законами этой необыкновенной семьи. Материальные заботы целиком лежали на плечах Льва Александровича: своих семеро детей, бабушки, жена. Погиб брат — осталась жена с шестью детьми, и Лев Александрович безропотно взваливает на свои плечи и эту ношу. И никогда ни одной жалобы. Всегда приветлив и ровен в общении, и всегда на все хватает времени: поговорить и пошутить с детьми и с племянниками, встретиться с друзьями, пойти в концерт.

Семья Скарульских и семья Бруни совсем не похожи друг на друга. Но есть общее в самом духе обеих семей: это уважительная любовь друг к другу, бескорыстие, желание воспитать в детях прежде всего любовь к родной земле.

В ушах у меня звучали слова Катажины: «Хорошо, когда все дети дома...» И я вспоминала веселую шутку семьи Бруни: «Чем больше детей, тем легче...» Была в этой шутке большая мудрость жизни: ребята, которые с детства делят друг с другом и с родителями все поровну — и заботы, и праздники, где с них никогда не снимают ответственности за то, что происходит в семье, в стране, в мире, воспитываются сами и воспитывают окружающих.

...Мы уже ехали по широким улицам Минска, а мысль моя снова и снова возвращалась к Катажине.

Да, мы заслуженно награждаем матерей, родивших и воспитавших нескольких детей. Но какой награды, какой благодарности достойна женщина, вырастившая двенадцать детей, рожденных другой матерью, вырастившая так, что они ни разу не почувствовали, что она им не родная?..

Минская область

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВОЯЖ ХУДОЖНИКА ШЛЫКОВА

1.

Он слегка замешкался, и полицейский тотчас же повелительно прикрикнул на него:

— Быстрее! Быстрее! Опаздываете!

Шлыков торопливо сунул свой котелок в огромный чан с горячей водой, потом в другой — с холодной. Брезгливо поморщился: до него в чане полоскали котелки уже десятки людей, вода была нечистая, по кругу медленно вращались крупинки пищи. Потом он пристроился к хвосту огромной очереди. Передний край ее упирался в окошко, в котором мелькал застиранный колпак раздатчика. Доносилось металлическое звяканье половника о котелок.

Шлыков сунул руку в карман. На ощупь почувствовал: книжечка с талонами на питание истончилось, осталось листика два, не больше. Надо добывать новую. А как?

...Металлическое позвякивание от окошка стало доноситься реже — видно, раздатчик устал. Очередь движется медленно-медленно. Сжимая в руке свой котелок, Шлыков — в который уже раз! — оглядывает приземистые бараки, высокую металлическую ограду, которой лагерь обнесен по фасаду, и не менее глухую кирпичную стену, окаймляющую его с боков и сзади. Чем не тюрьма!

Невеселые мысли медленно кружатся в мозгу Шлыкова, как хлебные крошки в поодаль стоящем чане для мытья посуды. Он перебирает в памяти события последних месяцев, и перед ним вновь встает путь, который привел его, московского художника, в Трайскирхен, лагерь для «перемещенных лиц», расположенный в часе езды от столицы Австрии Вены.

2.

22 июля прошлого года П. С. Шлыков, находившийся в Вене в качестве туриста, покинул гостиницу и назад не вернулся. Не трудно себе представить, как переполошились его спутники, тоже художники. До трех ночи не спали, бегали друг к другу, советовались, как разыскать Шлыкова, видимо, попавшего в беду, как помочь товарищу.

Правда, впоследствии, когда поуспокоились да призадумались, кое-что припомнили. За несколько дней до своего исчезновения Шлыков сделался неестественно возбужденным, потерял аппетит. Вместе с товарищами он осматривал дворец Хельбрун, гулял по Венскому лесу, бродил по картинным галереям, возлагал венок жертвам бывшего гитлеровского лагеря Маутхаузен, а мысли его, и это бросалось в глаза, были заняты чем-то другим.

В Зальцбурге, в холле гостиницы «Цум киршен» к Шлыкову подошел неизвестный мужчина с усами. До спутников Шлыкова донеслась произнесенная незнакомцем фраза: «Я поспешил сюда, как только получил вашу телеграмму...» И вот, накануне отъезда из Австрии, сказав товарищу по комнате, что он подождет «внизу, у гостиницы», Шлыков его дожидаться не стал и скрылся в неизвестном направлении.

На запрос советского посольства ответственный сотрудник министерства внутренних дел Австрии сообщил: П. С. Шлыков явился в один из полицейских участков Нижней Австрии и обратился с просьбой о предоставлении ему политического убежища.

3.

Теперь самое время задать вопрос: что привело П. С. Шлыкова к решению оставить родину и семью, порвать все нити, связывающие его с прежней жизнью? Короче говоря, кто он такой — художник П. С. Шлыков?

Неудачником его не назовешь. В Москве у Шлыкова хорошая квартира, отличная мастерская... У него был солидный гарантированный заработок. В заказах недостатка не имел. Уже после отъезда Шлыкова на его имя продолжали приходить денежные переводы «за творческую работу, выполненную по заданию...». Далее следовало название предприятия, прибегшего к услугам московского мастера. В последней характеристике Шлыкова говорится: «Картины художника экспонировались на всех выставках произведений ветеранов войны, репродуцировались в печати, издавались массовым тиражом. Картина «На сухопутном фронте» приобретена музеем г. Севастополя».

Дела у Шлыкова, можно сказать, шли неплохо, но ему этого было мало. Попав в первый раз за границу в качестве туриста, он воспринял только показную, парадную сторону незнакомой ему жизни. И она, эта сторона, произвела на него необычайно сильное впечатление. Вот где он, Шлыков, мог бы как следует развернуться! Внутри у него исподволь уже давно разрасталась злокачественная опухоль тщеславия и честолюбия, уничтожая в нем простые и от века присущие человеку чувства любви к своей родине и своим близким.

В ресторане «Москва» (а Шлыков питался, надо сказать, отдельно от семьи — исключительно в ресторанах, мотивируя это плохим состоянием желудка, который-де не переваривал домашней пищи) Шлыков знакомится с молодой французской парой Франсуазой и Аленом Дюкурье, зазывает их к себе в мастерскую. Он лебезит перед молодыми иностранцами. Цель одна — установить связи: может быть, пригодится в будущем, когда он наконец окажется за границей...

Со слов родственников ему стало известно, что муж его двоюродной сестры [illegible] Мелконян во время войны попал в гитлеровский плен, состоял в националистической организации «Дашнакцутюн» и в настоящее время проживает в Штутгарте (ФРГ). Шлыков раздобыл штутгартский адрес Мелконяна. Предпринял розыски адреса англичанина, ранее купившего три его картины.

Он подал заявление с просьбой включить его в состав туристской группы художников, выезжающей в Австрию. До последней минуты боялся: вдруг с такой тщательностью подготовленный им план сорвется!.. Но не сорвалось. И вот в 8 часов утра 13 июля с Шереметьевского аэродрома самолет уносит художника Шлыкова в иной мир, где должны свершиться втайне взлелеянные им честолюбивые планы и мечты.

4.

На набережной Дунайского канала, пересекающего столицу Австрии, стоит высокое здание — одно из немногих современных сооружений, появившихся в послевоенные годы в старой уютной Вене. Рядом с парадным входом — алюминиевая табличка с надписью «Толстовский фонд». Именно это учреждение отыскал первым делом очутившийся за границей Шлыков.

В «Толстовском фонде» его приветствовали пожилая дама, представившаяся пани Подольской, и еще более пожилой мужчина — пан Рогальский. Профессиональным чутьем уловив, с кем они имеют дело, оба начали безудержно расхваливать прелести жизни на Западе. У Шлыкова разгорелись глаза. Не прошло и пяти минут, как он выложил новой знакомой свое заветное желание — остаться... Пани Подольская, как и следовало ожидать, горячо одобрила это желание и заявила, что «фонд» окажет ему всемерную помощь и поддержку. Была назначена новая встреча — на 22 июля.

Шлыков мог быть доволен, дела складывались неплохо... Несколько насторожило, правда, свидание с Мелконяном, прикатившим по его вызову из Штутгарта в Зальцбург. В памяти Шлыкова, видавшего Мелконяна еще в пору своего детства, тот сохранился как высокий крепкий мужчина. Теперь перед ним стоял сгорбленный старик с лицом, испещренным морщинами. Он заявил Шлыкову, что живет материально неплохо, но очень тоскует по родине, по своей первой семье, спрашивал, может ли он вернуться назад. Сообщение Шлыкова о том, что тот решил остаться на Западе, Мелконян воспринял без всякого воодушевления. Художник намекнул, что, быть может, ему понадобится помощь... На это Мелконян отвечал туманно — там, мол, видно будет.

Шлыков отгоняет от себя неприятные мысли, навеянные разговором с Мелконяном. Возвратившись в Вену, он снова спешит в «Толстовский фонд».

«Я поднялся в знакомое мне помещение. Пани Подольская спросила, как я решил, буду оставаться или нет. Я ответил, что решил остаться. Пани Подольская объяснила мне, что «Толстовский фонд» — это чисто американская организация. И если я хочу, чтобы меня приняли и поддержали, то я должен написать заявление с просьбой разрешить мне приехать в США. Она дала мне для заполнения анкету. Там была графа «Причины отказа от возвращения на родину». Пани Подольская сказала мне, что причины могут быть разные — политические, материальные, религиозные или этнические. Я подумал и все эти причины указал в ответе. После чего пани Подольская [illegible] шиллингов». (Справка: [illegible] шиллингов — 7 рублей 12 копеек).

На другой день пан Рогальский сообщил Шлыкову, что поведет его в магазин и будет покупать ему вещи. Тот робко заикнулся было — мол, у него все необходимое имеется, но Рогальский на это ответил: «В «фонде» такой порядок». После чего Шлыкову были приобретены плащ, брюки, две рубашки, три пары нижнего белья, туфли, несколько пар носков.

Стоп... Давайте остановимся, поразмыслим. То, что кажется неприятным, но объяснимым в поведении иного недоросля, жадно набрасывающегося на яркую заграничную тряпку, выглядит просто диким, когда речь идет о поступках зрелого человека, да к тому же обладающего гипертрофированным чувством собственного достоинства и явно преувеличенным представлением о его предназначении в этом мире. Так где же оно было, это чувство собственного достоинства, когда Шлыков принимал из рук американизированных «панов» унизительные подачки, жалкую плату за отступничество от своей родины? Увы, это чувство молчало... Почему? Да потому, что, совершив чудовищный по своей безнравственности поступок, оставив родину и семью, он потерял всякое представление о каких бы то ни было нравственных, этических нормах. Шлыкова куда-то влекло подхватившим его течением, а куда — он и сам не знал. Пани Подольская умело разжигала его надежды не богатство, славу, свободу. И Шлыков давал себя убаюкать этими сладкими сказками.

5.

Все круто переменилось в тот день, когда истек срок австрийской визы и Шлыков превратился в «невозвращенца». Без обиняков ему было объявлено, что придется расстаться с гостиницей и переехать в иное место. Его усадили в полицейский пикап и отправили в Трайскирхен — лагерь для «перемещенных лиц».[1] Там у него сняли отпечатки пальцев, подвергли его медицинскому осмотру и поместили в «карантин».

Шлыков с недоумением и ужасом оглядывал место, в которое занесла его судьба, а вернее — собственное преступное легкомыслие.

Лагерь Трайскирхен... Мрачные приземистые бараки для «перемещенных». Строгий полицейский режим, вход и выход только по пропускам...

В административном корпусе, помимо служебных кабинетов лагерного начальства, расположены конторы представителей секретных служб [illegible] стран, в том числе и американской. Они действуют под вывесками различных «фондов». «Толстовский фонд» — в их числе.

Вербовочная работа ведется вовсю. Время от времени в лагере вывешиваются списки отъезжающих с указанием той страны, куда они направляются. Но бывают случаи, когда люди покидают лагерь, не будучи включенными в списки. При этом они скрывают от окружающих место своего назначения и маршрут следования...

Однажды Шлыков увидел свою фамилию в списке приглашенных на собеседование в американское консульство. Он радостно вздохнул: «Наконец-то!»

И вот унизительное многочасовое ожидание в передней... У Шлыкова снова снимают отпечатки пальцев. Потом его наконец приглашает к себе американский чиновник. Начинается настоящий допрос. Держится американец за Шлыковым [illegible], разговаривает грубо...

Шлыков покидает консульство в подавленном состоянии. Вновь возвращается в лагерь. На очередную просьбу о денежной помощи пан Рогальский сухо отвечает Шлыкову, что такая помощь «фондом» обычно оказывается лишь в течение одного месяца. Этот месяц истек.

Шлыков берется за кисть и создает портрет начальника полиции лагеря... Рисует по заказу одного жокея его лошадь, для чего едет на ипподром. Пишет и посылает в Мюнхен представительнице «Толстовского фонда» в Европе пани Вере Самсоновой этюды с надписью: «Вам улыбаются подмосковные березы».

От Самсоновой приходит вежливо-равнодушный ответ: «Тронута Вашей открыткой. С приветом». Напрасно Шлыков заглядывает в конверт. Больше в конверте ничего не было.

Шлыков мечется, обивает чужие пороги.

Его рекомендуют хозяину какого-то коврового магазина. Шлыков демонстрирует ему свои работы. «Они ему, правда, не понравились, потому что он мне ответил, что от заказа пока воздержится». Он предлагает свои услуги хозяйке художественного салона. Она согласна поручить ему снять пару копий с картин, но предлагает за это такую мизерную сумму, что Шлыков отказывается.

Он вдруг делает для себя открытие: оказывается, здесь нет никаких условий для свободного творчества. Не назовешь же «творчеством» удовлетворение каприза жокея, пожелавшего запечатлеть в галопе любимую лошадь, или создание портрета лагерного полицейского! Никто не заинтересован в том, чтобы Шлыков плодотворно трудился, выставлял свои произведения, никто не спешит предложить ему мастерскую, гарантированный заработок, прочие блага... Он предоставлен самому себе. Ни он, ни его картины никому не нужны. Горькая истина!

Где-то у него еще теплится надежда: он переберется из Австрии в другую страну, а там все наладится. Шлет письма во Францию старым знакомым супругам Дюкурье, в ФРГ — Мелконяну, в Англию — человеку, когда-то купившему у него в Москве картины, в США — изменнику родины Рябову, ранее уехавшему из лагеря за океан... Но его уже точит червь сомнения. Не ошибся ли он?

Он вспоминает о жене и детях, которым в свое время «позабыл» сообщить о своем отъезде. Теперь он посылает им письмо, в котором, в частности, пишет:

«Безысходность. Безысходность, тоска, тоска, тоска... Я лишен всего в этом «свободном мире». Немного работаю, правда, условия не московские, ничего у меня нет того, что было...»

Приходит письмо из Америки от Рябова. По образованию он юрист. Попав за океан, тщетно искал работу по специальности, потом с трудом пристроился помощником портье в большом доме. Но вскоре этот дом обокрали. Рябова выгнали с работы, он лишился и жилья, и средств к существованию. Новое жилье он себе нашел, а вот работу — нет...

Шлыкову уже расхотелось ехать в Америку.

«На это письмо я Рябову не ответил. К этому времени у меня появились различные колебания, сомнения в правильности всех моих действий».

Все чаще снятся Шлыкову подмосковные березки, как образ его родины, родины, которая щедро дала ему образование, возможность заниматься любимым делом — живописью, открыла широкую дорогу перед его детьми. Для Шлыкова наступило время тяжелых раздумий, переоценки всех ценностей, он начал постепенно прозревать. Он понял: все его былые надежды на райскую жизнь за рубежом оказались химерой, а обещания пани Подольской — блефом. Размышляя над своими собственными мытарствами, вспоминая рассказ Мелконяна, письмо Рябова, он пришел к выводу: человек без родины — это человек без прошлого, настоящего и будущего. Тот, кто изменяет родине, близким, — изменяет самому человеческому в себе... Ему в полной мере вдруг открылись преимущества советского строя, социалистического общежития, от которых он безрассудно отказался.

И тогда он явился с повинной в советское посольство. Его заявление гласило: «Прошу Вашего разрешения возвратиться в СССР, к семье». Просьба Шлыкова была удовлетворена. Вагоном «Вена — Москва» Шлыков отбыл на родину, которую покинул пять месяцев назад и к встрече с которой он так настойчиво теперь стремился.

6.

К этой истории мало что остается добавить. Но [illegible] нужно.

Прежде всего о «Толстовском фонде». Что собой представляет этот «фонд», ни для кого не тайна. Основанный в Нью-Йорке в 1939 году, он с первых же дней своего существования проявил себя как белоэмигрантская организация ярко выраженного антисоветского направления. «Фонд» имеет более двадцати штаб-квартир в Западной Европе и на Среднем Востоке, которые ведут враждебную нашей стране агитацию и вербуют «невозвращенцев». По существу «Толстовский фонд» является филиалом американской разведки. Так что к «фонду» [illegible] «толстовский»!

Много лет назад внучка и правнуки Льва Толстого писали на страницах «Литературной газеты»:

«Кому из нас, советских людей, не оскорбительно читать имя Толстого в связи с грязной историей деятельности «Толстовского фонда», направленной против нашей великой Родины и в поддержку тех, кто еще вчера предательски помогал фашистским захватчикам и сегодня готов служить любому врагу своего Отечества».

Действительно, [illegible]

...Но вернемся к Шлыкову. [illegible] он повинился в совершенном проступке, сказал, что готов понести за свой проступок любое наказание... Советское правосудие — гуманное правосудие. Тщательно определив меру тяжести вины Шлыкова, оно в то же время приняло во внимание чистосердечность его раскаяния и сочло возможным не изолировать его от общества. Он вернулся к своей семье.

Такова история одного заграничного вояжа, поучительная история ошибок и прозрений художника Шлыкова.

В. ГОРБУНОВ

ТАБЛЕТКИ В КАРМАНЕ — БЛАГО ИЛИ ЗЛО?

БЕСЕДЫ С УЧЕНЫМИ

Заведующий кафедрой терапии 1-го Московского медицинского института Герой Социалистического Труда академик АМН СССР Е. ТАРЕЕВ отвечает на вопросы научного обозревателя «ЛГ» писателя В. МИХАЙЛОВА

САМОУВЕРЕННОСТЬ НЕВЕЖЕСТВА

— В кармане современного человека рядом с шариковой ручкой лежат таблетки — от головной боли или «от живота», от бессонницы или от плохого настроения, от кашля или от простуды. Если не в кармане, то в домашней аптечке. И мы принимаем их при каждом подходящем случае. Мы теперь все достаточно просвещенные люди и при несложных заболеваниях сами ставим себе диагноз и сами себя лечим. Если бы не необходимость в больничном листе, мы еще реже обращались бы к врачам. Я читал, что в США ежегодно продается 6500 тонн аспирина, один миллиард таблеток снотворного «ноксирон», сотни тысяч килограммов других лекарств.

У нас фармацевтическая промышленность, по-видимому, тоже вполне успешно справляется со своими задачами, поскольку в аптеках бесперебойно торгуют лекарствами в широком ассортименте. Мне кажется, что сейчас сложилась небывалая ситуация: научно-технический прогресс открыл для каждого человека возможность самому регулировать состояние своего здоровья, состояние своего организма, и миллионы людей широко пользуются такой возможностью. Как вы оцениваете эту новую ситуацию?

— У нас, медиков — врачей и исследователей,— массовые масштабы лекарственного самолечения вызывают глубокую озабоченность и тревогу. Мы рассматриваем это явление как своего рода изнанку научно-технического прогресса, как один из самых опасных аспектов «загрязнения среды». Только недавно человечество осознало, что нельзя бездумно, невежественно вмешиваться в жизнь природы, нельзя безнаказанно портить, загрязнять окружающую среду. За это знание заплачено дорогой ценой. Но ведь человеческий организм — тоже природа, самая тонкая, сложная и ценная ее часть.

Жизнь человека зависит не только от окружающей среды, но прежде всего от внутренней среды его организма, чье равновесие может быть легко и трагически нарушено неумелым вмешательством. Химический лекарственный препарат, попадая в организм, вызывает перестройку работы многих его органов и систем, изменяет его состояние. Вот почему маленькая, безобидная на вид таблетка на самом деле далеко не безобидна: в одних случаях она может быть нашей спасительницей, в других — нашим врагом. Она требует уважения, умелого обращения. Неужели за то, чтобы эта простая истина прочно вошла в общественное сознание, нам придется заплатить высокую цену?

Впрочем, к сожалению, оплата по счетам легкомыслия и невежества уже началась. Возрастает количество случаев смертельных исходов от неосторожного обращения с медикаментами. Одно обследование в США показало, что более четырех процентов больных, поступивших в клиники, попали туда из-за побочных явлений, вызванных приемом лекарств. Четыре процента — это десятки тысяч людей.

Мы с вами сейчас беседуем в клинике, и если зайдем в ближайшие палаты, то и здесь увидим больных, пострадавших от самовольного приема лекарств. Тут лежит инженер, который лечил себя от гриппа антибиотиками. Он не знает, что антибиотики не уничтожают гриппозных вирусов. Это привело его к другой болезни — грибковому сепсису. Студентка принимала все увеличивающиеся дозы снотворного до тех пор, пока не попала в больницу с гепатитом — опасным поражением печени. Пожилая домохозяйка страдает от переломов костей: делала себе инъекции гепарина...

Когда-то в домашних аптечках хранились нашатырный спирт, горчичники, щетки для растирания кожи, капли и микстуры. Теперь, как видите, есть люди, которых не удовлетворяют даже таблетки,— они обращаются к более сильному лечению с помощью шприца. И попадают в больницу.

Поразительная самоуверенность людей, занимающихся самодиагностикой и самолечением, свидетельствует о том, что они не понимают, как сложен человеческий организм, как разнообразны его реакции, как тесно связаны между собой различные физиологические процессы, обусловливающие постоянство его внутренней среды (а от этого постоянства зависят здоровье и сама жизнь человека). Большинству таких людей кажется, что таблетка — это снайперская пуля, без промаха поражающая мишень. На самом деле она больше похожа на осколочный снаряд, бьющий «по площади» и потому способный натворить неожиданные беды.

Еще несколько десятилетий назад побочные действия лекарств не вызывали особого беспокойства. Они выглядели редкими казусами, а не грозной закономерностью. Невиданное расширение ассортимента фармакологических препаратов, массовые масштабы их применения выявили всю серьезность проблемы. Теперь мы имеем дело с широко распространенным новым заболеванием, которое названо «лекарственной болезнью». Это новое заболевание сейчас интенсивно изучается, исследуются его причины, течение, терапия, профилактика, его социально-гигиенические особенности.

ПЕНИЦИЛЛИНОМ — ПО НАСМОРКУ

— «Лекарственная болезнь»? В жизни не встречал более парадоксального, более противоречивого словосочетания! Средство, предназначенное для исцеления, само вызывает недуг? От этого веет предательством. Ведь, по существу, мы очень доверчивы. Мы верим таблетке. Мало того, мы ее любим, поскольку «принцип таблетки» соответствует привычкам и склонностям современного человека: надежно, выгодно, удобно. Многие из нас подсознательно надеются застраховать себя с помощью таблетки от всех болезней и трудностей жизни, обеспечить себе долголетие и постоянное здоровье. И вдруг оказывается, что мы обращаемся с доверчивой просьбой о помощи к замаскированному отравителю. Мне кажется, к этой мысли нелегко будет привыкнуть. Вы уверены, что такая психологическая перестройка действительно возможна?

— Лекарство — не отравитель. При разумном применении — это великое благо. Речь идет лишь о границе между употреблением и злоупотреблением, между реальной ценностью медикаментов и фантастическими, преувеличенными молвой представлениями о них. В этой связи психологическая перестройка общественного сознания необходима и неизбежна. Жизнь заставила нас пересмотреть свое отношение к воздействиям человека на окружающую среду, она же вынуждает нас выработать новое отношение к своему здоровью, к воздействиям на организм человека. На мой взгляд, в первую очередь нуждаются в пересмотре три распространенные концепции.

Первая ложная «теория» кратко и энергично выражена в распространенном на Западе рекламном лозунге «Здоровье — в таблетке!». Со всей определенностью надо заявить: представления о материализованном в лекарственном веществе, так сказать, портативном здоровье — бессмыслица. Думать, что можно сохранить здоровье таким легким и дешевым способом, — заблуждение. Тот, кто при первом легком недомогании — «кольнуло в боку», «не спится», «плохой аппетит», «голова заболела» и т. д. — немедленно хватается за лекарство, тот подвергает свое здоровье большей опасности, чем если бы он вообще не предпринимал никаких шагов. Ведь мы знаем целый ряд болезней, которые проходят без всякого лечения, сами по себе.

Недавно было проведено исследование большой группы людей, которые жалуются на то, что «плохо спят». Оказалось, что они спят в среднем на сорок пять минут меньше, чем те, кто «спит хорошо». А ведь многие из них поспешили принимать снотворное, с которым связана опасность привыкания, а для некоторых — и более серьезные неприятности.

На днях я слышал в аптеке, как молодая женщина требовала без рецепта пенициллиновые капли для ребенка.

«Что с вашим ребенком?» — спросил аптекарь. «Простуда, — говорит. — Насморк. Надо лечить...»

Но пенициллиновые капли не помогают ни от насморка, ни от простуды. Зато они способны вызвать тяжелые осложнения. Почему же мать ставит под угрозу здоровье своего ребенка?

Почему «плохо спящие», прежде чем принимать снотворное, не попробовали побольше гулять перед сном? Потому что современный человек торопится, спешит, ему недосуг тратить время на свое здоровье, он хочет избавиться от досадного недомогания немедленно, сию минуту, без усилий, он стремится «получить здоровье» с помощью удобного «сервиса», как он привык в наше время получать все.

Нам следует решительно отказаться от подобного отношения к здоровью. Для его сохранения мы должны вместо лекарств чаще прибегать к таким физиологическим регуляторам сна, аппетита, эмоций и других функций организма, как спорт, режим работы и отдыха, разумная диета, речные прогулки, водные процедуры и многие другие испытанные средства нормализации нашего состояния.

А лекарства должны быть оставлены на крайние случаи, когда без них действительно нельзя обойтись. И решать это должен только квалифицированный врач.

Вторая система представлений, с которой приходится полемизировать, основана на психологии «права на здоровье» или даже «обязанности быть здоровым». Это сложный вопрос, но давайте рассмотрим его трезво. «Право на здоровье» — это вполне оправданное и важное требование, если речь идет о социальном аспекте проблемы. Наше общество, советское здравоохранение делают все от них зависящее для полного удовлетворения этого требования и достигли на этом пути выдающихся успехов, по достоинству оцененных во всем мире. Но ведь, кроме социального аспекта, у этой проблемы есть и биологический аспект. И тут наши возможности ограничены.

Здоровье — это дар природы, который дается нам не навечно. В организме возникают «поломки», которые далеко не всегда можно исправить. Стоит ли предъявлять свое право на абсолютное здоровье человеку, у которого, к несчастью, произошли необратимые изменения в организме?

У меня сегодня на приеме был больной с удаленным желчным пузырем. Этот орган выполняет в организме определенную функцию, и его отсутствие, естественно, вызывает целый ряд неудобств, неприятных и болезненных ощущений. Вместе с тем жизни человека, его здоровью в целом ничто не угрожает. Я пытался объяснить ему, что некоторыми изменениями в диете и физиотерапевтическими средствами можно облегчить неприятные явления, но полностью устранить их невозможно. Как это ни грустно, но ничего не поделаешь, надо терпеть! Он ни за что не хотел с этим согласиться. Он привык думать, что ему при всех условиях обязаны восстановить здоровье так, как будто никакой операции и не было. Он требовал лекарств...

Многие врачи, боясь обвинений в негуманности, уступают и выписывают ненужные в аналогичных случаях таблетки. Они стараются только, чтобы вреда было поменьше. Я отказал больному в медикаментах. Он был недоволен. И у меня нет уверенности, что он не займется самолечением, поскольку убежден, что должен быть совершенно здоров, несмотря ни на что, во что бы то ни стало. И нет гарантии, что неправильная, ложная установка не приведет его к новым неприятностям, связанным с «лекарственной болезнью».

И, наконец, третье. Пора нам навсегда покончить с самоуверенным всезнайством. Я думаю, что оно возникло прежде всего под влиянием неправильной, но мощной пропаганды медицинских знаний. В современных условиях жизни, при высоком уровне образования и культуры широчайших масс населения вполне естествен интерес миллионов людей к этим знаниям. Такой интерес должен быть удовлетворен, поскольку правильное представление о принципах и закономерностях функционирования человеческого организма, об основах анатомии, физиологии, психологии и патологии действительно необходимо для каждого. Я даже считаю, что было бы чрезвычайно полезно ввести в средней школе систематическое обучение этим предметам. Сегодня же массовые средства информации сообщают людям, не имеющим достаточной подготовки, отрывочные сведения о достижениях медицины и биологии, о болезнях и лекарствах, о «чудесах» науки и ее безграничных возможностях.

Поверхностная информация создает примитивное, упрощенное представление о человеческом организме — этой удивительной машине, в которой все взаимосвязано, взаимозависимо. Вместо того чтобы вызывать в читателе священный трепет перед сложнейшим творением природы, медицинская пропаганда невольно создает впечатление грубой простоты, которую нетрудно понять любому профану, в том числе и простоты в отношениях «болезнь — лекарство». От такой-то болезни помогает такое-то лекарство — и все в порядке. Эта кажущаяся простота внушает самоуверенность, при которой появляются снисходительное недоверие к врачу и безоглядное доверие к таблетке.

Я так много говорю о психологии, потому что мне кажется, что именно здесь коренится суть проблемы.

ЛЕКАРСТВО И ВРАЧ

— Но разве не сами врачи породили у больных «безоглядную» веру в лекарства? Разве не они щедрой рукой выписывают чуть ли не каждому пациенту пачку рецептов? И разве таблетка, полученная из рук врача, утрачивает потенциальную опасность?

Я осмеливаюсь задать эти вопросы потому, что сегодня, насколько можно судить неспециалисту, сами врачи все чаще задают себе их. Например, недавно в английской газете «Обсервер» были напечатаны отрывки из книги известного клинициста Э. Маллисона под названием «Должен ли наш врач быть бесполезным?». В числе прочего автор говорит: «Большинство стандартных методов лечения незначительных заболеваний не только вносит путаницу в принципы научной медицины, но и противоречит здравому смыслу. Терапевтическая атака направлена не против причины заболевания, а против симптомов, которые часто представляют собой защитный механизм организма против агента, вызвавшего болезнь. Выздоровление наступает не в результате лечения, а несмотря на него...

Миллионы лет наш организм совершенствовал защитный механизм против микробов и химических веществ. Этот механизм поразительно эффективен, ибо нам удалось выжить при самых страшных нападениях болезней.

Опасному накоплению слизи в дыхательных путях противостоит защитный кашель. Но что происходит, когда мы обращаемся к врачу? Он лечит кашель лекарствами... против кашля. Повышение температуры, очевидно, увеличивает защитные возможности организма в борьбе с микробами. Но для лечения простуды врачи сплошь и рядом прописывают жаропонижающее. Аспирин приносит облегчение и снижает температуру. Неизвестно, однако, не отдаляет ли это наше выздоровление».

Так говорит врач. Не означают ли эти слова, что необходима перестройка не только психологии больных, но и врачебной психологии?

— Хотя еще не все практические врачи полностью понимают значимость и серьезность проблемы в целом, перестройка врачебного мышления в отношении лекарственной терапии идет в последнее время очень быстро и эффективно. Чрезмерное увлечение медикаментами уступает место более рациональной, более строгой и продуманной врачебной стратегии.

Увлечение назначением лекарств, которое одно время наблюдалось, понятно и естественно: ведь новые лекарства — антибиотики, сульфамиды, гормональные препараты и другие средства — спасли миллионы, десятки миллионов людей от неизбежной гибели. Это была революция в медицине, и она не могла не произвести огромного, ошеломляющего впечатления на врачей. Стремясь быстрее и лучше помочь своим пациентам, они начали все более широко и интенсивно применять новые «чудодейственные» средства. При этом, к сожалению, нередко это делалось неразумно. Еще недавно почти 80 процентов больных, поступавших в участковые и районные больницы с повышенной температурой, немедленно, еще до установления диагноза, получали антибиотики. В то же время специальное обследование показало, что из 23 больных, получавших пенициллин, только пять действительно нуждались в нем.

Такое отношение к лекарственной терапии сегодня выглядит нетерпимым анахронизмом. И наоборот: крайняя осторожность при назначении лекарств, которой придерживались старые врачи и которая недавно казалась многим устаревшей, теперь снова привлекает всеобщее внимание. Мы все чаще вспоминаем о том, что, например, в клинике замечательного русского терапевта Г. Захарьина отношение к лекарствам было таким осторожным, что назначение больному хинина в дозах, превышающих 4 грана, могло осуществляться только после специального обсуждения. Мы все отчетливее ощущаем мудрый смысл основной заповеди нашей профессии: «Не повреди!».

Возможность возникновения «лекарственной болезни» с неизбежностью заставляет всех без исключения врачей повысить бдительность при назначении медикаментов, обеспечить более тщательное и всестороннее исследование больного на всех этапах его болезни.

ПРИЗРАК ТАЛИДОМИДА

— Что же такое «лекарственная болезнь»? Отравление медикаментами? Но тогда почему вообще выпускаются в свет ядовитые, токсичные препараты? Несколько лет назад весь мир был потрясен трагедией, возникшей по вине западногерманской фармацевтической фирмы, выпускавшей таблетки под названием «талидомид»: у беременных женщин, принимавших это снотворное, родились дети-уроды. Есть ли теперь гарантии, что подобные трагедии не повторятся? Существует ли достаточный контроль за выпуском новых лекарств?

— Будем надеяться, что такие ужасные случаи, как случай с талидомидом, заставили фармацевтические фирмы более тщательно проверять выпускаемую продукцию, однако в условиях капиталистического производства стопроцентной гарантии быть не может. Конечно, в каждой стране есть государственные инспекции, контролирующие качество лекарств, однако уследить за частными фирмами нелегко, поскольку основной стимул их деятельности — коммерческие интересы, которые порождают безудержную, беззастенчивую рекламу лекарств, стимулируют их ускоренный выпуск, заставляют фирмы безостановочно искать привлекательные формы продажи своих изделий. В результате иногда в лекарствах оказываются токсические примеси, вызывающие отравления.

В Англии каждый год около 2000 детей отравляется аспирином: это лекарство выпускается в такой облатке, что дети едят его, как конфеты, получая таким образом токсические дозы. На некоторых заводах Западной Европы рабочим бесплатно раздавали фенацетин, пирамидон и другие таблетки, для того чтобы улучшить их самочувствие во время работы и этим поднять производительность труда. Регулярный прием лекарств привел к массовому заболеванию почек, крови, печени у рабочих, и администрации в конце концов пришлось отказаться от этой изощренной формы эксплуатации.

Понятно, что подобные явления невозможны в социалистическом обществе, где здравоохранение и медицинская промышленность имеют только одну цель — здоровье человека. Поэтому в практике советского врача почти нет случаев лекарственных отравлений, если, разумеется, не считать случаев самолечения, когда многократно превышается допустимая доза или принимаются лекарства, срок годности которых истек, чьи продукты разложения могут оказать токсическое действие.

Если бы проблема «лекарственной болезни» сводилась только к отравлениям — в нашей стране вообще не было бы такой проблемы. К сожалению, дело обстоит гораздо сложнее.

Я уже говорил, что большинство современных лекарств — сложные химические соединения и, кроме основного, узконаправленного, действия, они могут вызвать неожиданные и нежелательные эффекты. Такая возможность заложена в самой природе этих лекарств, и мы обязаны считаться с этим фактом. Мы должны помнить, что не существует абстрактного лекарства и абстрактной болезни: мы имеем дело с системой «лекарство — организм», и общий эффект лечения зависит от обеих частей этой системы.

Одно и то же лекарство при той же дозе, при том же способе введения одного человека может привести к исцелению, а у другого, страдающего той же болезнью, вызвать тяжелые осложнения. Это часто зависит от возраста больного, от его состояния в данный момент, от способности организма того или иного человека быстро нейтрализовать действие лекарства, от врожденной непереносимости тех или иных веществ и, наконец, от особенностей иммунной системы данного индивидуума.

По существу, лекарственная болезнь — это аллергическая реакция на лекарство, которую очень трудно предсказать и предупредить.

Известно, что появление в организме чужеродного белка вызывает выработку специфических антител, которые, соединяясь с нежелательным пришельцем, нейтрализуют его активность и выводят из организма. На этом механизме основано явление иммунитета к вредоносным бактериям, им же обусловливается общеизвестная «реакция отторжения», возникающая при пересадке органов.

Однако не только белки, но и более простые химические соединения, которые входят в группу аллергенов, при проникновении в организм способны включить физиологические механизмы защиты.

Коварство этой защитной реакции состоит в том, что при первом столкновении с «чужаком» организм ни в чем не проявляет возмущения, он только тихо и незаметно создает «армию охраны» и держит ее в боевой готовности. На этой стадии аллергию распознать очень трудно, если не невозможно. Это стадия повышенной чувствительности к аллергену, как мы говорим, стадия сенсибилизации. Зато если теперь аллерген вторично вступит на территорию организма — развернутся явные и драматические события. Незваный гость будет немедленно схвачен антителами, связан, обезврежен, а поскольку эти события будут происходить на поверхности клеток, то и клетки примут в них участие, отвечая на вторжение аллергена выделением сильных биологически активных веществ.

Только теперь станет заметной и очевидной аллергическая реакция организма, которую мы, врачи, назовем болезнью. Она может предстать в сравнительно легких формах крапивницы или лихорадки, но может принять также тяжелую, угрожающую жизни форму анафилактического шока.

Аллергенами являются очень многие вещества, и, что особенно усложняет ситуацию, с некоторыми из них человек находится в постоянном контакте. Это домашняя пыль, пыльца растений, пища — яйца, молоко, фрукты...

Почему же все эти вещества, сопутствующие человеку на протяжении всей его истории, в последнее время начали более активно проявлять свои болезнетворные возможности? Почему в последнее время стремительно растет число аллергических заболеваний? Мировая статистика утверждает, что теперь аллергическими болезнями уже страдает более 40 процентов населения земного шара. В чем же причина?

Большинство специалистов приходят к выводу, что причиной является массовая сенсибилизация людей, связанная с широким распространением бытовой и производственной химии, косметики, химиотерапевтических препаратов и сывороток. В результате организм многих людей уже как бы подготовлен к аллергии. Достаточно еще одного небольшого толчка, и возникнет болезнь.

По-видимому, аллергические антитела, если уж они появились, то вступают в схватку с самыми различными аллергенами. Вот почему массовая сенсибилизация представляет такую большую опасность. Вот почему все чаще мы наблюдаем возникновение тяжелых аллергических реакций при применении даже таких наших старых испытанных друзей, как аспирин, йод, пирамидон.

Фото В. КРОХИНА

ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

— Если дело обстоит так серьезно, что здоровью человека начинают угрожать такие необходимые, надежные, милые вещи, как еда, родной дом, луга и поля, то непонятно, почему врачи ограничиваются обсуждением этой проблемы в собственном кругу, а не заявляют громко об опасности, грозящей каждому человеку? Может быть, вы считаете ненужным или даже вредным информировать общественное мнение о возникшей ситуации в медицине? Или полагаете, что «лекарственная болезнь» — неизбежная плата за прогресс, который требует жертв вроде тех, на которые идет общество, увеличивая количество автомобилей? Но нужен ли такой прогресс, при котором исцеление от одной болезни ведет к возникновению другой? Может быть, следует вообще отказаться от употребления современных лекарств и вернуться к старым, менее эффективным, но зато более простым и верным средствам лечения?

— Отвечу откровенно на ваши запальчивые вопросы. Почему мы, врачи, не спешим информировать общество о «лекарственной опасности»? С одной стороны, мы хорошо понимаем полезность и необходимость такой информации. Но с другой — мы опасаемся такой вот негативной, эмоциональной реакции наших пациентов, какая прозвучала в ваших словах. Это очень серьезные опасения. Было бы трагично, если бы люди с той же безоглядной страстью, с которой еще недавно злоупотребляли лекарствами, начали отказываться от их употребления. «Лекарственный негативизм» привел бы к еще более тяжелым последствиям, чем «лекарственная болезнь»: под угрозой оказались бы здоровье и сама жизнь десятков тысяч людей. Лекарства необходимы. Ведь главное — не в их побочном действии, а в основном лечебном эффекте, которого невозможно добиться без них.

Ни на минуту нельзя забывать, что современные лекарства — величайшее благо, одно из самых ценных завоеваний цивилизации. Благодаря своим грандиозным успехам медицина и фармакология спасают ежедневно тысячи человеческих жизней, побеждают неизлечимые недавно болезни, на десятилетия удлиняют время человеческого существования. Современные методы лечения и профилактики позволили нам ликвидировать многие тяжелейшие эпидемии инфекционных болезней, ускорить выздоровление при многих страданиях, предупреждать возникновение осложнений и трагических исходов. За последние 30 лет смертность от туберкулеза уменьшилась в 15 раз, почти нет трагических исходов при скарлатине, энергичное лечение ревматизма позволяет в ряде случаев предупреждать появление пороков сердца. Вообще под влиянием лекарств настолько изменилось течение большинства болезней, что надо писать новые учебники по современной клинической медицине.

Некоторые специалисты называют «лекарственную болезнь» «болезнью прогресса медицины». Думаю, что это неверно. Это скорее болезнь неуправляемого, непланируемого прогресса. Нам следует извлечь из этого урок и всерьез заняться прогнозом развития медицинских знаний. Только при этом условии мы сможем избежать в будущем серьезных ошибок.

Что же касается исправления того положения, которое стихийно сложилось в связи с широким распространением новых лекарств, то здесь у нас имеются очень большие и реальные возможности, которые следует быстро и полно использовать. Разработана научно обоснованная программа мероприятий, которая позволит нам добиться успеха. Я не могу пересказать ее — она слишком обширна, но некоторые ее аспекты постараюсь изложить.

Все шире разворачиваются комплексные, «мультидисциплинарные» исследования действия лекарств на человеческий организм — физиологические, биохимические, психологические и т. д. Лечение «лекарственной болезни» открыло новую главу клинической фармакологии, которая характеризуется не только гораздо более тщательной проверкой химиотерапевтических препаратов, но и разработкой совершенно нового направления — «индивидуальной фармакологии».

Уже проходят испытание так называемые «индексы метаболизма лекарств» у разных людей, что позволит подбирать для каждого человека «индивидуальное лекарство». Для людей, предрасположенных к аллергическим реакциям, а также обладающих другими видами непереносимости тех или иных лечебных средств, предусматривается делать соответствующую отметку в их лечебных документах, а может быть, и в паспорте или даже наносить татуировку на коже, что позволит любому врачу избежать ошибок при самых разных условиях помощи больному.

В медицинских вузах предусмотрены лекции по «лекарственной болезни». Это, несомненно, будет способствовать формированию правильного отношения к лекарствам, которое сводится к тщательному выбору для каждого пациента индивидуальной системы воздействий — минимальных по дозе и максимальных по лечебному эффекту.

Появление «лекарственной болезни» не должно вызывать у нас паники, не должно породить малодушного стремления убежать от прогресса в прошлое (не будем забывать, что в этом прошлом продолжительность жизни человека составляла тридцать — сорок лет). Это было бы катастрофой для человечества.

Мы должны трезво оценить новую, выявившуюся в процессе развития медицины реальность и принять действенные меры к устранению неблагоприятных последствий прогресса. Таков единственный перспективный путь развития медицины.

МИР ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ

ВЬЕТНАМ: ПЕРЕД ТЕМ, КАК НЕБО СТАЛО ЧИСТЫМ

СТОПРОЦЕНТНЫЙ АМЕРИКАНЕЦ В ХАНОЕ

Генрих БОРОВИК, специальный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

В последней — самой долгой, самой трудной — войне в истории Соединенных Штатов в американских войсках не оказалось героев. Убитые были, раненые были, была жестокость, была трусость — как во каждой войне.

Но героев не было.

Так пишут сами американцы.

Надеялись, что Америка назовет героями или в крайнем случае мучениками своих военнопленных, которые отсидели в обстановке самого варварского обращения с пленными в истории всех народов» (заключенные слова — из неоднократных официальных заявлений Пентагона). Но превосходное физическое и психическое здоровье американцев, находившихся в плену в Ханое и вернувшихся на родину (определение журнала «Ньюсуик»), никак не способствовало превращению их в героев.

По словам журнала, их не впускают в американскую жизнь, их готовят к ней, готовят, как снова войти в нее, натаскивают, как поступать и что говорить. Бывшие пленные будут открывать для себя новую, изменившуюся Америку. Американцы должны приспособиться к новому образу военнопленных, не тому, что рисовал Пентагон. Может быть, поэтому Пентагон организовал нечто вроде непрерывной «демилитаризованной зоны» между военнопленными и журналистами.

С одним из этих военнопленных я встретился в Ханое в первые дни нового, 1973 года, через неделю после окончания памятных всему миру варварских бомбардировок Ханоя и Хайфона. Я расскажу об этой встрече, чтобы помочь «прорвать» «демилитаризованную зону».

ОН ВОШЕЛ в комнату совсем не так, как можно было ждать, войдет военный. И даже не как военнопленный. Он вошел, как совершенно штатский человек. И одежда его скорее напоминала одежду выздоравливающего больного в госпитале, чем арестантскую.

Оглянулся налево, направо, будто переходя улицу, потом посмотрел на магнитофон. Конвоир — без оружия — показал ему рукой на стул. Американец кивнул, подошел к стулу, аккуратно отодвинул его, сел и придвинулся к столу. Почти без звука, не дотронувшись рукой или локтем до стола. Аккуратно положил руки на колени.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, сэр, — сказал он, чуть наклонив голову и глядя на меня с выражением спокойной почтительности и ожидания.

— Вы знаете, что я советский журналист и буду интервьюировать вас?

— Да, сэр, знаю.

— Вы не возражаете?

— Нет, сэр.

— Ну что ж, тогда начнем.

— Да, сэр, — кивнул он с готовностью.

— Если хотите, пейте чай.

— Спасибо, сэр.

Он беззвучно перевернул чашку, которая стояла на блюдечке донышком вверх — так обычно накрывают стол вьетнамцы. Взял чайник и налил себе светлого, с желтоватым оттенком напитка — горячего, прекрасно снимающего усталость и утоляющего жажду.

— Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Уильям Томас Мэйолл, сэр.

— В каком году вы родились?

— 7 июля 1948 года.

— Где?

— В Нью-Йорке, сэр. В Бруклине.

— В какой семье?

— О, простите, сэр. Отец мой, так сказать, механик.

— А своя семья у вас есть?

— Да, сэр, я женат. Но детей нет.

— Вы живете в Нью-Йорке?

— Да, сэр, в Нью-Йорке. Кинг Фишер роуд, 200, Левиттаун, штат Нью-Йорк...

Думаю, что школьник Уильям Томас Мэйолл внешне мало, наверное, отличался от нынешнего Мэйолла, 24-летнего летчика. Щеки еще не утратили юношеской округлости и свежести. Лоб свободен от борозд. Чистый лоб. Мочки ушей просвечивали на свет электролампы. Глаза смотрели прямо, в них было выражение честной старательности — так, наверное, смотрели они на тренера футбольной команды, в которой Уильям, судя по его крепкому сложению, играл.

— Скажите, пожалуйста, в каком вы звании?

— Младший лейтенант, сэр.

— Ваши обязанности на самолете?

— Обязанности? Ах, да, сэр. Штурман, сэр.

— На «В-52»?

— Да, сэр, на «В-52».

— Когда вы начали принимать участие в военных действиях против Вьетнама?

— В конце ноября 1972 года, сэр.

— Когда вас взяли в плен?

— 22 декабря.

— Это был ваш первый налет на Ханой? Или вы раньше?..

— Нет, сэр. Это была, сэр, так сказать, моя третья... миссия над Ханоем.

— Можете ли вы сказать что-нибудь о предыдущих двух?

— Да, сэр. Во время нашей первой миссии над Ханоем, 18 декабря, нашей целью были западные пригороды Ханоя. 19 декабря, во время второй миссии, так сказать, — двадцать пять миль к северу от Ханоя... А третья миссия... во время третьей миссии мы были над южными пригородами Ханоя.

— Вы штурман. Значит, в конце концов от вас зависело, где будет нажата кнопка?

— О-о, нет, сэр. Штурман просто направляет самолет от одного места к другому.

В эти страшные 12 декабрьских дней и ночей «В-52» бомбили Ханой по-особому. Первые тревоги начинались часов в 10 вечера. Первая бомбежка длилась, наверное, минут двадцать — тридцать. «В-52» шли на высоте 9 тысяч метров.

За ночь таких получасовых налетов было четыре или пять. Последний начинался перед рассветом, когда у матери уже не было сил поднять с циновки малыша, уснувшего в первый раз за всю ночь, и снова вести его в бомбоубежище. Именно тогда «В-52» обычно начинали свой самый страшный налет, самым большим числом самолетов — на жилые кварталы. Летчики, которые отбомбились в предыдущих налетах, уже спали, усталые. Перед рассветом прилетали свежие, бодрые...

— Скажите, пожалуйста, в какое время суток вы были сбиты?

— Ночью, сэр.

— А точнее?

— Перед рассветом. Перед самым рассветом, сэр.

— Кто и как объяснял вам необходимость этих бомбардировок?

— Нас собирали перед каждой миссией и инструктировали, какие цели... На какие цели мы должны были идти...

— Но вы, наверное, предполагали ранее, что «В-52» бомбят не только военные объекты?

— Нет, нет, сэр. Нам говорили, что у нас нет других целей для бомбежки, кроме военных объектов...

— И вы не догадывались, что огромный бомбовый груз, который сбрасывают «В-52», захватывает в сферу разрушений не только военные объекты?

— А, ну, понятно... Нет, нет, сэр. «В-52» летают очень высоко и очень трудно... невозможно увидеть точно, что ты бомбишь...

Целый день накануне я бродил по Кхамтхиен. Вернее, не по самой улице, она — удивительное дело — цела. А по тому «ковру», который был выстлан вдоль ее южной стороны. Шириной этот «ковер» около шестисот метров, длиной — более чем километр.

Дома здесь стояли густо, впритык. Небольшие дома, старые, тесно заселенные (плотность населения здесь, в районе этой древней улицы — ей тысяча лет, — достигала 38 тысяч человек на квадратный километр).

«Ковер» смерти был соткан плотно. Бомбы были сброшены густо. Я пытался найти кусок земли, на котором — если знать заранее результаты бомбежки — мог бы устроиться человек так, чтобы остаться живым.

Я не нашел такого места. Даже для младенца.

— Показывали ли вам результаты ваших бомбардировок после того, как вас взяли в плен?

— Да, сэр, такая возможность была предоставлена. Я, правда, был болен в то время — раны еще не зажили. Но мои соседи по комнате ходили и осматривали некоторые районы и, когда вернулись потом рассказали мне, что они видели.

— Что же они рассказали вам?

— Они видели некоторые невоенные объекты... какие-то мирные районы которые были разбомблены. Ну, например, больница Батьмай и жилые кварталы... несколько жилых кварталов... они видели.. где жили мирные жители.. что-то вроде школьного двора...

Что еще погибает под бомбами с «В-52», кроме людей, домов, животных, растений?.. Когда привыкаешь к развалинам и трупам, тебя вдруг потрясает то, что, казалось бы, не имеет большого значения.

Бомбы уничтожают цвет.

Ханой в моем представлении — это три основных цвета: желтый — в него выкрашены стены домов, зеленый — листья деревьев, не опадающие круглый год, и ставни всех окон, красный — цвет черепичных крыш.

«Ковер», который стелет «В-52», — мертвого серого цвета. Он гасит и желтое, и зеленое, и красное.

Вьетнамская деревня зимой — это два цвета: сочный черный цвет возделанной земли и зелень. Темная зелень. Темная зелень листьев и нежная, брызжущая жизнью изумрудная зелень рисовой рассады. Бомбы «В-52» поднимают в воздух мокрую землю. Взлетевшая в воздух убитая черная земля становится серой, как становится серым убитый в Алабаме черный негр. Серая мертвая масса опускаясь на землю, залепляет каждую травинку на рисовом поле, все, что не серо по природе. И кажется, эту серость не отмыть, не соскоблить, не вывести. Даже лица тех, кто остался в живых, кажутся тоже серыми.

В одной из деревень под Хайфоном, рядом с которой проходила «ковровая» полоса, проложенная «В-52» (шириной полтора, длиной 11 километров!), я осмотрел, наверное, с десяток деревьев, пытаясь найти хотя бы один — один! — зеленый листок. Я искал его вначале так, любопытства ради, потом — из упрямства и, наконец, с чувством, которое трудно описать, но которое, наверное, охватило бы любого человека, если бы мир вокруг неожиданно потерял свои краски. И вдруг ко мне подошел вьетнамский мальчик. Лет двенадцати, не больше. Подошел, дотронулся до меня пальцем и показал на развесистый высокий куст неподалеку. Я пошел туда вслед за ним. Этот куст, как и все остальные, был покрыт серой грязью. Но там я увидел даже не листок! В царстве серых листьев, серых ветвей, среди мертвенной серости я вдруг увидел цветок! Красный, ничем не запятнанный, свежий, пунцовый, покрытый капельками чистой росы. Он был бутоном, когда его залепили мертвой грязью, но он, видимо, сохранил душу нетронутой, чистой и все же раскрылся, брызнул ярким, свежим цветом, ожил и доказал, что жизнь все-таки возьмет свое.

— Ну, и каково же было их настроение после того, что они увидели? Что они думали об этом? Что они сказали вам?

— Ну, вообще-то, конечно... они вернулись и рассказали, и мы обсудили, что они видели... и они чувствовали себя ужасно, да, сэр, после того как им все это показали.

При этих словах выражение лица моего собеседника не изменилось. Лицо было загорелым, на скулах кожный румянец. Лицо здорового, уравновешенного, большей частью, наверное, довольного собою человека, у которого положительные эмоции преобладают и совесть чиста. Возможно, он искренне верил, что правило, преподанное ему в свое время матерью, — набедокурил — признайся, что сделал плохо, и все тебе простится — действует до сих пор, в его возрасте и в его положении. Он признался — «ужасно, да, сэр» — значит, теперь снова все нам надо.

— Когда вы начали службу в армии?

— В августе 1970 года, сэр. В Хьюстоне, Техас.

— Вас призвали или вы пошли добровольно?

— Нет, сэр. Я добровольно пошел в военно-воздушные силы.

— Почему вы решили пойти в армию добровольцем?

— Я чувствовал, что это мой долг... мой патриотический долг... долг отдать свои... ну, способности или возможности своей стране, ну, на ограниченное время, конечно, которое... по закону о призыве... и защищать Америку.

Мой собеседник так и сказал — ЗАЩИЩАТЬ Америку.

— От кого защищать? — спросил я.

— Ну... От коммунизма, — ответил он, как мне показалось, даже с некоторой нотой удивления по поводу моего вопроса.

— Имели ли вы представление о том, что такое коммунизм?

— Как американский студент... мы не изучали специально, что это такое... но мы имели, так сказать... рабочее представление о нем...

Не знаю, с каких лет Уильям Мэйолл стал объектом антикоммунистической пропаганды, но, вероятнее всего, с очень ранних. Я сам видел в Нью-Йорке по телевизору мультипликационную «Красную шапочку», предназначенную для совсем крошечных американцев, в которой волк носил на голове фуражку с серпом и молотом и разговаривал с русским акцентом.

— Какие кинокартины вы любите?

— Ну, вообще-то я любил исторические, такие, знаете, полудокументальные, ну и прочие такие вещи...

— Видели ли вы фильм «Зеленые береты»?

— О да, сэр. Видел!

— Понравилось?

— Ну, я был мальчишкой тогда (фильм «Зеленые береты», откровенно пропагандистский, рекламирующий борьбу «зеленых беретов» с вьетнамскими патриотами, был поставлен известным голливудским актером, ультрареакционером Джоном Уэйном, и вышел на экраны в 1968 году, когда «мальчишке» было 20 лет. — Г. Б.). Но я... э... Я не знаю... Ну, молодежи, ведь вы знаете, очень интересно смотреть военные фильмы. Военные фильмы очень взбадривают...

— А ваши любимые телевизионные передачи?

— Ну, большей частью я смотрел по телевизору приключенческие фильмы или что-нибудь вроде... может быть, серия «ФБР» (еженедельная детективная программа, ее название говорит само за себя. — Г. Б.) или также вестерны... ну еще...

— «Миссия — невозможна»?

— Да, «Миссия — невозможна». Это самая любимая. А затем «ФБР». («Миссия — невозможна» — еженедельная часовая телевизионная передача, рассказывающая о невероятных похождениях группы американцев из 5 человек, которые посвятили свою жизнь главным образом борьбе против коммунизма и коммунистических шпионов. Программа эта появляется на экранах каждую неделю вот уже более десяти лет и рассчитана на широкую и очень непритязательную аудиторию. — Г. Б.)

— Чем вы занимались помимо учебы?

— Вообще-то я очень активно занимался спортом. Футбол, баскетбол, бейсбол. Играл всегда в одной команде. Нас было 12 человек — всегда вместе.

Возле одного из сбитых «В-52» постоянно толпился народ. Машина — вернее кусок ее — лежит возле Ханойского зоопарка. Упала к ужасу зверей и к торжеству людей. На рваной плоскости стоит гордый часовой с автоматом. А вокруг уже торгуют кукурузой, испеченной тут же, на углях, лепешками, жаренными в кипящем масле, теплым вареным рисом, завернутым в пальмовые листья. Ребятишки с увлечением отвинчивают от робота-убийцы всевозможные гайки и болты — пригодятся в хозяйстве.

Искореженная, рваная, обгоревшая махина не вписывается в облик Ханоя, кажется здесь черной, потусторонней силой. Древняя, тысячелетняя улица Ханоя и современный «В-52» — они в разном времени, в разном понимании добра и зла, в разной философии жизни. «Стратокрепости» — из прошлого, а тысячелетняя Кхамтхиен — из будущего.

— Перед тем как пойти в армию, вы, конечно, имели свое мнение о войне во Вьетнаме?

— Да, сэр. Конечно, имел. Я следил за этим по газетам. И мы часто обсуждали это в университете среди студентов. И мне казалось вроде бы, что это был... ну, внутренний конфликт Вьетнама, что они может быть, сами могли бы решить его лучше, чем.. так сказать, с помощью кого-нибудь извне.

— Значит, вы были против войны? Вы были на стороне участников антивоенного движения?

— Нет, я, так сказать... их точка зрения... сейчас я смотрю на них немного не так, как раньше. Сейчас они, так сказать, правы. А раньше я не был уверен, кто прав.

— Вы хотите сказать, что у вас в то время не было определенной позиции в этом вопросе?

— Да... То есть я не участвовал ни в каком антивоенном движении, но я не участвовал и в атом... ну, вы знаете... не требовал бомбить...

— Ханой?

— Ханой, да, сэр.

— Как вы объясняете это? Вы сказали, что не были убеждены в том, что Америке надо вмешиваться в этот внутренний конфликт...

— Да, сэр...

— Но в то же время вы не были против войны.

— Да, сэр. Но у меня в то время у самого было достаточно неприятностей. В университете... понимаете, учеба, так сказать... Знаете, пробить себе дорогу... Поэтому я, так сказать, действительно не особенно участвовал во всяких посторонних делах, которые не относились к учебе.

— Были ли у вас друзья среди участников антивоенного движения?

— Нет, сэр. Не было.

— Слышали ли вы что-нибудь о лейтенанте Келли?

— Да, сэр, слышал.

— Что же вы думаете о нем?

— Ну, я... я думал, что это был позор... позорная вещь, которая произошла.

— Опросы общественного мнения показали, что многие американцы, окажись в таком же положении, что и лейтенант Келли, поступили бы точно так же, как он. Как вы относитесь к этому?

— Интересно! Как раз сегодня мы обсуждали это с моими товарищами по комнате. Мы обсуждали всю эту штуку... Нет, я не думаю. Я, конечно, надеюсь, что я бы не поступил так. Хотя, вы понимаете, я никогда не был в той ситуации... Поэтому я не могу сказать на сто процентов твердо... Но вот как я чувствую. Я... так сказать... думаю, что, конечно, никогда бы не сделал такое...

За несколько дней до встречи с пленным американцем я познакомился на зенитной батарее в одном из пригородов Ханоя с Ту Хыонг. Она зенитчица из народного ополчения. Это значит, что сутки она дежурила в составе расчета зенитного пулемета, затем сутки работала на небольшой фабрике неподалеку, потом сутки отдыхала, а затем — снова у пулемета.

Ей, как и Уильяму Мэйоллу, 24 года.

Совсем недавно она потеряла отца. Он был убит в одну из тех 12 декабрьских ночей. Нет, не 18-го, не 19-го и не 22-го. Позже. Так что Мэйолл не мог иметь прямого отношения к этому убийству.

Она была у пулемета, когда ей сказали: беги, что-то случилось с твоим отцом. Она помчалась домой. Когда прибежала, отца уже вытащили из-под обломков дома. Он еще дышал, но умер у нее на руках, так и не придя в сознание.

Налет продолжался. И она, зная, как нужны люди в пулеметном расчете, решила вернуться на пост. Вначале шла, потом побежала. Ее увидели и не стали расспрашивать, все поняли: на голове у нее уже появилась белая лента — знак траура. Первый раз такой траур она носила в 1967 году. Тогда погибла ее мать — тоже от американской бомбы во время одного из налетов на Ханой. Именно тогда она записалась в народное ополчение и стала зенитчицей.

На батарее она живет, как и все, в легком бараке, окруженном войной: пулеметы — в ячейках на возвышениях, разрушенные и сгоревшие дома.

Но у койки, где она отдыхает, в плетеной корзине застенчиво розовеют гладиолусы.

Вьетнамцы воевали почти тридцать лет. Война изменила их быт, сделала жизнь невероятно трудной. Но не смогла лишить их нежности, поэзии, любви и, главное, веры в свое дело и в свою победу!

Та же самая война, но только в миллион, в миллиард раз менее коснувшаяся американского быта, изменила духовный облик Америки, ожесточила его, породила лейтенанта Келли, многих его последователей и предшественников, сделала убийство привычным, как физиологическое отправление, лишила армию героев. Дело здесь не в характере народов. Дело — в характере войн и различии систем. Несправедливая война заставляет платить за себя не только кровью, но и исковерканными душами.

— Расскажите подробно об обстоятельствах, при которых вас взяли в плен.

— Да, сэр... Я катапультировался, спустился на парашюте, приземлился на рисовом поле... Попытался установить радиосвязь со спасательной группой, но безрезультатно... И, я скажу, наверное, минут так через три или пять какие-то местные люди — около пятнадцати человек, в большинстве подростки, может быть, лет по 12—15... взяли меня...

— Это были солдаты?

— Нет, сэр... Это были совершенно определенно не солдаты, просто местное население... Может быть, местная милиция... Наверное, по 12—15 лет, не старше... Был только один мужчина постарше — лет, наверное, 40 или 45. Они подбежали. И я поднял руки и сдался... Они забрали у меня оружие и боеприпасы, радиостанцию и отвели в какой-то дом, и я сидел там и ждал...

— Как эти люди отнеслись к вам?

— Ну... я скажу, что они отнеслись... Они перевязали мне раны... Они обращались со мной совсем не так, как я ожидал... Они были действительно очень снисходительны. Они... они, например, связали мне руки, но... странно... они сделали это так, чтобы мне не причинить боли... Странно... Один связывал, а другой следил, чтобы не слишком туго, не слишком больно... И предложили мне сигарету... Я не знаю — вряд ли они видели американцев до этого... Это была одна из тех ситуаций... Они смотрели на меня с любопытством... Но не причинили мне никакого вреда, никакой боли... Я, так сказать, немного нервничал... когда меня окружило так много людей... Но когда приехали солдаты, они попросили людей отойти от меня... на какое-то расстояние. Конечно... никакого вреда... Никакого... И те вьетнамцы, которые окружают нас в тюрьме, просто очень снисходительны и добры к нам... Они дают нам необходимую пищу, место для сна, одежду... Все, что нам нужно, чтобы позаботиться о самих себе... И они не причиняют нам никакого вреда... Нет, сэр...

Пожалуй, это был единственный момент во всем интервью, когда мой собеседник прислушивался не к моим вопросам, а к своим собственным словам. Он явно до сих пор сохранял чувство недоумения, которое испытал впервые, когда, приблизившись к нему, вьетнамцы не растерзали его на клочки.

Время, отведенное на интервью, подходило к концу. И я, уже собираясь выключить магнитофон, задал последний вопрос о том, какое образование он получил перед армией. Но ответ его меня поразил и заставил пойти на некоторое нарушение условленного с вьетнамскими товарищами регламента.

— У меня степень бакалавра искусств университета в Хьюстоне, — ответил Мэйолл.

— Так, значит, вы собирались быть?!.

— У меня была такая же степень по истории и по литературе, я собирался быть учителем...

— Кого же из американских писателей вы, бакалавр искусств, любили больше всего?

— Да, сэр. Я любил американскую литературу. Но (?!) я много читал и Хемингуэя... как я понимаю, он был довольно-таки... и... Эдгара По. Вот два моих любимых автора.

— Вы считаете, что идеалы Хемингуэя соответствуют хотя бы в малой степени тому, что делаете вы? Я понимаю Хемингуэя — писателя, который сражался за Америку, и я все пытаюсь разобраться в вас — человеке, имеющем степень бакалавра искусств, бросавшем бомбы на Ханой.

— Но Хемингуэй все-таки служил в вооруженных силах, сэр, и он... я не мог бы сказать точно, что он был против войны... я вроде бы чувствую, что он был против войны. Но... вообще-то говоря...

— Читали ли вы кого-нибудь из русских или советских писателей?

— Да, сэр, я прослушал два специальных курса по русской истории в Хьюстонском университете. И я читал... это... да, «Отцы и дети», сэр, и... в... да, «Мертвые души», сэр. Мне очень понравились обе книги, сэр.

— Ну, и что же, стали вы учителем после университета?

— О, нет, сэр. Я пошел в летчики сразу после окончания.

— И вы не пытались использовать свои знания в области искусства, истории и литературы?

— О, нет, сэр. Я и не пытался стать учителем тогда.

— Вы хотите сказать, что изменили свои жизненные планы и решили отправиться во Вьетнам, чтобы, как вы говорите, «защищать родину»?

— Видите ли, сэр, дело обстояло так — я пошел добровольцем, так как считал своим долгом... Но, честно говоря, я не знал, что попаду во Вьетнам... Тогда я, так сказать, думал, что мир наступит вот-вот. Два года у меня должно было уйти на обучение, и я был уверен, что уж к концу-то 1972 года мир обязательно наступит! И я, честное слово, думал, что никогда и не увижу настоящей войны...

Наконец-то смысл слов насчет «патриотического долга» и «защиты Америки» стал немного яснее.

Дело в том, что молодой американец, попавший в армию по призыву, не мог выбирать род войск, в котором будет служить. А доброволец — мог. Мэйолла, видимо, забрали бы в армию так или иначе. Но, пойдя добровольцем, он мог выбрать авиацию, где курс обучения один из самых длительных. Весь его расчет, по-видимому, был построен на том, что к тому времени, когда «защитник» родины будет готов «защищать» ее, война закончится...

И внешне, и, так сказать, по анкетным данным передо мной сидел, если хотите, официальный идеал американского парня — простого, крепкого, бодрого, много игравшего в футбол и потому знающего, что такое чувство команды, может быть, верного в дружбе, четко произносящего «йес, сэр» в ответ на распоряжение тренера. Того самого парня, которого воспитывают бойскаутские лагеря, существующие под лозунгом: «Родители отдают нам мальчика (бой), а мы возвращаем им ковбоя». Про таких, как он, в Штатах говорят — «стопроцентный американец».

Я не удержался и спросил, считает ли он себя стопроцентным американским парнем.

Он, кажется, немного удивился вопросу, во всяком случае переспросил:

— Простите, кем, сэр? Ах, стопроцентным американцем!.. — И улыбнулся. Нет, не иронически по отношению к себе, нет. Он улыбнулся польщенный. И ответ, который я получил, прозвучал хоть и скромно, но не без гордости:

— До некоторой степени, может быть, да, сэр...

ИСПАНИЯ:
РЕЖИМ, ВРЕМЯ, ЛЮДИ

ИНДИЯ:
ЗЕРНА РИСА — ЗЕРНА МИРА

МИР ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ

ГДР:
НОВЫЕ КНИГИ, НОВЫЕ ПЛАНЫ

В эти дни советский и болгарский народы торжественно отметили 25-летие со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ.

Трудно найти какую-нибудь область жизни, где бы не осуществлялось тесное и всестороннее сотрудничество между нашими двумя странами. Выступая на массовом митинге в Софии в мае 1967 года по случаю подписания нового советско-болгарского Договора, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Если бы нас спросили, что такое социалистический интернационализм, мы бы ответили: посмотрите на отношения между Болгарией и Советским Союзом. Это и есть социалистический интернационализм в действии».

На снимках (слева направо): прокатный цех металлургического комбината в Креминовцах, построенного с помощью Советского Союза; памятник антифашистам в Варне; сборочный конвейер завода телевизионной аппаратуры в Софии.

Фото специального корреспондента «Литературной газеты» М. ТРАХМАНА

Георгий ГУЛИА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ДВА ИНТЕРВЬЮ: НАУКА И ПОЭЗИЯ

Вернер МИТТЕНЦВАЙ

Зара КИРШ

БУДУЧИ в Германской Демократической Республике, в Берлине, я встречался с целым рядом деятелей литературы. Эти встречи, как правило, были не только приятные, но и полезные. Сегодня я хочу предложить вниманию читателей «Литературной газеты» два интервью.

Первое интервью я взял у профессора Вернера Миттенцвая, директора института литературы, а второе — у молодой, но уже хорошо известной поэтессы Зары Кирш.

Итак, я спросил Вернера Миттенцвая:

— Профессор, каковы, по вашему мнению, важнейшие вопросы литературоведения в ГДР?

— Перед литературоведением — немало задач, к нему предъявляются многочисленные требования. Однако в конечном счете значение и роль литературоведения определяются тем, какое влияние оно способно оказывать на художественный процесс своего времени. При этом очень важно — я бы сказал, обязательно — взаимодействие между писателями и литературоведами. Необходимо, чтобы они вдохновляли друг друга, помогали друг другу при создании новых произведений. Литературоведческая работа должна оказывать влияние на общественную и художественную практику.

Для того чтобы литературоведение играло роль подлинного стимулятора творческого процесса в социалистическом обществе, ему должны быть присущи политическая проницательность, творческая перспектива и тонкое художественное чутье. Литературовед должен быть хорошо знаком с историей литературы, процессами и проблемами, встающими перед писателем в наши дни.

— Что особенно характерно для руководимого вами института?

— У нас в институте действует система «мастерских», позволяющая нам в тесном контакте с писателями заниматься различными проблемами и аспектами, возникающими в творческой работе. Такой метод работы позволяет нам сразу ставить несколько проблем и разрешать их.

— Два слова о ваших последних работах.

— Моя книга «Построение и образы современной драмы» явилась попыткой обрисовать возможности различных художественных методов и границы этих возможностей. В недавно вышедшей моей книге «Отношение Брехта к традиции» я хочу показать, какую колоссальную силу обрело творчество Брехта благодаря тому, что он сумел использовать для развития собственного творческого почерка весь арсенал мировой литературы.

* * *

Другая беседа состоялась не в институте литературы, а на квартире поэтессы Зары Кирш, в новом высотном доме (Берлин был виден из окна, как на ладони). Родилась она в 1935 году, и главное занятие ее — стихи. Но ее ответ на мой вопрос несколько удивил меня:

— Над чем я работаю? Пишу прозу. Точнее, рассказы. Не очень длинные рассказы. По двадцать страниц каждый, не больше. Скоро я закончу книгу рассказов.

— О чем эта книга?

— Это рассказы о сегодняшнем дне, о новых людях. Я только-только написала рассказ про кузнеца. Живет он в сельском кооперативе. У него дочь. Она влюблена в солдата. Скоро будет свадьба. Но вот является однажды ее подруга, и солдат влюбляется в нее. Скоро будет свадьба, но другая...

Я довольно долго жила в деревне. Недалеко от Мекленбурга, в 500 километрах на север от Берлина (округ Росток). Я пишу о том, что видела там и слышала.

— Вы поехали в деревню, когда задумали свою книгу, или книга явилась неожиданным результатом вашей поездки?

— Это можно рассматривать как угодно. Я считаю, что надо находиться в гуще жизни и тогда книга родится у писателя сама собою. Недавно появился роман Германа Канта «Импрессум». Чем он притягателен, чем вызван его успех? Точным знанием дела, о котором написана книга, хорошим знанием жизни. Что может быть лучше книги, которая точно рисует жизнь?

— А стихи пишете?

— Да, конечно. И довольно много перевожу, в частности советских поэтов, например, Багрицкого, Бажана, Марцинкявичюса и других. С большим удовольствием работала над переводами Блока.

Зара Кирш показала мне прекрасно изданные книжки переводов. Примечательно, что почти во всех — текст оригиналов, а рядом с ними — перевод. Это дает возможность быстро сличить оригинал с переводом и тем самым делает работу переводчика еще более ответственной.

Юлиан СЕМЕНОВ

ТАМ, ЗА ПИРЕНЕЯМИ

Мадрид, площадь Пуэрта дель Соль

Я ОБРАТИЛСЯ к нему так, как это испокон веков принято в Испании:

— Благодарю за то, что вы нашли время для меня, дон Эухенио.

— Просто Эухенио, без всяких «дон», — ответил мой собеседник, — давайте хотя бы в обращении друг к другу будем демократами.

Если научиться в луже видеть звезды, то приведенный пример — та самая «лужа», которая позволяет понять многое из того, что происходит сейчас в Испании. Три года назад, во время моей первой поездки в Мадрид, подобная реплика испанского аристократа, крупного политика и журналиста — каким по справедливости считают Эухенио — звучала бы по меньшей мере странно. Теперь даже главный редактор «профсоюзной» «Пуэбло» Эмилио Ромеро говорит о «мрачной, раздираемой борьбой Испании». Три года назад, когда я встречался с Ромеро и его сотрудниками, он таких высказываний себе не позволял, а уж о том, чтобы аристократ отбросил обязательное «дон», не могло быть и речи.

Многое изменилось в Испании за эти три года. Бурно развивается туризм: в прошлом году Испания приняла 29 миллионов иностранных гостей, заработав на этом два миллиарда двести миллионов долларов. Индустрия туризма оказалась сопричастной к строительству новых автотрасс, гостиниц, кемпингов, аэродромов. Однако не следует думать, что лишь туризм определяет экономическое развитие Испании. В стране происходит своего рода экономический «бум»: растут корпуса новых заводов, по дорогам носятся сотни тысяч автомобилей, и, несмотря на плакаты, установленные вдоль шоссейных магистралей: «Папа, езди на поезде!» (как истинные «кабальеро», испанцы считают ниже своего достоинства держать скорость меньшую, чем сто двадцать километров, поэтому огромное количество несчастных случаев фиксируется ежедневно), многие семьи приобретают в рассрочку машины, собранные в громадных цехах автозаводов, купивших лицензии в Италии, Англии и Франции.

Однако этот «бум», как отмечали мои собеседники в Севилье и Мадриде, Барселоне и Толедо, отличает особый, как здесь говорят, «бумажный» характер. Заводы строятся под векселя, кредиты даются под расписки, купчии заключаются в рассрочку. (Только в 1972 году, по данным мадридской газеты «АБС», люди, купившие в рассрочку автомобили, телевизоры, квартиры, мебель, не доплатили 140 000 000 000 песет!)

Экономическое развитие Испании нельзя рассматривать изолированно от проблем «Общего рынка». Как известно, страны Европейского экономического сообщества отказались принять Испанию в свои ряды, исходя как из политических, так и экономических соображений. К последним относится, в частности, такое: Испания экспортирует фрукты и овощи; но ведь Италия, входящая в «Общий рынок», тоже экспортирует фрукты; голландские поставщики помидоров боятся испанских конкурентов, бельгийские «мясные» монополисты заинтересованы в заградительной линии на путях продажи более дешевого испанского скота. Недавно министр сельского хозяйства Испании Альенде заявил, что вступление Великобритании в «Общий рынок» нанесло Мадриду ущерб, исчисляемый двумястами миллионами долларов, потому что раньше экспорт фруктов, вина, овощей и мяса из Испании шел напрямую в Лондон, а теперь Альбион подчинен тарифам «Общего рынка».

Все более очевидны сложности, возникающие в отношениях между Мадридом и Нью-Йорком. Обувь — этот традиционный испанский экспорт в США — сейчас наткнулась на тарифный барьер, возведенный американскими обувщиками на пути «проникновения» более дешевых пиренейских ботинок и бареток, и это тоже сильно ударило по экономике страны.

С тем чтобы хоть как-то бороться против угрозы инфляции, испанские предприниматели создали своеобразный «профсоюз миллионеров». Тот, кто хочет открыть свое дело и получить ссуду в банке, теперь уже векселем или распиской не отделается: хочешь быть членом «профсоюза миллионеров», хочешь получать займы у государства — гони пять миллионов песет наличными как вступительный взнос; нет у тебя пяти миллионов — тогда до свидания, иди и заработай!

Это «горести» миллионеров. А горести рабочих? Квалифицированный слесарь зарабатывает 1 200 песет в неделю. А плата за квартиру равна 3 000 песет. А обучение одного ребенка — не менее 500 песет. Все работают сверхурочно, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Женщине на работу устроиться крайне трудно; если мужчине, которому больше сорока лет, удалось найти постоянный заработок, он считает себя счастливцем, ибо разоряющаяся деревня поставляет растущему городу десятки тысяч молодых и дешевых рабочих рук. Естественно, заболевание хотя бы одного члена семьи — трагедия, ибо медицинское обслуживание в Испании стоит баснословно дорого: за операцию по удалению аппендикса возьмут не менее 12 000 песет!

...НЕСМОТРЯ на все попытки научить испанцев осторожной осмотрительности и благоразумной молчаливости, они остаются такими же темпераментными, какими были прежде. Побывав в Испании, нельзя не влюбиться в испанцев и не вспомнить Хемингуэя, который говорил, что Испания — это единственная страна, где бы ему хотелось жить, кроме его родины.

Многие испанцы испытывают дружеский, горячий интерес ко всему тому, что происходит в первой в мире стране социализма, будь то космические исследования, литература, театр, автомобиль, живопись. Несмотря на противодействие определенных кругов, правда о нашей Родине приходит за Пиренеи. Все больше серьезных финансистов Испании — я встречался в Мадриде с представителями мощных «кланов» Марчо и Гарригеса — высказываются за самое широкое развитие торговых отношений между нашими странами.

Если экономические проблемы Испании еще как-то обсуждаются в прессе, то вопросы политической жизни страны подвержены цензурному «табу». Удивляться этому не приходится: в экономике очевиден «бум», пусть даже бумажный, пусть даже чреватый возможным кризисом; но политические институты страны не претерпели никаких изменений за последние десятилетия. Однако, если повстречаться с разными людьми, выслушать полярные порой мнения, побеседовать с иностранными журналистами, аккредитованными в Мадриде, то станет очевидным, что видимая внешняя устойчивость отнюдь не всегда равнозначна внутреннему, глубинному состоянию политических тенденций в стране. Все более активное участие в борьбе за демократию принимают полулегальные «рабочие комиссии» на заводах, руководимые коммунистами, работающими в испанском подполье. Растет забастовочное движение, усиливается брожение в университетах. Волна недовольства захватила церковь. Священники становятся в оппозицию к режиму Франко: весь мир облетело гневное послание ста тридцати барселонских священников, выступивших против пыток в полицейских застенках. Сплошь и рядом подпольщики-атеисты находят убежище в католических храмах. Испания — страна «истово верующая», и поведение духовных пастырей во многом определяет мнение паствы — особенно в глухих крестьянских районах. Не только рядовые священники поднимают голос против произвола. Недавно преподобный Диас Аллегриа, брат начальника генерального штаба испанской армии, открыто выступил против военных трибуналов, которые бросают в тюрьмы демократов.

Брожение задевает подчас и франкистскую верхушку: в свое время военный трибунал осудил вместе с коммунистами-подпольщиками Хуана Даниэля Лакалья, сына тогдашнего министра авиации, одного из верных помощников Франко. Появилась и некая срединная «прослойка», именуемая в стране «эволюционистами». Бывший министр Франко — Мануэль Фрага Ирибарнэ является, пожалуй, одним из видных представителей этого течения. Он выступает как деятель «центра». Однако «эволюционисты» никак не могут «самортизировать» схватку правых сил с оппозицией. Правые, в руках которых армия, полиция, суды, стараются подавить в зародыше всякую «крамолу».

Чтобы отвлечь внимание трудящихся от классовой подоплеки происходящих событий, режим подогревает сепаратистские тенденции в стране, где с давних пор имеются три основные «окраинные» национальные группы — галисийцы, каталонцы и баски. Говорят, что секретная полиция засылает агентов в подполье националистов, которые требуют полного отделения от Испании Страны Басков (где, кстати, сосредоточено более половины всех производственных мощностей страны), Каталонии, издревле тяготевшей к Франции, и Галисии. Лет десять назад этот провокационный трюк, возможно, и прошел бы успешно; однако сейчас не объяснишь забастовки в Астурии сепаратизмом каталонцев: студенты университетов, большинство которых закрыто из-за «беспорядков», не верят, что «барьер знанию» ставят баскские националисты, а серьезные бизнесмены Кастилии не могут понять, какое отношение галисийские «свободолюбцы» могут иметь ко все более заметным симптомам инфляции.

Обострение политической борьбы очевидно сейчас в Испании. Позиции здравомыслящих политиков, связанных с экономикой страны, постепенно укрепляются. Это вызывает ярость местных «ультра» — скорее всего именно по этим «ультра» и можно угадывать усиление роли трезво думающих людей, обеспокоенных будущим Испании. Наиболее яркой фигурой среди «ультра» является, бесспорно, «национальный советник» фаланги, директор газеты «Фуэро Нуэво» Блас Пиньяр. Такой, как у него, озлобленности, вызванной разрядкой напряженности в мире, я не встречал даже в тиранской прессе... Однако Пиньяр Пиньяром: что называется, «собака лает — караван идет». Проблемы в промышленности и сельском хозяйстве, угроза инфляции — все это требует выхода Испании на арену международной торговли. Естественно, серьезные экономические контрагенты не станут иметь дело с Испанией Пиньяра. Это понимают за Пиренеями все те, кому небезразлично будущее этой замечательной страны, населенной такими разными — по языку, культуре, истории, — но такими великолепными людьми...

Ануар АЛИМЖАНОВ

ПУТЕВЫЕ ЭСКИЗЫ

ЛОТОС ЛЮБИТ СОЛНЦЕ

ПЕРЕД НАМИ во всей своей шири раскинулась бухта Бэк-Бей. Слева, вклинившись в волны Аравийского моря, то утопая, то вновь появляясь в этой безбрежной глади, лежал мыс Малабар. Справа, описав далекий, замедленный полукруг, где-то за зеленью пальм, белизной дворцов и особняков, отгороженных от моря толстыми стенами, исчезала длинная земляная коса, на которой, по преданию, тысячу или две тысячи лет назад появился поселок рыбаков.

Мумба Деви уже давно, со времен португальских завоевателей, стала Бомбеем.

Португальцы пришли не через залив, на берегу которого стоим мы, а через глубокую бухту, что по другую сторону той длинной полоски земли, где в пальмовых садах утопают резиденции и виллы богачей.

В глубине той бухты есть каменный островок Элефант. В недрах островка — великий храм многоликого Шивы.

Португальцы решили уничтожить его. Но пушки не смогли пробить скалу, а затащить пушки в храм по каменным лестницам над пропастью было невозможно. С Элефанта они высадились в Бомбей в том самом месте, где сейчас стоят Ворота Индии.

После португальцев через эту же бухту пришли англичане...

Только вчера, ровно сутки назад, в такой же вечер мы выехали на машине из Аурангабада — древней столицы шаха Аурангзеба, который построил там чудо-бассейны и фонтаны, заставил своих зодчих повторить усыпальницу своего отца Шах-Джахана и Мумтаз-Махал — великий Тадж-Махал. Но Тадж-Махал один-единственный, и красота его неповторима, и потому ни внуку шаха, ни англичанам, тоже решившим построить мавзолей, не удалось воссоздать красоту, которая была присуща творениям зодчего Исы.

В Аурангабад мы летели не из-за гробницы Аурангзеба, а потому, что близ него, в каменистых ущельях находились самые гениальные творения древних зодчих и художников — храмы Аджанты и Эллоры.

Когда собрались лететь обратно, то оказалось, что в специальном самолете, выделенном нам правительством Индии как почетным гостям — лауреатам премии Неру, — обнаружена неисправность. Он будет готов к полету через сутки. Мы решили не ждать. У нас не было времени.

Молодой, молчаливый, озабоченный шофер, без остановки преодолев под покровом ночи почти шестьсот километров через долины, горы, джунгли и адские перевалы, пройдя в ночной тьме сквозь вереницы беженцев, объезжая машины, попавшие в аварию, пробившись сквозь стада буйволов и каким-то чудом, интуитивно угадывая дорогу без компаса и карты, доставил нас в Бомбей к утренней заре.

Здесь каждый человек — будь он беден или богат — хранит, хотя бы внешне, традиционную философичность к окружающему. Точнее сказать, нас покоряли эта философичность, эта внутренняя сдержанность, эта нравственная самодисциплина, присущая бедному большинству, за улучшение условий жизни которого без устали ведет мужественную борьбу правительство Индии. И самое трудное в этой борьбе — найти работу всем, кто ищет ее, занять руки — руки, которые могут принести пользу не только самим обладателям этих рук, но и всему государству, могут осушить болота, освоить пустыни, остановить наводнение, могут умножить богатство земли, провести каналы туда, где земля веками сохнет от жгучего дыхания солнца.

Было тихо. Мы стояли на краю земли. И только равномерный плеск нарушал эту тишину. Нет, вернее, не нарушал, а еще более обрамлял это спокойствие, навеянное интимной торжественностью встречи усталого солнца с заждавшимся океаном.

Словно сделав глубокий, долгий вдох после томительного дня, океан втягивал в себе воды бухты Бэк-Бей и Аравийского моря.

Наступили минуты отлива, берег обнажался, расширялся, хотя и без того был длинен, просторен и широк.

На этом огромном пляже, где песок утрамбован и увлажнен самим морем, люди ненадолго забывали о житейской суете города, сюда приходили, чтобы увидеть закат и отвлечься от мирских забот. Здесь люди становились молчаливыми философами, с трепетным восторгом приобщались к величественной и таинственной красоте природы, говорили о боге и о любви. А влюбленные пары бродили босиком, бесцельно, беззаботно наслаждаясь прохладой, говоря о пустяках и не обращая внимания на торговцев кокосовыми орехами, бананами, на разносчиков чая, на продавцов игрушек.

...МЫ ВЫШЛИ из джунглей Шри Ланка, объехав весь Цейлон, увидев останки древних городов этой удивительной страны, которая вот уже пять тысячелетий ведет письменную хронику своей истории; побывав в замке Сигирии — дворце, вырубленном на вершине неприступной «Львиной скалы», как ее иногда называют, служившей цитаделью царицы Анулы, жестокой и коварной.

Проведя ночь в джунглях близ скалы, под жуткий свист, рыканье, хохот неведомых зверей и птиц, возвращались мы в столицу страны Коломбо. Но не могли доехать за день. Вечер мы встретили в Негомбо, в огромном, пустом и мрачном рейстхаузе с грязными толстыми деревянными столами, похожими на нары, и черными от времени скамейками. Короткая свеча была не в силах осветить огромный зал, похожий на зал пиратов, с допотопными ржавыми топорами и пиками, с огромными чучелами океанских омаров и крабов на грязных стенах. Стояла духота. Я вышел, чтобы глотнуть свежего воздуха, вышел прямо к берегу и был поражен, подавлен видением...

Но что это? Сердце обдало холодом. Вдали, на горизонте появился одинокий человек. Длинный, худой, как тростинка, черный и стройный. Он держится за палку, которая вонзилась в небо. Он то появлялся во весь рост, то исчезал. Волны неба — океана прокатываются по нему, но он держится.

Он один из бесстрашных рыбаков Шри Ланка, под ногами у него катамаран, он плывет оттуда — с океана, где нет ни клочка земли до самого Южного полюса. Разве что крохотные куски Мальдивских островов, лежащих где-то в стороне. Но что они по сравнению с океаном!! Они — как несколько зерен маковки, заброшенных в безбрежье кипящих пучин.

Тишина. Спокоен мир в ожидании сна. Еле светятся волны, а в них отражаются звезды. Рядом появился человек — мокрый, со слипшимися волосами. Упираясь ногами в песок, он тащил тяжелый катамаран, на бревне которого на прохудившейся сети, как в сетке старой бедной торговки, лежало несколько рыбин. Оставив катамаран на песке, вскоре он исчез в ночном Негомбо...

РАННЕЕ утро мы встречаем над Индией. Над Индией — чистое небо, и в лучах восходящего солнца ее земля видна, как на ладони. Мы летим с юга на север. Под нами четкие очертания городов и сел. Пустыни, джунгли, горы, реки и земля. Земля, где каждый клочок, каждая пядь тысячу раз обласкана человеческими руками, напоена влагой — вон ровные паутины каналов; земля, пропитанная потом, облагороженная трудом. Новостройки, новые плотины, дымят новые заводы. Древняя, как мир, надевающая новые наряды, как юная невеста, земля Индии. Так о тебе говорила, сидя в своем маленьком кабинете, дочь твоя — Индира Ганди.

— Я вчера только вернулась из поездки. Побывала во многих странах. А сегодня первый день работы парламента после каникул, — ее руки устало лежали на листке бумаги. — Дел много... Мы идем навстречу своему возрождению, навстречу новой эре, новому восходу. Мы впервые собрали богатый урожай риса. Скоро сами обеспечим себя рисом. Но это сделать нелегко. Мы благодарны за помощь вашей стране... Я благодарна за ваш труд. Когда писатели, художники, композиторы живут добрыми намерениями, они могут сделать многое для сближения, взаимопонимания народов, для укрепления дружбы. Рассказывайте правду о нас. Ничего не скрывая...— Она задумалась. Внимательно взглянула: — Мы с вами уже не раз встречались. Мне знаком ваш город Алма-Ата. Вы часто бываете у нас. И, наверное, знаете, как цветет лотос. Лотос прекрасен во время восхода...

Да, я знаю, как растет лотос. Зародившись в глубине земли, насытившись илом, защищаясь от мошкары, и червей, и всех болотных нечистот, он тянется ввысь. Тысячи преград на его пути, его опутывают и тянут в затхлое дно болота старые, гнилые корни и молодые, но уже безвольные побеги, поддавшиеся смрадным соблазнам болотного мира. Но он пробивается через их сети, через один, другой затхлый слой, стремясь сохранить себя в чистоте. Он тянется ввысь. И вот наконец позади все — и плесень, и гниль. Наконец вода! Солнце близко. Теперь легче бороться и с ненасытными червями, легче пробиться к солнцу. Ну вот, все позади.

Как великую песню, лотос встречает свой первый восход. Он свеж, он ярок, он благороден и облагораживает других, потому что он счастлив, он сберег себя в чистоте, он испытал все невзгоды, выстоял против всех соблазнов, сохранил себя, свою чистоту и теперь гордо несет свою свежесть, свою красоту, свою мудрость навстречу любви своей — солнцу, навстречу восходу.

Ведь восход — начало новой жизни. Вся природа, все цветы и птицы, все моря и океаны тянутся к нему. На восходе птицы начинают свои песни, цветы раскрывают бутоны, океан начинает свой прилив...

Океан позади нас. Под крылом — Индия, древняя и молодая, с востока, запада и юга омываемая своим великим океаном.

До новой встречи, Индия, влюбленная в красоту, отстоявшая свою свободу в тяжелой борьбе, и с надеждой и радостью встречающая свой новый день и жаждущая любви и счастья, мира и труда братьям и сестрам своим в Пакистане и Бангладеш!

Отрывок из новой главы книги А. Алимжанова «Джемшидова чаша».

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ «КЛУБА ДС»

Сегодня «Хозяйский глаз «Клуба ДС» продолжает свою скромную миссию по выдворению сора из избы. Работы еще немало. Вот почему администрация «Клуба ДС» решила настойчиво, почти каждую неделю окидывать своим «Хозяйским глазом» уголки, из которых нужно мести.

ФОТО-АТЕЛЬЕ

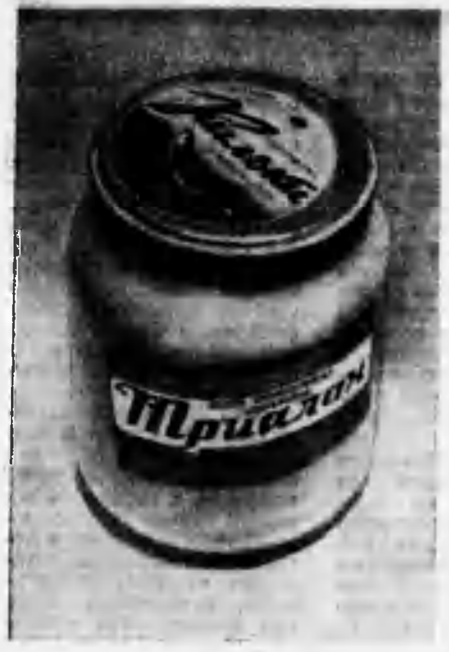


Фото И. ЗАЕВА (КУРСК)

Что бы это значило?

Гр. ЯБЛОНСКИЙ

ДОМОСТРОЙ

На столе начальника строительного комбината Вепрюкова резанул правый крайний телефон. Роберт Харлампиевич выслушал стоя, посерьезнел лицом. Затем, не глядя, набрал на другом аппарате номер управляющего трестом «Домострой»:

— Запомни, Богодухов. Не обеспечишь решающий ввод пусковых объектов в четвертом квартале — пеняй на себя.

Управляющий все понял и крутанул номер начальника СМУ-5:

— Усеки, Филонченко: не сдашь жилой комплекс в декабре — голову сдашь!

Услыхав гудки отбоя, Филонченко стукнул по тумблеру третьей прорабской:

— Горшкович! Не рапортуешь тридцать первого декабря про готовность девятого этажа — прыгай с восьмого! Как понял?! Прием!..

— Понял... — прохрипел в микрофон прораб Горшкович и, ослабив галстук, врубил местную громкоговорящую сеть.

Недостроенная коробка двухсотшестнадцатиквартирного кооперативного дома содрогнулась от резонанса...

Из-за ближайшей будки показалась ладная фигура мастера Петухова. Он оглядел панораму стройки и направился к зеленому вагончику, который грохотал и опасно раскачивался сам собой.

Через некоторое время из вагончика выбрался бригадир Пахомыч, швырнул обратно шестерочный дупель и устремил свой наметанный взгляд на верхотуру. Там, среди белой силикатной кладки, время от времени мелькала голубая Надькина косынка. Бригадир сложил мозолистые ладони мегафоном и дал кое-какие указания...

Над соседней рощей взмыла стая ворон. В своей стеклянной кабинке на фоне облаков проснулся крановщик Прохор. Голубая косынка замелькала быстрее...

Пахомыч удовлетворенно достал из кармана видавший виды дупель-пусто и полез обратно в вагончик...

Начальник комбината Вепрюков просмотрел свежую сводку выполнения плана строительно-монтажных работ по пусковым объектам и, посветлев лицом, распорядился отпечатать рапорт на гербовом бланке.

ОДЕССА

«СИЛЬНО БЫСТРО ДЕЛАЛИ...»

Ю. ВОЛОВИЧ,
С. КАМИНСКИЙ

Кабинет директора предприятия. Директор взволнованно ходит. Главный инженер сидит в кресле, поворачиваясь за директором, как флюгер. Он очень растерян.

ДИРЕКТОР. Поздравляю вас! Положение на заводе у нас катастрофическое! Сегодня последний срок, когда мы можем сдать досрочно то, что мы должны сдать в срок. Что вы думаете по этому поводу, Петр Фомич?

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Я... думаю, что все в порядке. Продукция изготовлена на два месяца раньше, чем появились чертежи.

ДИРЕКТОР. Но положение у нас катастрофическое. Расскажите, как это получилось?

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Ну, было указание: сделать быстро, хорошо что-нибудь новенькое... Вот мы и сделали.

ДИРЕКТОР. Ну?!

ГЛ. ИНЖЕНЕР. А что сделали — неизвестно.

ДИРЕКТОР. Как же это? Делали, делали, а что — никто не знает?!

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Очень быстро делали. Никто не успел сообразить что!

ДИРЕКТОР. Так надо ж было остановиться, задуматься.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Так и сделали. Остановились, хотели задуматься, а уже поздно.

ДИРЕКТОР. Почему поздно? Досрочно ж сделали.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Остановились поздно. Уже готово было. Сильно быстро делали.

ДИРЕКТОР. Так надо разобрать. Посмотреть.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Нельзя разобрать. Сильно быстро делали. Никто не помнит, как собирали.

ДИРЕКТОР. Как же быть?

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Сидор Федорович, давайте определим методом исключения, пройдемся по номенклатуре — и...

ДИРЕКТОР. Правильно! На что больше похоже — то, значит, и сделали. Что мы выпускаем?

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Скрепки, шагающие экскаваторы, картофелечистки и застежки для лифчиков.

ДИРЕКТОР. Ну что ж, давайте прикинем, что это за штучка. Скрепка?

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Нет. Бумагу она не держит.

ДИРЕКТОР. Ну и что? У нас все скрепки бумагу не держат.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. И потом, она для скрепки великовата — 26 метров в длину и 42 — в высоту. А может, это... «это»?

ДИРЕКТОР. Что «это»?

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Ну... застежка для лифчика?

ДИРЕКТОР. Вы что? 26 × 42 метра? У вас больное воображение. Все! Все! Надо списывать.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Нельзя. Она работает. Гудит.

СЕКРЕТАРША. Сидор Федорович, к вам заказчик.

ДИРЕКТОР. Пусть подождет.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Наоборот! Пусть заходит. Это ж заказчик! Они ж эту штуку заказывали. Сейчас мы узнаем, что мы такое сделали.

ДИРЕКТОР. Правильно.

Входит заказчик.

ЗАКАЗЧИК. Здравствуйте.

ДИРЕКТОР. Вы можете поздравить нас. Мы сделали. В срок. Даже раньше.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Сильно быстро делали.

ЗАКАЗЧИК. Я от лица нашей организации, которая без этого, как без рук... Спасибо вам!

ДИРЕКТОР. Забирайте. Я вам только пропуск выпишу на этот... на эту... Ну, как она называется?

ЗАКАЗЧИК. Да мы, знаете, как ее ждем? Она для нас — все!

ДИРЕКТОР. Выписываю. А что писать? Название какое?

ЗАКАЗЧИК. Какое название! По-моему... она вам нужна. Мы ее вам заказывали, точно.

ДИРЕКТОР. Ну, так я выписываю. Что писать? Ну?

ЗАКАЗЧИК. Понимаете, такая штука получилась... Мы ее заказывали вам в критический момент, в конце года. У нас деньги лишние оставались. Вот мы ее и заказали, чтобы нам фонды на новую технику не срезали. Чтоб вы ее бы строили и хорошо сделали.

ДИРЕКТОР. Так мы и сделали — быстренько и хорошо.

ЗАКАЗЧИК. За это спасибо. Мне нравится. Но что вы сделали?

ДИРЕКТОР. Что вы заказывали?

ЗАКАЗЧИК. А что мы заказывали?

ДИРЕКТОР. То, что мы сделали.

ЗАКАЗЧИК. А что вы сделали и что мы заказывали?

ДИРЕКТОР. А-а-а...

ЗАКАЗЧИК. Э-э-э... А может, она не работает?

ДИРЕКТОР. Может быть. Ну и что?

ЗАКАЗЧИК. Зачем же я ее буду брать?

ДИРЕКТОР. А вдруг она работает?

ЗАКАЗЧИК. Что ж она делает?

ДИРЕКТОР. Гудит!

ЗАКАЗЧИК. И все?

ДИРЕКТОР. Не все. Шипит иногда. Она свое дело делает. Вы свое дело сделали? Заказали. Мы свое дело сделали? Быстро. Она свое дело делает. Хорошо! Я в нее почему-то верю. А вы?

ЗАКАЗЧИК. Но что это такое?

ДИРЕКТОР. Это вы должны знать, что это такое.

ЗАКАЗЧИК. Но я не помню, что мы заказывали.

ДИРЕКТОР. Значит, вы не помните, что вы заказывали, а я должен знать, что мы сделали, если вы не помните, что вы заказывали, чтобы мы сделали, не зная, что вы заказывали что?!

ЗАКАЗЧИК. Что?

ДИРЕКТОР. Что «что»?

ЗАКАЗЧИК. Не беру я это.

ДИРЕКТОР. Ага! Я знал, что этим кончится. Сначала вы заказываете нам неизвестно что. Мы это делаем неизвестно зачем. Потом вы неизвестно почему отказываетесь. Что вам нужно, что?!

ЗАКАЗЧИК *(почти плачет)*. Я возьму ее. Но, во-первых, я не знаю, как ее назвать, а во-вторых, что с ней потом делать?

ДИРЕКТОР. Назвать... «50—ТР». Звучит?

ЗАКАЗЧИК. Звучит.

ДИРЕКТОР. Так вот, вы у нас берете «50—ТР», а через два месяца мы ее заказываем у вас обратно. Серийный вариант! Годится?

ЗАКАЗЧИК. Годится! А что такое «50—ТР»?

ДИРЕКТОР. Не знаю.

ГЛ. ИНЖЕНЕР. Я знаю. Это цена. Она нам в 50 тысяч рублей обошлась!

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Большую ценность представляют собой рукописи Г. Сабанеева. На всех посылках, в которых он отправляет рукописи редакциям, собственной рукой автора начертано: «Ценная».

● ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ

В народе говорят: «В двадцать лет ума нет и не будет, в тридцать лет жены нет и не будет». Молодой ученый Е. Фалечкин опроверг это утверждение: в двадцать лет у него появилась жена, а в тридцать — и ум.

● УНИКАЛЬНЫЙ ПЛОД

Многолетний труд НИИ сельского хозяйства завершился крупным успехом. Ученым института удалось получить арбуз величиной с обыкновенную горошину.

● ОБЪЯВЛЕНИЯ

Уважаемые посетители! Берегите в парке флору, не будьте фауной!

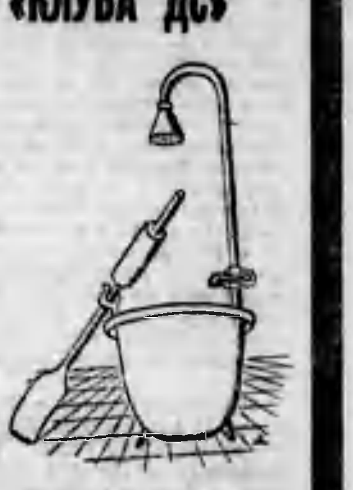
⁂

Школа торгового ученичества принимает юношей и девушек, окончивших 8—10 классов. Школа готовит продавцов широкого профиля для магазинов самообслуживания.

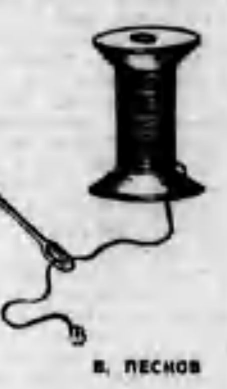
⁂

Вниманию покупателей! Купленный товар считается проданным!

ПРиДМЕТЫ «КЛУБА ДС»

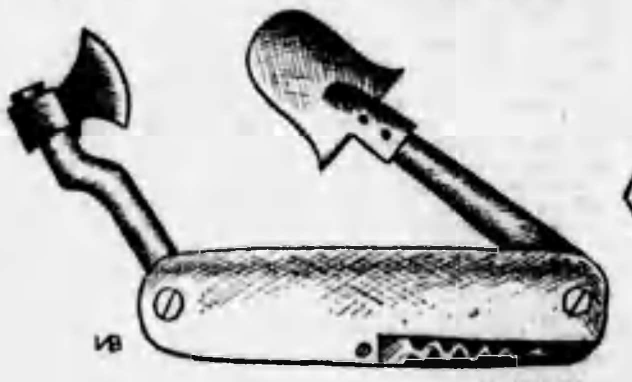


Работа неизвестного художника

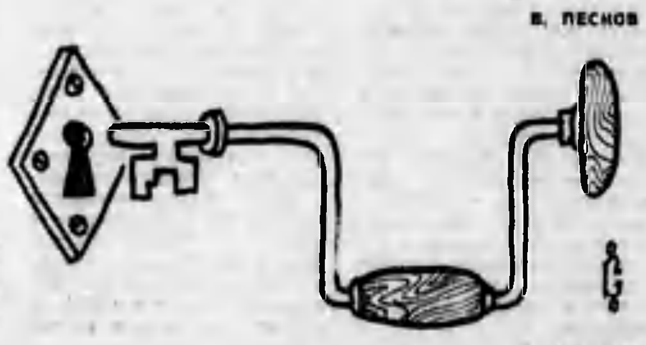


В. ПЕСНОВ

Из коллекции Евг. САЗОНОВА



В. ИВАНОВ



В. СУДАРЕВ

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

из цикла «ЗВЕРОГРАММЫ»

Вадим ЛЕВИН

Авторы публикуемых ниже стихотворений — Гусь, Волк, Червяк и другие — представители животного мира. Их произведения перевел на человеческий язык харьковчанин Вадим Левин.

ГУСЬ О ШЕЯХ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Я не ропщу, когда
Нам скручивают шеи, —
На то, как видно,
шея и дана,
О чем и говорит
удобная длина...
Но у жираф она
еще длиннее!

ЧЕРВЯК О ПРОБЛЕМАХ ПОЗНАНИЯ

Я думаю снова и снова
о том
Что думаю я,
вероятно, хвостом,
Поскольку (насколько
с собой я знаком)
Я весь из хвоста
состою целиком.

УТРЕННИЙ КРИК ДУШИ*

Не хуже прочих птиц
владею я пером,
Я чувствую,
что я рожден орлом,
Что я бы мог парить
под тучей в хмуром небе
Когда б не куры
и не гребень!

ВОЛК ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ

Знакомым драматургам в подражание

Я днем и ночью
думаю о корме:
Ведь даже сам Шекспир
о содержании
Заботился не меньше,
чем о форме.

---

* Автор неизвестен. Стихи подписаны псевдонимом Птица Большого Полета (Прим. переводчика).

ПЕРЕВОДЫ [illegible]

Стиг КЛАССОН

ЧЕЛОВЕК С ГАЛСТУКОМ

— Добрый день,— сказал человек, терпеливо выстоявший в очереди к прилавку.— Дело в том, что я получил галстук, который мне не очень нравится, и мне хотелось бы его обменять.

Продавец внимательно посмотрел на него.

— Тот, кто дал мне этот галстук, сказал, что если он мне не понравится, то я смогу его обменять,— продолжал покупатель.— И вот именно это я и хочу сделать.

— Здесь?! — сказал продавец.

— Да, конечно же, здесь. Это довольно дорогой галстук.

— Но послушайте, — сказал продавец.— Может, вы обменяете его в том магазине, где его купил даритель?

— Откуда я знаю, где он был куплен,— сказал покупатель.— Тот, кто дал его мне, хотел сделать мне приятное, но мне этот галстук не нравится.

— Вы, разумеется, должны обменять этот галстук на другой,— сказал продавец.— Но не здесь...

— Мне не нужен никакой галстук,— заявил покупатель.— Но я знаю, что этот галстук довольно дорогой. И поскольку я не знаю, где он был куплен, я хочу обменять его здесь Тот, кто мне его дал, говорил, что я могу его обменять.

— Он вам сказал, что вы должны прийти сюда?

— Нет, этого он не говорил. Сюда я пришел сам по себе.

— Но вы сами должны понять, что здесь мы ничего не меняем.

— Я хочу получить за галстук три бутылки красного вина или полбутылки коньяку,— сказал покупатель.— Вот и все, что я хочу за него получить. Ведь тот, кто мне его дал, желал мне добра. И он перестраховался, купив мне такую вещь, которую я могу обменять.

— Идите туда, где был куплен этот галстук,— сказал продавец.— Идите и обменяйте его там на что-нибудь другое. Например, на другой галстук. Вот что я вам скажу.

— Стало быть, вы его не обменяете? — спросил покупатель.

— Нет,— отрезал продавец.

— Может, на две бутылки белого вина?

— Возьмите свой галстук и уходите!

— Я имею полное право обменять этот галстук.

— Но не здесь же!

— А где?

— В магазине галстуков, — сквозь зубы выдавил продавец. — В том магазине галстуков, где он был куплен.

— Ну ладно. Могу я у вас купить полбутылки коньяка?

— Не знаю, — ответил продавец. — Впрочем, если вы потом уйдете. Вместе с галстуком, разумеется...

— Забудьте о нем, — сказал покупатель.

Человек с галстуком получил свой коньяк и медленно пошел прочь. Удивленный продавец смотрел ему вслед. Еще бы! Прийти в винный магазин и попытаться обменять там галстук. Пожалуй, ему не следовало бы покупать коньяк...

Спустя два часа он снова стоял у прилавка.

— Это опять я, — сказал человек с галстуком.— Думаю, что вы меня не забыли.

— Я вас не забыл, — сказал продавец. — Что вам угодно?

— Я только хочу сказать, что у меня теперь два галстука.

— Вот как?! Значит, за тот галстук, что был у вас, вы получили два?

— Нет, тот галстук, что мне подарили, остался у меня, — сказал покупатель. — Я только хотел рассказать, что я пошел в магазин галстуков и обменял тот коньяк, что купил у вас, на другой галстук Только чтобы убедиться, что это возможно. Чтобы убедиться, что можно получить галстук, если у меня есть коньяк, на который его можно обменять. Обмен коньяка на этот симпатичный галстук прошел без всяких осложнений Теперь я хочу узнать, почему нельзя сделать наоборот. И теперь, когда у меня два галстука, я хочу обменять их на целую бутылку коньяка.

— Вы с ума сошли! — сказал продавец.

— Но мой новый галстук тоже можно обменивать. Я спрашивал.

— Ну так и обменивайте, — прорычал продавец. — Идите и обменивайте свои галстуки. Где угодно. Только не здесь.

— Я вас не совсем понимаю, — сказал покупатель.

— Зато я понимаю. Уходите!

— Четыре бутылки белого вина. Сухого. Галстуки того стоят.

— Уходите!!!

— Я, не желавший иметь галстука, имею сразу два — сказал покупатель. — Не кажется ли вам это несправедливым?

— Уходите!!!!

Мужчина посмотрел на продавца и сказал:

— Вот вам галстук!

— Мне не нужно никакого галстука!

— Но мне ведь тоже не нужно было галстука!

— Мне не нужно...

— Но уж во всяком случае один у вас будет. Пригодный для обмена. Если он вам не нужен, вы сможете его обменять. Не правда ли?

— Черт с тобой! — сказал продавец.

Перевел со шведского Г. ФЕДОСЕЕВ

Не за горами 1 апреля — День смеха. В связи с этим Одесская студия телевидения проводит «Турнир веселых телезрителей». В нем могут принять участие жители любого города, которые напишут и пошлют в Одессу что-нибудь очень веселое. Победителей уже ждут награды. Приятно сознавать, что на Одесской студии телевидения есть отдел сатиры и юмора. Администрация «Клуба ДС» хочет задать далеко не риторический вопрос другим студиям страны: «А у вас есть такой отдел?»

Не дремлют и в Казани. Всем известно, что в Казанском химико-технологическом институте существует группа эстрадных миниатюр под названием «Спецсмех». Эта группа не без триумфа прошла сквозь огонь, воду и медные трубы всесоюзных фестивалей студенческого искусства в Ленинграде, Ереване, Казани и Ташкенте. А 1 апреля 1973 года «Спецсмеху» исполняется десять лет. Ничего себе, докатились... С праздничком!

Да, действительно, не за горами День смеха. В связи с этим фактом администрация «Клуба ДС» уполномочена объявить воскресенье, 1 апреля 1973 года, нерабочим днем. Смейтесь в специально для этого отведенных местах, то есть, грубо говоря, в театрах, в концертных залах, а также по месту жительства — дома у телевизоров.

ЛАВКА БУКИНИСТА

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Аркадий АВЕРЧЕНКО

АВАНСЦЕНА — сцена, которая впереди. Так, подвыпивший супруг, бредущий одиноко, пошатываясь, домой к жене, имеет авансцену.

АРХИ — приставка к слову, знаменующая высшую степень чего-нибудь (напр. Архимед).

БИБЛИОФИЛ (греч.) — зачитывающий книги.

БОЛВАН — выставляется на витрине в парикмахерской или сидит внутри.

ВАЛААМОВА ОСЛИЦА — прославилась тем, что заговорила. Ослы, говорящие в наше время, уже удивления не вызывают.

ВАНЬКА-КАИН — брат Ваньки-Авеля.

ГАЛОША — род кресла. Служит для сидения и отдыха.

ГЮГО Виктор — автор знаменитого романа «Notre Dame de Paris», вышедшего на русском языке под заглавием «Наши дамы из Парижа».

ДАНАЯ — дочь аргосского царя Акризия. Говорят, что Юпитер являлся к ней в виде золотого дождя. В наши дни такие визиты сопряжены с меньшими затратами.

ДИАБЕТ — небольшой сахарный завод на одну персону.

КАБАН — папа поросенка. Мама его, хотя нам и неприятно обижать ребенка, — свинья.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕР — человек, размахивающий в оркестрах палкой, отчего испуганные музыканты начинают играть.

КАТАФАЛК — экипаж, в котором делают не больше одной езды.

Подготовил к печати В. ПАНОВ

НОВЫЕ КНИГИ

Как известно, администрация «Клуба ДС» почти вся семейная и имеет наследников и наследниц. Поэтому нет ничего странного, что на днях на книжной полке клуба появилась книжка с надписью: «Детишкам «Клуба ДС» на память от Волка и Зайца! Ну, ребята, погодите!». И подписи авторов сценария мультбоевика «Ну, погоди!» Ф. Камова, А. Курляндского и А. Хайта.

Надо сказать, что книжка, которая хотя и называется очень прозаично «Фильмы-сказки» (издательство «Искусство», тираж 65 тысяч), — отличный подарок, такая она красивая и хорошо оформленная. В нее вошли сценарии рисованных мультфильмов Ф. Хитрука «Каникулы Бонифация», В. Ливанова, Ю. Энтина «Бременские музыканты», М. Вольпина «Капризная принцесса», О. Дриза «Почему у Петуха короткие штаны», В. Ливанова «Самый, самый, самый, самый» и другие хорошие мультяшки.

Администрация «Клуба ДС» и ее дети с удовольствием рекомендуют книжку как маленьким, так и большим читателям.

ФРАЗЫ

● *Разделяй чужое мнение и властвуй!*

● *Поворачивал реки вспять, чтобы не плыть против течения.*

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

● *Хорошо, что мы не замечаем, как Земля вертится. Могла бы начаться паника.*

Василий СМИРНОВ

● *А может, всевидящее око — чье-то слепое орудие?*

● *Развалины! А как прекрасно сохранились!*

● *Рентабельнее всего выдавать пьедесталы напрокат.*

● *Овладел смежной профессией — стал профаном в другой области.*

Юрий ВАЗЫЛЕВ

● *Если уж попадать в переплет, так хоть со своим именем на обложке.*

● *Как это трудно — работать и еще красить свое место!*

Д. МИЛЬРУД

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ. 103654 ГСП. Москва Ц Цветной бульвар 30. Телефон для справок. 295 00 00 об 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—07620 Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 210 ИНДЕКС 50067